

ББК

UNICA ZÜRN
Der Mann im Jasmin / Dunkler Frühling /
Das Weisse mit dem roten Punkt

В оформлении обложки

ISBN 5-98144-078-3

©Unica Zürich, 1965, 1967

©Анна Глазова, перевод, предисловие, 2005

©Митин Журнал, 2005

©Kolonna Publications, 2005

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Редактор: Дмитрий Волчек

Обложка:

Верстка: Елена Антонова

KOLONNA Publications (ООО «Колонна пabликейшнз»),
а/я 24048, Тверь, 170024, Россия. e-mail: kolonna@kolonna.org
www.mitin.com/kolonna

Уника Цюрн

ТЕМНАЯ ВЕСНА

Перевод Анны Глазовой

ДНЕВНИК БЕЛОГО ЖАСМИНА И ЧЕРНОЙ МЕЛАНХОЛИИ

Сюрреалист отчаявается найти рассудок.

Антонен Арто

Уника Цюрн (1916 – 1970) родилась и выросла в Берлине. Вилла ее родителей в Груневальде была полна экзотических вещей – отец Уники много путешествовал по Азии и Африке. Позже восточные мотивы будут часто возвращаться в ее рисунках и текстах. Уника учится в гимназии, потом начинает работать в киноконцерне УФА: сперва монтажером, потом постановщиком рекламных роликов. В 1942 году выходит замуж, но вскоре после войны разводится, причем двое маленьких детей остаются под опекой отца. Уника занимается журналистикой и живет на гонорары от фельетонов, которые публикует в берлинских газетах. В 1953 году происходит встреча, которая меняет всю ее жизнь: она знакомится с парижским художником-сюрреалистом Хансом Беллмером на его выставке в Берлине. Они влюбляются друг в друга с первого взгляда, и Уника переезжает с ним в Париж. Их сложная, много раз прерываемая, связь продолжается до смерти Уники, несмотря на многочисленные конфликты и кризисы из-за ее болезни и алкоголизма Беллмера.

Унику Цюрн до сих пор чаще упоминают как подругу и модель Беллмера, чем как самостоятельную художницу или писательницу. Задолго до знакомства с Уникой он прославился своей скандальной «куклой» (La Poupée),

скульптурой из разборных женских форм: выпуклых животов, грудей, ягодиц, вагин, рук и ног. К этим конструкциям, которые можно было собирать разными способами, зачастую крепилась голова с полудетским лицом и розовым бантиком в волосах. Вдохновением Беллмеру послужили письма Оскара Кокошки, опубликованные под названием «Фетиш». В них описана история любви Кокошки к манекену Альмы Малер, которым безутешный художник тщетно пытался заменить утраченную возлюбленную. В конце концов, Кокошка созвал гостей и устроил оргию, во время которой, насмерть перепугав соседей, казнил куклу и избавился от страшной страсти. Кокошка теряет интерес к кукле, отрубив ей голову; Беллмер же именно начинает с расчленения. *La Poupée*, новособранное тело без органов, воспроизводит не анатомию возлюбленной, а анатомию разрушительного желания. В середине тридцатых годов Беллмер издал за свой счет книгу с серией фотографий куклы – крошечным тиражом и без указания имени автора. Несмотря на предосторожности, в 1938 году он вынужден был эмигрировать в Париж после того, как книгу объявили образцом «дегенеративного искусства».

Переехав с Беллмером в Париж, Уника знакомится через него с сюрреалистами – Бретоном, Ман Реем, Максом Эрнстом, Марселем Дюшаном, Анри Мишо и другими – и начинает принимать участие в их экспериментах. Она позирует Беллмеру для серии фотографий «Венера Эрменонвиля»: теперь уже не кукла, а туго перетянутое веревками тело Уники превращается в «измененный телесный ландшафт». «Хранить в прохладном месте», гласит подпись к одной из этих фотографий. Примерно в это же время Уника, вслед за Беллмером, начинает увлекаться анаграммами. Анаграммы – словосочетания и предложения, получающиеся при перестановке букв в исходной фразе. Анаграммы

интересны для сюрреалистов автоматизмом. Роль автора сводится к механическому перебиранию сочетаний букв; таким образом, в анаграмме говорит не автор, но сам язык, его структура – «подсознательное» языка. В умении находить анаграммы Уника намного превзошла Беллмера, составив несколько сборников анаграмматических стихотворений. Вместе с автоматическим письмом, она занимается и автоматическим рисованием, принимает участие в выставках сюрреалистов.

Осенью 1960 года, после неудачного аборта, с расстроенными нервами, решившись порвать с Беллмером, Уника внезапно уезжает в Берлин и там прерывает беременность хинином. В Берлине же случается первый «кризис» – ее посещают галлюцинации, она совершает странные поступки, в результате которых оказывается сперва в тюрьме, а потом в психиатрической клинике. Этот промежуток времени она описывает в «Жасминовом человеке» (1965). В следующие десять лет «кризисы» многократно повторяются: краткие приступы мании, сменяющиеся депрессией, которая иногда затягивается на долгие месяцы. Началом болезни Уника считает свое травматическое знакомство с Анри Мишо. Мишо в то время экспериментировал с мескалином, и Уника тоже начала принимать галлюциногены, после чего Мишо, маг и мудрец, превратился для нее в галлюцинацию: в «жасминового человека» из ее детского сна. Его инициалы, *Н.М.*, становятся паролем, открывающим дверь в безумие. Повторяя его имя как заклинание, Уника сама себя затягивает в удушающий корсет анаграмм – еще теснее, чем путы «Венеры Эрменонвиля». В занятиях автоматическим письмом она обменивает мир повседневности на чудеса галлюцинаций, за которые приходится расплачиваться долгими периодами депрессии, пустоты и отчаяния.

И Мишо, и Беллмер видели задачу в том, чтобы черпать искусство в бессознательном, пытались вырваться за пределы сознания. Но возможен ли прямой доступ к бессознательному, особенно если поставить себе это целью? Если бессознательное воспринимается как некий регион, лежащий за пределами сознания, то уже само это представление смещает бессознательное в сознание. Другими словами, художник или писатель, считая, что занимается автоматическим, бессознательным рисованием или письмом, на деле сознательно воспроизводит образ того, что он понимает под бессознательным. Неожиданность автоматических образов берет начало не в самом бессознательном, а в том, что сознание категоризирует как спонтанность и неожиданность, по контрасту с «предсказуемостью» образов, созданных в трезвом рассудке. Но неожиданность сюрреалистических образов зачастую оказывается настолько же предсказуемой и узнаваемой: не спонтанность, а изображение спонтанности. Именно поэтому куклы Беллмера воспринимаются не как новые ландшафты сексуальных фантазий и кошмаров, а как артефакты экзорцизма: эго, то есть сознание, от которого автор пытается скрыться в бессознательном, заявляет о себе с еще большей настойчивостью.

Рисунки и анаграмматические стихи Уники менее известны, чем работы ее друга, но больше соответствуют своей цели: быть не более чем упражнениями в автоматизме, средством погружения в транс. Однако кроме рисунков и анаграмм, Уника пишет и прозу. В то время как дневник Беллмера состоит из сюрреалистических описаний, в которых кусочки повседневной жизни вкраплены в умышленно фантастические образы, Уника составляет подробные отчеты о днях, проведенных в клинике и «на свободе», и, даже описывая галлюцинации, не теряет контакта с

действительностью. Она пишет от третьего лица, в тоне наблюдателя. Описывая свои переживания, она не пытается ни вызвать у читателя сочувствие, ни увлечь его сюжетом или цветастыми оборотами речи, ее проза скорее неприметна и не претенциозна, но сила – в терпеливом пересказе, в котором ее необычная жизнь предстает в свете обыденности. Присутствие все фиксирующего сознания во время самых экзальтированных галлюцинаций – то, что делает ее прозу по-настоящему интересной. Хотя она и считает галлюцинации, странные видения, теми моментами, ради которых только и стоит жить, эти фантазии не становятся единственным фокусом ее прозы, не превращаются в фетиш. И болезнь, и проза начинаются с одного и того же события: с поэзии, с оракула, который доносится из ее живота. Уника не произносит пророчеств, но лишь рассказывает историю о несбыточности пророчеств. Она с удивлением слушает голос, который заполняет ее пустое чрево (ради этой пустоты пришлось пожертвовать двумя детьми, которых она оставляет с отцом, и еще троими – аборты), но не объявляет себя пифией: она рассказывает в прозе о тоске по магии в расколдованном мире. Если куклы Беллмера выполняют задачу быть сбывшимися фантазиями, идолами, то проза Уники показывает, почему эта задача неразрешима: художнику не скрыться в образ, в остатке всегда остается жизнь – повседневность, тело, боль. И отупение от нейролептиков. А Мишо, жасминовый человек, маг путешествий в потусторонние пределы, смело отрицавший общественные условности, перестал навещать Унику в больнице, когда в богемных кругах заговорили о том, что она сошла с ума из-за него.

В промежутках между лечением в клиниках и периодами депрессий Уника продолжает работать. В 1967 году она пишет «Темную весну», автобиографическую новеллу о

взрослении. Но сил все меньше. В 1970 году Беллмер, который и сам тяжело переживает «кризисы» Уники, переносит инсульт, после чего оказывается почти полностью парализован. Когда Унику выписывают после очередного курса лечения, она, дождавшись ночи, прыгает с шестого этажа их парижской квартиры и разбивается насмерть.

Фильм «Путешествие в свет» по набоковскому «Отчаянию» Фассбиндер посвятил Винсенту ван Гогу, Антонену Арто и Унике Цюрн, объединив этих троих общим мотивом – «художник и безумие». (Кстати, с Арто Унику связывает еще одно обстоятельство: у них был один и тот же психиатр, Гастон Фердьер. Правда, Унике повезло больше: на ней Фердьер не испытывал лечения электрошоком.) Давая интервью о «Путешествии в свет», Фассбиндер говорит о том, что в жизни каждого наступает момент, когда ничего принципиально нового уже не может произойти, и многие смиряются с такой жизнью – на деле, смертью. По словам Фассбиндера, герой его фильма находит выход в безумии: «Не скажу наверняка, потому что сам там пока не был, но думаю, что в стране безумия можно найти новую жизнь. Мне кажется, это принцип надежды». Путевые заметки из путешествия в безумие – так, действительно, можно назвать прозу Уники Цюрн.

Анна Глазова

ЖАСМИНОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

На шестом году жизни ей снится, что она оказывается по ту сторону зеркала, висящего на стене у нее в комнате. Во сне это зеркало в раме из красного дерева, в котором она отражается в полный рост, оказывается дверью в аллею под тополями. Аллея ведет прямо к распахнутым настежь дверям дома. Она заходит в дом и поднимается по лестнице. Никого. Она подходит к столу. На столе лежит белая карточка. Она берет карточку в руку, пытаясь разобрать имя, и просыпается. Сон так похож на правду, что она встает с постели, чтобы заглянуть за зеркало, но там только стена, никакой двери.

Страдая от необъяснимого одиночества, она идет утром в комнату к матери, чтобы – о если бы можно было попасть через постель матери туда, откуда она появилась, и чтобы уже ничего никогда больше не видеть!

И тут на нее наваливается гора тепловатой плоти, в которую заключен нечистый дух этой женщины, ее матери: и она в ужасе бежит от матери, женщины, паучихи – прочь, прочь, навсегда! Она оскорблена, унижена.

Тут ее впервые посещает видение: человек жасминовый человек. Безмерное утешение! Облегченно вздохнув, она садится на землю и смотрит на него. Он хромот – но для нее это удача. Он никогда не встает с кресла в саду, в котором жасмин цветет даже зимой.

Этот человек становится для нее символом любви. Его синие глаза прекрасней всех.

И она выходит за него замуж. Лучше всего, что никто об этом не знает. Это ее первая великая тайна.

Рядом с ним, в молчании и бездвижности, она узнает две вещи, которые запомнит навсегда:

Дистанция.

Пассивность.

Гораздо позже к ней будут пытаться подобрать ключ, но она не откроется. Слишком быстро сдавшись, ее отбросят в сторону, ненужную шкатулку. Потому что за каждым мужским плечом, о которое она обопрется, она будет видеть только жасминового человека. Она останется верна свадьбе, сыгранной в детстве.

В 1957 году, в деревне Эрменонвиль в окрестностях Парижа, она пишет шесть рукописей, пытаясь избавиться от слишком сильного впечатления, хоть и тщетно: «Счастье, быть до начала. С нами ничего не может случиться, потому что мы сами не можем случиться».

Она теряет миллион красных кровяных телец, все ее тело покрывается пятнами; больная малокровием, она пишет: «Кто-то ходит во мне, кто-то живет внутри меня. Я стала его домом. Снаружи, посреди черного ландшафта с мычащей коровой, кто-то делает вид, что он есть. С этого мгновения вокруг меня очерчен круг. Он пересекает меня внутри, он окружает меня снаружи – вот мое положение. И мне это нравится».

Ночью ей снится красивое и опасное существо: девушка и одновременно змея, у нее прекрасные длинные волосы. Это существо раздумывает об уничтожении всего мира. А потом ее подвергают операции, во время которой тщательно и осторожно удаляют все органы, при помощи которых она могла бы совершить свою работу разрушения.

Удаляют мозг, сердце, кровь и язык. В первую очередь отнимают глаза, но забывают про волосы. Это ошибка, потому что она – слепая, обескровленная, немая – обретает теперь такую силу, что от нее приходится бежать без оглядки. Что значит этот сон?

Через несколько дней с ней в первый раз в жизни случается чудо: в одном парижском доме она сталкивается с жасминовым человеком. Эта встреча – шок, которого она никогда до конца не преодолеет.

С этого дня она начинает очень, очень медленно терять рассудок.

Ее детская галлюцинация и внешность этого человека идентичны. С той разницей, что он не хромает и у него нет сада с цветущим жасмином.

С намерением скрыться от реальности в собственных мыслях, она внезапно углубляется в рукопись «в честь цифры 9».

Эта цифра обретает огромное значение. Она пишет: стоит сказать «одинойды один», глядя на цифру 9, сразу начнешь спускаться по лестнице – словно музыкальной – потому что –

1 на 9 девять

2 на 9 восемнадцать

3 на 9 двадцать семь

4 на 9 тридцать шесть

5 на 9 сорок пять

6 на 9 пятьдесят четыре

7 на 9 шестьдесят три

8 на 9 семьдесят два

9 на 9 восемьдесят один...

Так открывается вся красота математики.

Но это еще не все.

То, что она выучила еще в школе, подталкивает ее к поиску других способов получать 9. Она высчитывает сумму цифр в 18, 27, 36, 45, 54, 63, 72, 81 и снова натывается на 9. Потому что:

1 плюс 8 будет 9

2 плюс 7 будет 9

3 плюс 6 будет 9

4 плюс 5 будет 9 – и т.д.

«Что говорит человек, родившийся в 99 году – проснувшись утром 66 года? Прошло время, и его красивое 99 встало на голову, и что это значит, ему известно лучше всех. 66 готово броситься – вверх ногами – в вечность».

Заинтересовавшись фигурами других цифр, она рассматривает 8. Она рассекает ее вдоль и получает две тройки, глядящие друг другу прямо в глаза.

Ее знак зодиака – рак – изображается как слегка искривленное 69, и известный китайский символ инь и ян, великий предел, для нее, европейки, тоже выглядит как 69.

Символ 9 означает для нее стоящего человека, который смотрит влево – в ту сторону, откуда (как ей, неизвестно почему, кажется) приходит все неожиданное. Когда 9 встречает 9, она дает им повернуться друг к другу лицом, и они взволнованно соприкасаются лбами, а их ноги срастаются внизу.

Теперь они изображают сердце.

Потом она поворачивает друг к другу две 6, и получается туз пик.

Она снова рисует 9, продлевает завиток вниз и заканчивает кружком, как у 6: получается 8 – знак бесконечности, но стоящий вертикально. Этот знак напоминает ей песочные часы.

Она нарекает 9 числом жизни, 6 – числом смерти, а 8 включает в себя и 9, и 6.

Теперь она рисует змею: змея, если захочет, может изобразить собственным телом и 9, и 6, и 8, и 3, и даже абсолютный круг.

Занятие цифрами 9 и 6 превращается в манию. Эти цифры начинают всюду встречаться на ее пути.

В один из этих дней ей выпадает удача: на одной из парижских автобусных остановок она вытягивает из ящика красивое число 999.

Она идет на митинг против атомной бомбы и заражается желтухой. В жару, лежа в постели, она пишет рукопись под названием «В доме болезней».

– Желания запрещены, – говорит ей врач, доктор Мортимер. – Желания вредят здоровью. Я вам запрещаю. Сказка об исполнении последнего желания – не более, чем сказка. Вы очень больны, потому что кто-то вырвал оба сердца из ваших глаз. Неудивительно, что вы теперь все время смотрите влево – в сторону, где прячется ваш убийца.

Ах, какой глупец этот доктор Мортимер, но прежде чем покинуть этот дом, я тайком открыла дверь в «Комнату глаз».

Тут с потолка падает красный скорпион и, отвратительно извернувшись, втыкает себе в сердце хвост. Одновременно в открытое окно влетает белый орел и обнимает меня прекрасными синими глазами.

Вдалеке отсюда он складывает крылья и возвращается в свою комнату. Она садится напротив пустого кресла и беспомощно следит за тем, как время проходит мимо.

Она пишет рукопись «Игры вдвоем».

Игра в растягивание. (Потому что когда она впервые увидела его, он стоял в своей комнате и был невообразимо высок, три метра ростом.) Игра в воплощение – (потому что она чувствует, что он вбирает ее в свою плоть, чтобы

уничтожить ее внутри себя – чтобы сделать их встречу несостоявшейся).

Игра в единокорые – (потому что когда она засыпает, он вытягивается в ее теле, и они лежат – как один сакрофаг¹ в другом. Он ускользает ровно в тот момент, когда она открывает утром глаза.)

В другой раз ночью она встречается его на залитом солнцем плато, и они гуляют вместе, не произнося ни слова. Восторг! Он не хромает. И сохраняет дистанцию, жасминовый человек. Неисчерпаемое изумление: видение стало реальностью!

Когда она следующей ночью хочет оказать с ним рядом во сне, дверь к нему оказывается закрыта.

Кончено!

От недостатка ума ей кажется, что он ее гипнотизирует. Она, с ее цыплячьими мозгами, не понимает, что сама себя гипнотизирует, заставляя мысли бесконечно кружиться вокруг этого человека. Он – орел, кружащий в небе над ней, а она – мазохистский цыпленок. Она не знает, куда бежать, как спастись. Она постепенно теряет рассудок. Первый кризис случается с ней в кинотеатре. Зал темнеет, она видит, как он входит и садится в нескольких рядах перед ней. Одновременно он занимает место прямо за ее спиной.

Начинается реклама какого-то масла. Одна за другой, бутылки наполняются маслом, их вид ей отвратителен. Бутылка превращается в символ мужского члена – ей становится нехорошо, она боится, как бы ее не стошнило прямо в кино.

Вторая реклама: спасают человека в горах. Молодого мужчину вытягивают на канате из расщелины в скале. Этот образ означает, что ее сын находится в смертельной опасности.

¹ Так в оригинале (*прим. пер.*)

Начинается английский фильм «Hold up in London»¹.

Пятеро джентельменов-гангстеров грабят банк. У нее создается впечатление, что это она сама – банк, но только ее не грабят, а похищают, как будто хотят увезти куда-то, где вся ее жизнь пойдет по-другому. Это напоминает ей игру из детства, «разбойники и принцесса».

Пятеро гангстеров становятся для нее таинственной Пятой Колонной, которая появляется всякий раз, когда она оказывается в опасности – они ее спасители в беде. Организация «Инкогнито».

Почему она приехала во Францию?

В 1953 году в Берлине она трижды смотрит французский фильм, упиваясь лицом актера, ничем не напоминающим жасминового человека.

Она чувствует такое родство с лицом этого мужчины, что кто-то действительно говорит ей: «Ты на него похожа».

Несколько дней спустя она встречается человека, в котором узнает актера, на которого сама стала похожа. С удивлением она слышит, как кто-то другой говорит: «Этот человек похож на N. в том кино».

Это убеждает ее уехать из Берлина. По его просьбе она соглашается переехать с ним в Париж. В Париже она встречается «жасминового человека».

Вечером, после фильма «Hold up in London», она находит у себя в комнате платок с двумя красными буквами: Н и М (это монограмма отеля, в котором она живет, Hotel Minerva). Это инициалы человека, которому она – по определенной причине – посвятила шесть рукописей, написанных в Эрминонвилле: Герман Мелвилл, Herman Melville.

Она где-то прочитала, что он начал писать «Моби Дик» после того, как ему «повстречалась ирландская дама в почтовой коляске, путешествовавшая по Англии».

1 «Ограбление в Лондоне».

Она верит, что эта встреча, больше не повторившаяся, заставила Мелвилла взяться за главный труд жизни. Свои рукописи она сама, вне сомнения, написала под впечатлением такой встречи. И – какая драма! – отправила жасминовому человеку с просьбой сжечь их.

После трех удивительных встреч в детстве она догадалась, что смысл жизни состоит в том, чтобы позволить кому-то себя встретить.

Сперва ей является жасминовый человек, а потом ее приводят к очень старому предводителю индейцев племени сиу по имени Big Chief White Horse Eagle¹. Он целует ей руку, и рука чернеет. Она отказывается смывать с руки поцелуй.

Через несколько дней она встречается пигмеем, с нее рожом. Он складывает черные ручки под левой щекой, закрывает глаза, наклоняет голову и начинает плавно раскачиваться: мимика сна.

Она делает три шага и тут же наталкивается на индуса, который протягивает ей на ладони горячий шарик из риса с карри. Теперь у нее четыре экзотических короля: белый, красный, черный, коричневый!

Так что когда теперь, в незнакомой гостиничной комнате, на нее смотрят буквы Н М – инициалы белого человека, – они значат только одно: встреча!

Она выключает свет, открывает окно и ложится в постель. По лестнице с грохотом подымается группа мужчин. Дверь в комнату открывается, они входят. В комнате по-прежнему темно. Пятая Колонна?

Она ждет. Она знает – что-то произойдет. Вот! Первый знак с ТОЙ СТОРОНЫ! Громкий шорох. Звук. Как если бы стукнули по музыкальному треугольнику: «Тринь!» Хочет

¹ Великий вождь белый мустанг орел.

она того, или нет: «тринь» – это приказ. Она поднимается. Что теперь? Звук повторяется несколько раз, и она выходит из комнаты, словно ее тянут серебряные нити, «чтобы подготовиться к операции». Странная церемония! От нее «требуют», чтобы она очистила память от воспоминаний минувших лет – как хирург, прежде чем начать резать, требует, чтобы пациентка очистила желудок. Она чувствует себя тоньше листка бумаги. Но снова раздается *тринь-тринь-тринь*, и вернувшись в комнату, она вдруг становится прозрачной. Белое, прозрачное ничто.

Тринь!

Она ложится. Ждет. Индусы со спящим ребенком на руках, которых она только что встретила в коридоре, появляются на секунду в освещенном окне комнаты напротив. Опускается штора, за ней загорается круглый, неяркий свет, который начинает вращаться, как сигнал маяка. Замечательное, успокаивающее движение.

Тринь!

В ночном небе перед открытым окном вспыхивает белыми огнями аэродром, словно огромная фотография. Но нет! Картинка оживает. Словно бы в небе показывают фильм. Люди пересекают аэродром и садятся в самолет. И вдруг она замечает *его* впереди всех: он выглядит так, как однажды привиделся ей в детстве, но на этот раз он не сидит в кресле, а стоит, а в его объятиях – она сама, шестилетняя, «как когда вышла за него замуж».

Она с удивлением следит за тем, как эти двое садятся в самолет, как самолет взлетает и исчезает в небе.

Небо снова темнеет, ничего не видно. *Тринь-тринь-тринь-тринь!*

Она ждет.

Перед ней возникает картина кошмарного одиночества: подвал с пустыми бутылками – и все белое. Между бутылок –

голова ее сына, склоненная набок. Белая мраморная голова, в белых локонах, уложенных барочными завитками. Он повесился. Собрав всю силу воли, она пытается помочь умирающему быстрее скончаться. Ее заботит одно: чтобы он не страдал. Наконец, голова откидывается, глаза закрываются – конец. Она вспоминает сцену из фильма, который посмотрела днем: веревка над головой человека, которого спасают в горах. Это была увертюра к фильму, который она смотрит *теперь*.

Она не совсем ясно понимает, что у нее галлюцинации. В том состоянии, в котором она находится, невероятные, никогда не виденные вещи сливаются с реальностью. Поэтому видения в ночном небе для нее *действительно* существуют.

Когда она снова слышит *тринь-тринь-тринь-тринь* по ту сторону, она понимает, что этот звук исходит от *него*, и после минуты недоумения ей приходит мысль о гипнозе. Гипноз – вполне разумное объяснение.

В небе по-прежнему темно. Она не видит ничего, кроме темных силуэтов четырех печных труб. Она смотрит на эти фигуры, не понимая их значения – пока снова не раздастся *тринь*, в этот раз особенно настойчиво – и тут она понимает: это четыре могилы. *Его* могилы! Четверо мертвых, его возлюбленные? Она ничего о нем не знает. Четверкой могил – теперь она понимает – отмечена граница, переступать которую нельзя. Вдруг за ее дверью слышится отчаянный мужской плач. Она никогда в жизни не слышала таких безутешных рыданий. Он оплакивает своих мертвых. Но когда она выходит за дверь, чтобы как-то утешить его, там никого нет. Он ушел в темную комнату напротив. Она ложится в постель, но не засыпает.

Ей так грустно, что она, запинаясь, рассказывает ему свою историю, не менее печальную, чем его собственная.

Когда рассветает, она кладет в металлическую посуду шесть бумажных салфеток и поджигает их. Белый дым поднимается к потолку, и она видит, как из дыма растет высокая фигура, и различает черты лица.

Позже, после завтрака, она читает заметку в «Le Monde»:

«Молодой Аббе Кристиан... найден в лесу... повешен». Как если бы этот человек был ее сыном, чью смерть она *увидела* ночью, она пишет письмо в Германию, в интернат, в котором учится ее сын. Это анаграмма, которую она находит во фразе «Ihr hättet eure Augen ausgerissen»¹ из Послания к Галатам, глава четвертая, стих пятнадцатый: «Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне».

Вот эта анаграмма:

Euer Tag heißt: hart

Eure Augen: sein

Eure Haut ist Gesang – euer Rat: seh' ein.

Euer Haus ist getarnt. Eure Siege nah.

Eure Tat: ein Sarg-geeintes Ruhehaus.²

Она отправляет это похожее на эпитафию письмо в интернат – это ее первое безумное послание.

(Анаграммы – это слова и фразы, которые получаются при переставлении букв исходного слова или фразы. Другие буквы использовать нельзя. Искать анаграммы – одно из ее главных занятий.)

1 Вы исторгли бы очи свои.

2 Ваш день: жесток

Ваши глаза: его

Ваша кожа песня – ваш совет: всмотрись.

Ваш дом спрятан. Ваша победа близка.

Ваш подвиг: гроб соединит в доме покоя.

Позже она узнает, что интернат сообщил об этом письме отцу, и отец сразу же приехал и убедился, что сын, разумеется, жив.

Для другой анаграммы, которая относится ко времени ее увлечения цифрой 9, она выбирает фразу «Unsere Schicksalszahl ist die neunundneunzig»⁶.

В этой фразе она находит такую анаграмму:

Nun suchst dich sein sinnendes Auge als Ziel. Kurz
sind unsere Tage und sinken zu schnell zu Eis. – Ach!²

Или вот еще задает вопрос:

Werde ich dich einmal begegnen?³

Анаграмма этой фразы дает ей ответ:

Nach drei Wegen im Regen bilde
im Erwachen Dein Gegen-Bild: Er –
der Magier! – Engel weben Dich in
den Drachenleib. – Ringe im Wege –
lange, beim Regen, werd ich Dein.⁴

Неисчерпаемое удовольствие: искать в одном предложении другое. Это занятие требует концентрации и полной тишины, поэтому позволяет ей полностью замкнуться от окружающего мира – даже забыться от действительности, – а это как раз то, чего она ищет.

А однажды она взяла фразу:

1 Наше счастливое число – девяносто девять.

2 Тебя ищет его задумчивый глаз, ты цель. Коротки наши дни и слишком скоро падают в лед. – Ах!

3 Встречу ли я тебя когда-нибудь?

4 Через три дороги под дождем изображу,
просыпаясь, обратный тебе образ: Он –
маг! – Ангелы влетают тебя в
тело дракона. – Кольца на дороге –
долго, под дождем, буду твоя.

Hinter dieser reinen Stirne¹,
и вывела из нее анаграмму:
Hinter dieser reinen Stirne
redet ein Herr, reist ein Sinn,
irrt ein Stern in seine Herde,
rennt ein seid'ner Stier. Hier
der Reiter Hintersinn, seine
Nester hinter Indien – Irr-See
Irr-Sinn, heiter sein – Ernte der
drei Tinten-Herr – reisen sie
– ein Hindernis! – Retter seiner
Dinten-Herrn – ist es eine Irre?²

Особенно слова «это безумная?» поразили ее тогда, в Эрменонвиле, потому что она, естественно, уже задавала себе этот вопрос.

Склоняясь над белым листом бумаги в поиске анаграмм или готовясь начать набросок, уже окуная перо в черную китайскую тушь, но еще не зная, что нарисует, она чувствует нетерпение и любопытство. То, что она пишет или рисует – неожиданность для нее самой.

Доводы рассудка, здравый смысл оказываются утеряны, и она разрывает долгую и серьезную дружбу с человеком, с

1 За этим чистым лбом

2 За этим чистым лбом

говорит господин, кружит смысл,
звезда заблуждается в стаде,
скачет шелковый бык. Здесь
всадник – скрытый смысл, его
гнезда скрыты за Индией – безумное море
безумный смысл, не печалиться – урожай
трех чернильных господ – они едут
– помеха! – спасители его
чернильных господ – это безумная?

которым переехала жить в Париж. Она решает вернуться в Берлин и начать новую жизнь. Она чувствует себя сильной и смелой, способной на все!

Последний парижский день она проводит с друзьями и говорит им, что хочет послушать сильную и прекрасную музыку – «Оду к радости» Бетховена – но этот гимн, обычно потрясавший ее, теперь кажется ей слабой банальностью. Может быть, в этот день она была бы рада услышать трубу иерихонскую – предвестницу апокалипсиса.

Глубоко задумавшись, она лежит на постели, и вдруг что-то внутри ее тела начинает отвечать на вопросы, которые она сама себе задает.

Это настолько странное ощущение, что она спрашивает друзей, не встроен ли в кровать микрофон. Откуда раздаются эти высокие и низкие звуки, почти складывающиеся в слова?

Звуки тела ночью становятся внятной речью. Голос поэта, которого она знает и ценит, из глубины ее собственной утробы произносит анаграмму, которую она нашла во фразе, взятой из его книги. Вот эта фраза: «Und scheert ihr Rosenbärtlein ab»¹.

Глубоким, успокаивающим голосом он произносит:

Tristan neben Isolde. Herber Rauch
irrt über das harte Leben. In schon
bleiche Birne aus sternroter Hand
bau'n die Lerchen ihr Nest. Aber rot –
rebenrot schneit es Baldrian-Ruhe².

1 И остригает ей бородку из роз.

2 Тристан рядом с Изольдой. Горький дым блуждает по трудной жизни. В уже бледной груше из красной, как звезда, руки жаворонки строят гнездо. Но красным – как вино, красным идет снег валериановой тишины.

Вдруг из подушки высовывается, словно в знак приветствия, хорошо знакомый длинный нос этого поэта. Невероятный нос, такой, как у призраков в японской книжке, которую она однажды рассматривала.

Комната тиха и темна – она ждет – она *знает* – что-то должно произойти. Странное состояние – и все возможно!

Вот! Изящная маленькая швейная машинка пролетает в метре над ее головой, старая модель, такую она видела в детстве – только разноцветная: черно-золотая с красным. Красный преобладает! Колесики крутятся беззвучно, иголка клюет, как птичий клюв, вращается катушка белых ниток. Машинка шьет, но не видно ни руки, ни ноги, приводящей ее в движение.

Она внезапно разгадывает смысл видения. Всплывает фраза из однажды прочитанного стихотворения – она помнит эту фразу за то, что в ней передана какая-то потусторонняя атмосфера: «Кто-то шьет! Ты ли?»

Этим утром она отправила «белому человеку» блокнот со своими рисунками. На последнюю страницу она приклеила красную звездочку, обмотанную белыми нитками.

Вокруг звездочки она написала что-то по-французски. А теперь *он* шлет ей в ответ подарок – галлюцинацию!

Мерси!

Галлюцинация, к сожалению, исчезает, но сменяется новым видением. Никогда раньше она не мечтала ни о чем подобном.

Словно летят, хлопают крупные крылья: сначала их несколько, потом вся комната заполняется ими, и у нее такое чувство, что рядом с ней находятся существа не из этого мира. Никто из знакомых никогда не рассказывал ей о таких существах. Существа – она не знает, как их иначе назвать – явно намереваются окружить ее со всех сторон, ей страшно. От них исходит энергия уничтожения, она

снова, как когда-то в детстве, испытывает необъяснимый ужас. Когда эти угольно-черные крылья без птиц подлетают слишком близко к ее лицу, она поднимает руку и отбивается от них – на мгновение они исчезают в углах темной комнаты, но тут же возвращаются, и она постепенно привыкает к их присутствию, замечая, что в них нет вещества и что они пролетают сквозь ее тело, как будто она и сама стала бестелесной сущностью. Ей и страшно, и радостно. Если присмотреться, в этих существах нет ничего ужасного: у них нет ни глаз, ни лиц, и они исполнены гордости, благородства, безмерной серьезности.

Если бы кто-нибудь сказал ей, что для того, чтобы увидеть эту галлюцинацию, необходимо сойти с ума, она согласилась бы. Это видение – самое удивительное из всего, что она видела в жизни.

После того, как существа мало-помалу исчезают, она зажигает свет, чтобы осмотреть комнату: она уверена, что он где-то рядом. Видеть, как из ничего вдруг появляется нечто – ужасное ощущение, и она не может найти ему объяснения, кроме гипноза. Друзья убеждают ее, что никакого гипнотизера в квартире нет. Они остаются с ней в комнате до утра. Когда рассветает, она открывает окно и смотрит, как рабочие вывозят мусор. Хоть они и далеко, она узнает берлинского знакомого и зовет его по имени: «ЭРНСТ!»¹

В утренней тишине это слово звучит угрожающе, как будто означает – теперь все начнется всерьез.

Внезапно остро почувствовав, что покидает любимый город, она разбивает стакан об стену. Друзья испуганно смотрят на нее. Потом провожают ее на такси в аэропорт Орли. Вторым отчаянным жестом она выбрасывает красный футляр от очков из окна такси – так, как дети в сказке

¹ Ernst – серьезный, строгий (*нем.*)

крошили за собой хлеб, чтобы по этому следу найти дорогу назад в лабиринте лесных тропинок.

В ожидании рейса во Франкфурт, она выцарапывает острым концом пилки для ногтей цифру 6 на ладони: красивая цифра ее жизни – 9 – вдруг стала 6. Во время этой болезненной процедуры она обдумывает фразу: «Wenn die Neun zur Sechs geworden ist»¹.

Результат – анаграмма:

Wo regnet's zwischen neun und drei? Es regnet zwischen uns so neu. Der Winde Neun ist zur Sechs geworden. Wenn die Wege rot, Renn' zu uns dich weiß. Enden werden wir, zu siegen! Stunden, schön zu erröten. Schweigend, wissend nun².

Кровавая шестерка в руке. Ей уже не больно. Она выходит – сама не зная, зачем – на улицу. На нее накатывается большая черная рука – словно моля о пощаде, она заламывает руки – (что-то заставляет ее сделать этот жест) – и бросается под машину – потому что:

эта черная машина становится символом наступающей войны. Она пытается предотвратить войну. И ей это «удается»: машина останавливается. Водитель испуганно смотрит на нее.

После этой сцены у нее пробел в памяти: она не помнит, как оказывается в самолете. Садясь в кресло, она

1 Когда из девяти становится шесть.

2 Где идет дождь между девятью и тремя?

Между нами идет дождь, по-новому. Из девяти ветров становится шесть. Когда пути краснеют, мчись к нам, пока не побелеешь.

Положим конец, чтобы победить! Часы, такие прекрасные, что краснеешь. Молча, зная, о чем.

слышит смутно знакомый голос: «Она никого не видит!» Значит, в самолете есть знакомые? Да, она, действительно, получает от него «приказ»: «Опустите глаза – и не смотрите ни на кого!»

Она слышит голоса других пассажиров, их она тоже знает: врач из Эссена, владелец галереи из Берлина. Это «свидетели». Ему нужны «подтверждения». Это эксперимент! Она должна выдержать экзамен! Так что все идет по плану. Она постепенно начинает чувствовать себя медиумом. Она спрашивает сигарет у стюарда и узнает в нем молодого продавца из книжного магазина в Париже. Значит, к ней приставили «рыцаря» сопровождать ее в путешествии. На сигаретной пачке она читает: «*Felicitations de l'Air France!*»

Она *читает* эти слова! Они действительно напечатаны на сигаретах.

Ей желают счастья!

Что-то должно случиться во время полета специально для нее. Она удивляется, когда понимает это – *кто* это придумал? Сейчас прилетит черный самолет с белым кружком на левом крыле – она смело перешагнет пустоту – чтобы улететь в *настоящую* жизнь, о которой пока ничего не знает, но наступление которой предчувствует. Этот невероятный трюк в воздухе она выполнит без труда: уже несколько дней ее не покидает чувство, что она может все, что захочет, точнее – все, что прикажут. Она встает и идет к двери, чтобы не пропустить черный самолет. Но стюард вежливо отводит ее обратно, сажает в кресло и говорит, что еще рано выходить.

Когда они прилетают во Франкфурт, стюард спрашивает, она ли нарисовала рисунки, которые он увидел у нее в папке, они ему понравились. Она говорит – да, и он машет ей на прощание рукой. В этот момент черный самолет с

белым кружком на левом крыле поднимается в воздух и исчезает из виду. Со слезами на глазах она поднимает руку и машет ему вслед: почему, ну почему же он не дождался ее?

В зале франкфуртского аэропорта, где она ждет самолета в Берлин, она садится рядом с большой белой вазой. Ваза такая красивая, что она не решается бросить в нее бумажные салфетки и поджечь, а ей так хочется снова увидеть в дыму белого человека, которого она больше не осмеливается называть жасминовым человеком.

Его голос повторяет приказ: «Не смотрите ни на кого. Опустите глаза – и идите».

И все. Она встает, перед ней – большая черная вешалка для пальто, крючья выглядят угрожающе. Она понимает: это тюрьма. «Заходите!»

Преодолевая боль, она с трудом продирается между железными прутьями. Она чувствует себя униженной, ей стыдно.

Приказ не смотреть по сторонам ограждает ее от вида людей, которые, возможно, стоят вокруг и смотрят. Появляется «посланник» – он же «посвященный» – в образе французского стюарда и приглашает ее продолжить путь: самолет ждет. Чтобы убедиться в том, что он знает все, что должен в таком случае знать, она просит его назвать ей правильную буквы и цифры Он говорит без запинки: «L-N-M-6-9».

Тогда она выбирается из тюрьмы и идет за ним в самолет.

В аэропорту Темпельхоф в Берлине ее встречают друзья. В черном с ног до головы, с большой папкой рисунков подмышкой, она радостно бежит к друзьям, а позже они рассказывают ей: «Ты выглядела, как сумасшедшая, когда бежала через летное поле». В первый раз она слышит это слово в свой адрес. Она принимает его как должное – ей даже нравится, «сумасшедшая».

Для нее это большое потрясение – после долгого отсутствия вернуться в родной с детства город. Как будто только теперь она понимает, как сильно его любит. Она знает: Берлин разделен – шаткое положение для города. И она про себя решает создать город заново, целый и единый. Она *родит* его. Это желание настолько сильно, что у нее начинаются схватки, как при настоящих родах. Она не понимает, как можно чувствовать себя беременной целым городом. Но с ней уже несколько дней происходят невероятные вещи, так что это новое состояние кажется ей почти естественным.

На улицах города ей повсюду попадаются группы детей – маленькие «Пятые Колонны» – и это знак того, что ее здесь ждут. Из всех дворов вывозят мусор, на всех тротуарах перед ней сметают осенние листья. Должно быть, город готов родиться?

Если ей нужно что-нибудь купить, она оставляет в магазине гораздо больше денег, чем стоят ее покупки, со словами: «С днем рождения!» Разумеется, хозяева магазинов польщены. Ее всюду встречают широкой улыбкой. И у нее появляется новая походка: быстрая и очень легкая. Она словно парит в двух сантиметрах над мостовой – летит!

Она уверена, что скоро будет большой праздник. Она пишет сообщения любимым поэтам, сворачивает трубочкой и бросает в окно, и они летят, белые птицы ее просветления!

У друзей она встречает большого негра-музыканта. Когда она идет в магазин купить бумагу и тушь, он идет с ней. Перед входом в магазин он складывает руки, как для молитвы, и поднимает глаза к небу. Когда они возвращаются, она рассказывает друзьям, что он помолился за нее.

Друзья говорят: «Да, и другие заметили». Значит, это правда.

Когда в квартире никого нет, она слышит голоса друзей из окна напротив, они звучат так радостно, будто готовится

праздник, но от нее скрывают приготовления, хотят сделать ей сюрприз. На всякий случай она теперь не раздевается, ложась ночью в постель. У стены, рядом с окном, стоит длинная приставная лестница. Что это значит? Что ее ожидания сбудутся? Ее похитят среди ночи, пробравшись к ней в комнату этим романтическим способом, и увезут туда, где она, наконец, заживет настоящей жизнью? Она не может смириться с мыслью, что та жизнь, которую она знает – это все, что ничего другого уже не будет. Слишком уж это жалкое существование.

Как принцесса в сказке Андерсена, она играет в гости, только сама с собой: крайнее одиночество. Она не спит ночами и отказывается от еды.

Ее переполняют радость и ожидание. Словно заклиная его трехметровую фигуру из дыма, она читает вслух анаграммы, извлеченные из фразы «Der Geist aus der Flasche»¹ (как в сказках «Тысяча и одной ночи»). Это – самая богатая на анаграммы фраза на ее памяти. Получаются 9 анаграмм, она записывает их, когда живет в Палава-ле-фло. Вот некоторые из них:

Steig aus der Flasche! Der
siegt, der aus der Flasche
als die Feder grüßt. Ach –
See-Adler, Frische, Du Tag!

Der Geist aus der Flasche
fragt Dich aus. Der es lese,
schaurig der Edle, faßte
Dich Graus. Fels der Äste
sag, es rauscht. Die Felder,
als sich das Feuer regte,
lag Erde, Frische des Tau's.

¹ Дух из бутылки

Durst als Gefieder, Asche
aus Glas, fischte der Erde
Gift. Rasch'le, rede aus des
Fasses guter Lach', die der
Drude Leiche fraß, sagte
der Geist aus der Flasche.

Sag es aus der Feder Licht,
Tag der Schauder fließe
Lese das Gesicht der Frau.
Aus der Flasche steig der
Tau. Ed'le Grasfrische des
Flusses, ach, der Tage drei.

Es rauscht das Gefieder,
der Schlaf ist aus. Gerede
der Flasche steig aus der
Figur. Rede sachte als des
Geistes Rauch, da der Fels
des Auges Adel erfrischt.

Ich grüße das Alte: Feder,
Falter, Scheide des Grau's.
Sag es der Frau: Lichte des
Teufels, daß sich der Arge –
der Geist aus der Flasche –
die Fresse drauslacht.¹

1 Выйди из бутылки! Тот
побеждает, кто из бутылки
машет пером. Ах –
морской орел, свежесть, о день!

Дух из бутылки
расспрашивает тебя. Тот, кто это прочел,
весь дрожа, о чистый, тебя
объял ужас. Скала веток,

Этой ночью из освещенного окна напротив раздается его смех – надрывный, как плач тогда ночью за ее дверью в парижском отеле. Так он дает ей о себе знать. Она встает с постели и смотрит в окно дома напротив. Она видит, как он сидит за письменным столом при неярком свете настольной лампы. Он пишет. Она включает радио и слушает, как тот английский грабитель из фильма «Hold up in

скажи, шорох. Поля,
когда поднялся огонь,
земля простиралась, свежесть росы.

Жажда как крылья, пепел
из стекла, из земли выловлен
яд. Шепчи, говори из
смеха в бочке, кто пожрал
труп ведьмы, сказал
дух из бутылки.

Скажи это из света пера,
День дрожи – теки,
Читай лицо женщины.
Выйди из бутылки
Росы. Чистая, как трава, свежесть
Реки, ах, и три дня.

Шелест перьев,
сон не идет. Разговор
из бутылки, выйди
из фигуры. Говори негромко, как
дым духа, ведь скала
глаза освежает благодать.

Встречаю старое: перо,
складку, серую глубину.
Скажи это женщине: прогалина
дьявола, и пусть злой –
дух из бутылки –
высмеет себе пасть.

London», посмеиваясь, говорит что-то – разумеется, специально для нее. А! Она вдруг понимает: он делает радиопередачу в комнате напротив. Хорошая идея! И тут из радио – ее связь с ним! – доносится легкоступая, беззаботная музыка из детства: вальс – вальс – самый лучший из всех парных танцев!

Как мило – он составил для нее целую программу!

А на прощание он говорит: «On peut s’amuser tout seul!»¹

Значит, он сейчас придет!

Сегодня она, кажется, встретила своего брата. В войну он пропал без вести где-то под Витебском. Она никогда не верила, что он погиб.

Утром он пришел к ней в эту квартиру, как будто знал, что она там, и крепко пожал ей руку.

Она ничего не рассказала друзьям, чтобы не выдавать его секрет. Только маленькая девочка, которая была дома и открыла «чужому дяде» дверь, посвящена в тайну. Когда родители спросили, не приходил ли кто, девочка ответила «нет».

Загадка.

Может быть, кроме нее, его никто не видел? Может быть, для девочки он сделался невидимым?

Этой ночью, когда стихает музыка, она ждет четверых гостей, раскладывает для них подарки на стульях. Она решает, что сегодня сочельник. На улице ранняя осень – но у нее рождество. Она ждет брата. Она ждет и отца, который перед последней поездкой в Рапалло рассказал ей по секрету, что хочет уйти в монастырь. Хотя она наверняка знает, что он умер, ее не оставляет надежда снова с ним свидеться. Третий – ее сын. Четвертый – белый человек напротив.

¹ «Можно развлекаться в полном одиночестве».

Она вдруг разгадывает тайну удивительно синих глаз сына. Ей вспоминается странно пустое мгновение: однажды зимним вечером она стояла возле письменного стола у мужа в комнате и внезапно выскользнула из действительности. Она была одна дома. Письменный стол – последнее, что она помнит. На следующее утро она проснулась в своей постели. В эту ночь, когда к ней не притрагивался муж, белый человек подарил ее сыну жизнь, и через девять месяцев сын родился с *его* глазами. Безмятежность – неопишное согласие с собой, в котором она живет, пока дитя покинется в ее теле – покидает ее вместе с нескончаемым криком, когда сын навсегда отделяется от нее.

Во время родов ей дают эфир, поэтому она не чувствует боли – но слышит собственный крик, как будто кричит в страхе перед будущим, которое принесет разлуку с сыном.

Эту ночь она проводит в удивительно четких воспоминаниях о детстве.

В который раз она мысленно возвращается в сад родительского дома в Груневальде. Она проходит вверх-вниз по лестницам и через все двенадцать комнат, в зале –

вглядывается в огонь, полыхающий в камине, как тогдашними зимними вечерами. Она проводит рукой по восточной мебели, которую отец привез из путешествий, собрал целую коллекцию: дом похож не на музей, скорее на пещеру с сокровищами, тут есть где развернуться воображению.

Она помнит цвета, формы, каждый предмет, каждую картину в доме.

Это доведенное до совершенства упражнение памяти она повторяет с тех пор, как практически все вещи, среди которых она выросла, были проданы на аукционе. Ей тогда было пятнадцать. Не проходит и дня, чтобы она не вернулась и не прошлась в мыслях по всем комнатам дома.

Боль расставания с любимыми вещами так никогда и не прошла до конца.

Этой ночью, прочитав его мысли, когда он сидел в комнате напротив, она убеждается в том, что его сверхчеловеческая любовь спасла для нее и дом, и каждую вещицу. Он всезнающ и потому – всемогущ! И скоро, очень скоро, они поселятся в доме и уже никуда не уедут.

Да! Если она сошла с ума, она сможет развлечься и в одиночестве. Прекрасные, невероятные фантазии расцветают, как жасмин.

Но откуда эта любовь к жасмину? Если бы ее спросили, какой у нее любимый цвет, она бы ответила, не задумываясь: белый!

Последняя придуманная ей анаграмма получилась из фразы «Wenn übers Jahr der Jasmin blüht»¹.

(Из-за инициалов, повторяющихся в этой анаграмме, она посвящает ее Герману Мелвиллу.)

Wenn übers Jahr der Jasmin blüht,
blüht übers Jahr der Jasmin. Wenn
nun der Herbst um's Jahr, liebe wen, ja!
Sah nun Winter um's Jahr, jeder beleb'
sein Jahr, jedes wunderbare Blut H M.
Jubel bannte des Jahres Wut im Herrn,
der über's Jahr H M. ist. Jub'le an, wenn
er blüht. Ja, Bruder, ja, H M. Wenn sein
Eis und Blut weh' es brenn'. Ja, ja, Herr M.
Wenn über's Jahr der Jasmin blüht,
blüht übers Jahr der Jasmin. Wenn
Du lebst, über's Jahr, ja, H M. Wenn er in
den Nebel irrt, um's Jahr – weh', Busen, ja.

¹ Когда круглый год цветет жасмин.

Neun Jahr' wesen, Bruder H M, ja. Wer muß neun Jahr' warten? Jeder. Bleib H.¹

И так продолжается долгий плач, который она посвящает каждому писателю, создавшему шедевр от великой тоски.

Тоска! От тоски она спасается в работе.

А «счастье» только отупляет ее. Когда она счастлива, она не может работать, не знает, чем заняться.

На следующий день она идет одна на прогулку. Она ищет больницу, в которой лежала много лет назад, когда ей делали операцию. Врач спрашивает, чем она больна, и, только чтобы быстрее отделаться, она говорит первое, что приходит в голову: «У меня сердцебиение».

На нее глядят с подозрением, и она уходит. Ей встречаются пятеро маленьких детей.

Потом она видит пятерых всадников, неспешно едущих в поле по кругу. Она вспоминает свет в окне у индусов. Почти все, что попадает ей на глаза, приобретает особенное значение – как будто она гуляет по сцене, на которой идет спектакль в ее честь.

Вечером друзья ведут ее в лавку подержанных вещей. Она проходит мимо полок, и каждый предмет словно выставлен специально для нее, у нее такое праздничное

¹ Когда круглый год цветет жасмин,
круглый год цветет жасмин. Когда
веет его лед и кровь, полыхает огонь. Да, да, господин М.
Когда круглый год цветет жасмин,
круглый год цветет жасмин. Когда
ты живешь, целый год, да, H M. Когда он
блуждает в тумане, весь год – горе, о сердце, да.
Девять лет жизни, брат H M, да. Кто
должен ждать девять лет? Каждый. Оставайся H.

настроение! Она выходит в маленький, романтичный дворик и натывается на старую шарманку. Она крутит ручку, начинает играть вальс, и она не может сдержать рыданий. Вокруг собираются люди и удивленно смотрят на нее. Она вспоминает, что утром прочла в рукописи, лежавшей на столе: «Он придет и будет рыдать, крутя ручку шарманки...»

Предсказание?

Они идут дальше, в галерею, перед входом в которую висят крупно выписанные инициалы Н М, а рядом она замечает большую спираль. Все картины в галерее холодны и белы, как мрамор. Она видит только белые картины! Она оказывается в погребальном зале, ведь белый цвет – цвет печали, и, взяв в руку карандаш, проводит черную линию по всем четырем стенам, чтобы этой линией соединиться с ним. Даже не видя его воочию, она знает, что он где-то здесь.

Она бросает зажженную спичку в белый сосуд, назначение которого ей непонятно: она надеется, что из сосуда поднимется фигура белого человека. Но ее уводят.

Вечером она понимает, что никто из гостей, которых она ждала, не пришел на праздник. На деле приходит только хозяин и просит ее сейчас же покинуть его дом. Поскольку она не замечает за собой никаких странностей, она не понимает, чем он возмущен. Его ответ словно указывает ей дорогу: «В таком случае, тебе самое место в Виттенау».

Она знает, что это значит. Она помнит это слово с детства. (В Виттенау живут сумасшедшие.)

Не дожидаясь заказанного для нее такси, она выходит на улицу, без чемодана, садится в трамвай и едет в район Тауэнтцинштрассе искать комнату в пансионе.

Когда ее спрашивают, где ее багаж, она отвечает, что друзья сейчас привезут ее чемоданы, не задумываясь о том, что друзья не знают, куда она пошла.

Она производит совершенно обычное впечатление на хозяйку пансиона судя по тому, что ее принимают вполне дружелюбно. Она платит за неделю вперед, принимает ванну и ложится в постель. Как начать новую жизнь в Берлине? Она размышляет и не находит другого решения, кроме как снова начать писать рассказы в берлинские газеты. Да, это возможно – таким образом она много лет зарабатывала на жизнь, пока не уехала в Париж. Она не беспокоится. У нее снова настал период уверенности в себе: все, что она захочет, получится.

Значит, проблема решена.

От беззаботности, от предчувствия новой жизни в любимом городе у нее появляется здоровый аппетит, она встает с постели и идет искать ресторан.

На улице темно. Она с детства плохо ориентируется. Ей сложно найти дорогу, даже если она уже десять раз шла этим путем.

Ей приходит в голову гениальная идея: пусть он ведет ее. Она выходит на улицу и мысленно задает вопросы, и он сразу отвечает. Коротко и ясно он говорит ей, в каком направлении идти, чтобы выйти к вокзалу «Зоологический сад». Она слышит в голове: «Прямо... на углу направо... снова прямо... теперь налево... стоп!»

Она озирается и видит, что стоит прямо перед входом в тот ресторан, который искала. Она сияет от радости: эта связь с ним на расстоянии очень ей нравится. Она знает, что ему незнаком этот город. Тем больше ее восхищают его сверхъестественные способности! Пересекая Йоахимсталерштрассе, она чувствует, будто человек из Парижа идет рядом с ней.

С одного взгляда она узнает его в маленьком пожилом американце. Может быть, старик подослан, чтобы быть

свидетелем этого великолепного эксперимента – гипноза на расстоянии?

В ресторане «Ашингер», который она давно знает и в котором можно прилично и недорого поесть, у нее сразу пропадает аппетит, и она заказывает только чай и сигареты.

Когда она уже застегивает пальто, собираясь уходить, перед ней вдруг появляется французский стюард из аэропорта во Франкфурте и молча отдает поклон. Еще один «свидетель»? Она уверена в этом – иначе откуда бы он знал правильные цифры и буквы, когда отвечал во Франкфурте на ее вопрос?

На мгновение у нее появляется мысль, что об этом опыте гипноза на расстоянии, в котором она играет роль медиума, известно другим людям, что в каждом городе есть те, кто знает об опыте. Обо всех ее действиях сообщается. У нее впервые проявляется мания величия: очень приятное, до того дня незнакомое ей чувство, будто находишься в центре внимания. В обычном состоянии она принадлежит к тем скорее застенчивым людям, которые предпочитают держаться в тени.

Уходя, она оставляет официанту щедрые чаевые и прощается со словами: «С днем рождения».

Ее провожают широкой улыбкой, как в тех магазинах, где она раздавала деньги и поздравления. В этом она похожа на своего дядю Фаладу, который однажды в молодости раздал свои деньги прохожим на мосту через Эльбу. (Остаток жизни он провел в психиатрической лечебнице в «Белом олене», горном пригороде Дрездена.)

На обратном пути в пансион она снова следует за внутренним голосом, указывающим ей дорогу. У себя в комнате она ложится в постель, но, как и в предыдущие ночи, не может заснуть. Камин дымит, и от этого запаха ей кажется, будто неведомый сумрачный хирург готовится оперировать

ее: надо бежать. Она выходит из комнаты, пересекает коридор и открывает ближайшую дверь. Комната пуста.

Ее снова охватывает ожидание – «придут гости».

В этот раз она ждет в чужой комнате четырех известных актеров из Парижа.

Позднее она будет называть одетых в белое врачей богами, а теперь эти четверо гостей кажутся ей королями, про которых никто не знает, что они короли.

Но никто не приходит. Нужно развести огонь в камине. Повторяется игра в белый дым, из которого выходит фигура белого человека. Сама не зная зачем, она бросает в камин будильник и чей-то бумажник. Но огонь не разгорается. Она открывает шкаф. Судя по одежде в шкафу, комнату занимает молодой человек. Она надевает его темно-синее пальто, напоминающее китель стюарда, и ее охватывает желание уехать из Берлина, улететь на самолете в Париж.

Одна идея сменяется другой. У нее так и не получилось – схватки прекратились – снова родить Берлин. Она забывает о Берлине, как забывает обо всем, даже о том, что пять минут назад казалось самым важным. Она хочет выйти из комнаты, чтобы ехать в аэропорт. Но у нее не получается открыть дверь: может быть, ее здесь заперли? Она, как ребенок, верит в чудеса и романтику, поэтому теперь она трижды кланяется закрытым дверям и торжественно произносит формулу из арабской сказки: «Сезам, отворись!»

Но дверь не открывается, и она снова и снова, до изнеможения, повторяет церемонию из сказки. Напрасно! Ей не выйти. В приступе ярости она бросает вазу в стеклянную филенку, чтобы выбраться через этот проем. Стекло разбивается с оглушительным звоном – где-то открывается дверь и в комнате появляется насмерть перепуганный старик, разбуженный грохотом. Он смотрит на нее так,

будто увидел привидение. Это хозяин пансиона, она его раньше не видела. Он вызывает полицию. Приезжают два полицейских, проверяют у нее документы и требуют, чтобы она сейчас же покинула дом. Из последних денег она платит за разбитое стекло и выходит на ночную улицу. Она замечает почтовый ящик и кидает в него паспорт. Она ждет, что за ней приедут, ее заберет «посланец», ведь «им» известно, что она в беде. И кто-то появляется: молодой человек. Он спрашивает, чем ей помочь. Что она говорит ему? Она не помнит. Он ведет ее к вокзалу «Зоологический сад», в благотворительную организацию, где ночуют бездомные.

Она благодарит его и просит нарисовать у нее в блокноте черное солнце в знак того, что он действительно ее ангел-хранитель. Он рисует солнце и исчезает.

Она оказывается в комнате со спящими женщинами и детьми и на время теряет ориентацию. Ей кажется, что она в самолете, который вот-вот вылетит в Париж. Шум, который она принимает за шум турбин, на самом деле – грохот прибывающих и отправляющихся поездов.

Она по-прежнему не может уснуть, поэтому встает и снова выходит на улицу.

Из темноты появляется старик, и она спрашивает: «Кто вы такой?»

Он дает удивительно простой ответ: «Человек».

Он произносит это слово с расстановкой и таким значительным тоном, что она не может решить, «человек» ли он говорит, или «монах». Он зовет ее в гости, и она, не задумываясь, идет к нему домой, в пустую квартиру, только на кухне есть какая-то мебель. Он рассказывает, что после смерти жены он не может спать и потому ходит по ночам по улицам. Это его последний день в Берлине. Завтра он уедет навсегда.

Этот человек, на кухне у которого она проводит ночь, тих и гостеприимен. Он угощает ее чаем с бутербродами, и они разговаривают до утра, как старые друзья. Он упоминает, что раньше работал в полиции, теперь он на пенсии. Кажется, он вовсе не замечает, что она не в себе. Светает. Она вдруг хватается его очки и выбрасывает их в окно. Он громко сокрушается и упрекает ее: без очков он почти слепой. Она по-дружески объясняет ему, что он и так уже насмотрелся за всю свою долгую жизнь, ничего нового уже не увидит. Она прощается с ним и уходит. Но у старого полицейского вдруг просыпается подозрительность. Он догоняет ее на лестнице и поспешно обыскивает ее, видимо, решив, что она что-то украла. Ничего не найдя, он возвращается в квартиру. Смеясь, она выходит на улицу. Тихое воскресное утро, улицы пустыньны в этот ранний час. Этот район города ей незнаком. С большим трудом ей удастся разбудить белого человека в далекой стране, чтобы расспросить его, в каком направлении идти. Он отвечает с запинкой: «Прямо». Она идет прямо, потом слышит: «Стоп».

Она поднимает глаза и видит, что стоит перед входом в церковь. Помедлив, она входит, не зная, что и думать. Церковь полна людей, слушающих проповедь.

Ее появление вызывает интерес, как если бы ее здесь ждали. Все присутствующие поворачиваются в ее сторону. Проповедь обрывается. Почему? Она сделала что-то странное? Не находя ответа, она выходит: все эти взгляды ей неприятны. Уже не спрашивая его совета, она видит недалеко черный пустырь, на котором хранится уголь. Ее притягивает мрачная пустыньность места, и она оставляет в разных углах шесть белых бумажных салфеток – это условный знак для тех, кто за ней придет. По этим белым следам они узнают, что она здесь проходила. Это игра, и она

продолжает играть, отправляясь на поиски «чердачного общества». Она обязательно найдет их где-нибудь, этих персонажей романа, который она когда-то читала, а теперь они, ради нее, воплотятся в реальной жизни, она в этом уверена. Она заходит в разные дома и обследует чердаки. В одних домах чердаки закрыты на замок, в других – открыты. Она находит ящики, старую мебель – весь этот хлам, который хранят на чердаках владельцы. Она заглядывает в каждую каморку. Она верит, что вот-вот встретит тех чердачных людей из романа. Но не находит никого и снова выходит на улицу.

А может, они решили пошутить и спрятались в подвале? Она спускается по длинной грязной лестнице и оказывается перед натопленной печью. Она открывает заслонку и смотрит в огонь. Со всхлипом бросает белый платочек в алое пламя и выходит на улицу. Она чувствует себя покинутой. Ей нужны люди. Кто это был, тот, кто обещал ей праздник с самого приезда в Берлин? Она еще не перестала ждать. Ей попадается на глаза безлюдный ночной бар. Она входит. Никого, кроме бледного служителя, который переворачивает стулья на стол. На столе стоит телефон. Она набирает три раза 9, как будто 999 – это номер операторской, где сидит гипнотизер. Но 999 отвечает торжественным шорохом пустоты, шумом раковины, приложенной к уху. Служитель за частоколом из стульев умоляет ее уйти. Она замечает, что он испуган.

Она выходит на улицу и идет дальше, сама не зная, куда. Ей грустно. У нее уже не та легкая походка. От бессонницы и недоедания она ослабела. Куда, куда же? Надо где-то сесть, отдохнуть. Она идет и идет, и снова оказывается перед вокзалом «Зоологический сад». В здании вокзала открыта парикмахерская, и хотя у нее в карманах ни пфеннига, она садится в кресло и ей моют голову. Она по-прежнему

готовится к празднику. Она глядит на себя в зеркало и видит в отражении лицо девочки – так она выглядела, когда была маленькая. И она снова начинает надеяться, что сегодня, наконец, начнется праздник. Когда с нее спрашивают шесть марок и пятьдесят пфеннигов, она очень спокойно отвечает, что забыла деньги. Поскольку ее здесь не знают, парикмахер вызывает полицию. Почему вдруг все вокруг нее смеются? Раньше она никогда не вызывала у людей смех. Она кладет большой кусок ваты разъяренной парикмахерше на голову, благословляет и нарекает ее «духом святым».

Тут она слышит, как клиент говорит, расплачиваясь: «Неужто вы не видите, что эта женщина – сумасшедшая?»

Его слова заставляют ее на мгновение задуматься. А что, если он прав?

В парикмахерскую входят два полицейских и уводят ее с собой. На улице стоит полицейская машина. Она знает, что арестована. Но как если бы это все было в шутку, она выворачивает свое белое пальто красной изнанкой наружу и садится в машину торжественно, как будто едет на праздник. Она удивляется, что на ней уже не темно-синее пальто стюарда.

Куда оно делось?

Она с интересом заходит в большую тюремную камеру. Она одна. В камере стоят две лавки друг против друга. Окно зарешечено. Она ложится на лавку и долго лежит без движения, отдыхает. Она не боится, только очень хочет пить. Она нажимает на кнопку звонка, входит полицейский и вежливо спрашивает, чего она хочет. Она просит воды. Когда он приносит ей стакан, она встает на цыпочки и выливает всю воду ему на фуражку.

Полицейских учат обороняться от нападения. Он заносит кулак, чтобы ударить ее, но в последний момент

отдергивает руку и уходит вон. Чтобы чем-то заполнить время, она начинает насвистывать, петь и танцевать. Полицейский заглядывает в камеру и говорит: «Что вы за странный человек? Если вы вообще человек?»

Ей нравится это новое ощущение – пугать людей. Она слышит, как по улице – каркая, хрюкая, лая, мяукая и покрякивая – приближается компания дадаистов, которые идут освободить ее из тюрьмы и вести на праздник. Все парижские дадаисты – ее старые знакомые – собрались на это триумфальное шествие. Но на самом деле, в камеру входит полицейский и ведет ее в женскую тюрьму. Ее запирают в очень тесной камере. Кровать, стол, стул. Она ложится на пол под дверь и слышит возглас надзирательницы: «Что за фантазия?!»

Это ей льстит. Кому же не нравится иметь богатую «фантазию»?

Ей приносят воду и хлеб и требуют расстелить себе постель на ночь. Она не двигается с места. В тесноте этой каморки ее охватывает отчаяние, и она восклицает: «Quelle vie!»¹

Слова возвращаются громким эхо, как если бы их выкрикнула ей в ответ другая женщина.

Входит надзирательница и смотрит на нее с сочувствием. Она приносит ей снотворные таблетки.

Наконец, она ложится и засыпает, первый раз за долгое время. Но утром, когда она просыпается в той же тесной камере, ей кажется, что она сейчас задохнется.

Она изо всех сил бросает стул в дверь. Снова приходит надзирательница с тем же сочувствием на лице и отводит ее в другую, большую и пустую камеру.

1 «Что за жизнь!»

Она разрывает последние оставшиеся у нее бумажные салфетки, скатывает из них шарики и выкладывает из них слово «освобождение».

Это великое слово лежит перед ней на полу. Дверь открывается, и надзирательница, улыбаясь, говорит, что сейчас ее отведут к участковому судье.

Почему они вдруг все к ней так добры?

И судья, и полицейские в его офисе улыбаются, когда она рассказывает о своих приключениях в пансионе, и судья говорит ей:

– Если это сумасшествие, то я и сам хочу быть таким сумасшедшим.

– Но я действительно сумасшедшая, – говорит она на полном серьезе. И добавляет: – Думаю, у меня шизофрения. Думаю, вы должны отправить меня в Виттенау.

Это спасение. Ее сейчас же сажают в машину и отвозят в клинику Виттенау.

Директор клиники принимает ее в изящно обставленном кабинете и спрашивает о событиях последних дней. Она рассказывает все по порядку и смотрит в открытое окно, за которым простирается прекрасный парк, залитый лучами осеннего солнца. Она успокаивается в тишине кабинета, глядя на большие деревья в парке, и говорит, как если бы, наконец, приехала на место после утомительного путешествия:

– Здесь хорошо.

Человек по ту сторону письменного стола смотрит на нее с удивлением. Наверное, нечасто случается, что больные счастливы оказаться в этом доме, которого все боятся как огня.

Медсестра, красивая и заботливая, как ангел, обнимает ее за плечи и ведет в ванную. Там ее купают, моют ей голову и ставят на весы. Она весит 42 килограмма, медсестра

удивляется, что она такая худая. Надо поправиться, иначе никогда не выздоровеешь. После этого ее ведут в большую палату: тут она будет спать.

И уже приносят первое лекарство от сумасшествия: стаканчик очень горькой жидкости, от которой ее тело наполняется странным металлическим гулом, будто кто-то стучит в гонг.

Это лекарство, видимо, должно отключать сумасшедшие мысли, но так сразу не получается. Тело ноет от усталости, но она с большим интересом рассматривает других женщин в палате, и ее мысли медленно возвращаются вокруг каждой из них.

Рядом с ее кроватью стоит странное существо в слишком короткой рубашке, и она с отвращением понимает, что это гермафродит – она в первый раз в жизни видит гермафродита. Она отводит глаза, но он заговаривает с ней. Он настаивает, чтобы она приняла от него подарок – гнилое яблоко. Гнилые яблоки разложены по всей кровати, он, видимо, играет с ними. Вся палата наполняется запахом гнили, у нее кружится голова от тошноты. «Не хочу! – кричит она. – Оставьте меня в покое!»

Тогда гермафродит садится на свою кровать, по его лицу текут слезы, он надкусывает гнилое яблоко и говорит: «Я – печальный случай, единственный в своем роде. Я – в центре внимания мировой прессы. Я – самый удивительный случай на свете. Все газеты мира пишут обо мне заметки...»

Дальше он бормочет неразборчиво, надкусывает другое яблоко и плачет пуще прежнего.

На этот раз она рассматривает его повнимательней и видит, что это всего лишь старая, печальная и сумасшедшая женщина. Но рассказ про «единственный в своем роде случай» ностраживает ее. Ведь она и сама думала примерно так же?

Ей абсолютно ясно, что она впервые попала в сумасшедший дом и что все остальные в этой палате – сумасшедшие.

Значит, она уже была сумасшедшей, когда думала, что ее гипнотизирует на расстоянии жасминовый человек или, может быть, его двойник из реальной жизни?

Ее странное состояние, которым она наслаждалась, как ни чем другим в жизни, начинает терять привлекательность. Очарование сменяется трезвостью. Она словно падает на землю из заоблачной выси.

У нее больше не получается мысленно связываться с ним. Связь утеряна. Как будто одного дня в Виттенау довольно, чтобы излечиться! Но втайне она надеется, что придет время, и восхищение его невероятными способностями снова вернется к ней. Она наблюдает за женщиной, которая вышагивает туда-сюда перед кроватью. Из-за незамутненной радости на уродливом лице она похожа на клоуна. Чистое счастье. Она по-мужски размашисто марширует по комнате, сложив руки за спиной и углубившись в приятные мысли.

Ей пересекает дорогу другая пациентка: у нее потухший безжизненный взгляд, как у слепой. Она ходит, сгорбившись и словно волоча за собой камни, привязанные к ногам. Прядь волос спадает ей на лоб. Она мучительно вглядывается в эту прядь, не замечая ничего вокруг. Она, наверное, действительно ослепнет, если никто не уберет ей волосы со лба.

Она встает с постели и подходит к несчастной, чтобы убрать эту гипнотическую прядь. Кроткие карие глаза смотрят на нее с удивлением: «Спасибо – ой, спасибо большое – как мило». Несчастливая делает глубокий вдох и словно бы снова замечает окружающий мир. Но не надолго. Она опускает на лоб прядь волос и опять вперяется в них невидящим взглядом.

Стараясь не смотреть на женщину с прядью, она ложится в постель, расстроенная, что не смогла помочь. Ей вспоминается детская игра: она сама, как эта женщина, любила смотреть на волосы, опустив их перед лицом, как штору. Однажды она в шутку спряталась за волосами, но потом придумала игру еще интереснее: смотреть на лес из золотых, красных, черных и коричневых стволов, в который превращаются волосы, когда сквозь них проходят солнечные лучи.

Одна плачет, потому что газеты скоро расскажут, что она – «самый широко обсуждаемый случай на свете». Другая нескончаемо марширует и радуется неизвестно чему. Третья, видимо, прогуливается по лесу собственных волос.

Она вспоминает тех сумасшедших, которых видела в детстве. Она хорошо их помнит: каждый из них оставил незабываемое впечатление.

Первый – пятнадцатилетний мальчик. Она видела его, когда ходила покупать конфеты в магазинчик его родителей. Он сидел за стеклянной дверью, занавешенной кружевами, на алом бархатном диване. Он был одет во все черное, и глаза у него были большие и тоже черные. Он потряхивал над ухом связкой ключиков на шнурке и слушал их звон. «Тринь-тринь-тринь» – стоя за дверью, она тоже слышала приглушенный звон ключей. Красивое белое лицо мальчика выражало крайнюю сосредоточенность. Все его счастье, казалось, зависело от этого занятия – слушать, как позвякивают, будто колокольчики, ключи.

Ей сказали: «Этот мальчик – сумасшедший».

Так она впервые услышала это слово, сумасшедший.

Его родители, которые обслуживали покупателей в магазине, выглядели отвратительно. У обоих – глаза навывкате и рыжие, стоящие дыбом волосы. Каждый раз, когда она заходила в их магазин, отец мальчика поднимал

огромный мясницкий нож и говорил: «Давай, отрежу тебе нос или уши?»»

Она действительно их боялась. Разговаривая с ней, они корчили страшные рожи.

А мальчика она полюбила за его благородную внешность. Однажды весной она встретила его в первый раз не в доме, а на улице перед магазином. Он гулял в садике среди первоцветов и слушал свою музыку ключей. Она застенчиво поздоровалась, а он посмотрел на нее с удивлением, и взгляд его черных глаз был как у взрослого, не как у ребенка.

В том же году она встречает семнадцатилетнюю девушку в доме, похожем на дворец. У девушки очень богатые родители. Они устраивают у себя большие детские праздники, чтобы порадовать больную дочь. Но дети, которые должны развлекать сумасшедшую, не могут играть в ее присутствии: их словно разбивает паралич при виде ее огромных зубов, когда она беззвучно смеется, сидя рядом с сиделкой, и подгребает к себе тонкими белыми руками подарки, разложенные для детей на столе.

Сумасшедшая одета в алый бархатный халат, по спине спадают длинные черные волосы. Она ничего не говорит, только сотрясается от смеха.

Она сама, вместе с другими детьми, боится сумасшедшей. Однажды она видит рисунки этой девушки – попытки изобразить окружающих: длинные фигуры с огромными головами, парящие в воздухе. Может быть, так она видит людей в своей больной голове? Однажды ночью девушка выпрыгнула из окна, а вслед за ней упала и мать, пытавшаяся удержать ее.

На этих мрачных детских праздниках она понимает, как сложно изображать веселье и беззаботность рядом с безнадежными больными.

И еще она помнит сумасшедшую в горах, у которой, как рассказывали в деревне, вся семья сгорела в пожаре и которая никак не могла поверить, что все ее близкие умерли. С тех пор она бродила, разыскивая своих мертвых – и тоже, как та девушка, вечно смеялась. Ее большая бритая голова и деревянный крест на груди были так отвратительно уродливы, что дети не выносили ее вида и бросали в нее камни. И еще они говорили, что хотят ее убить, лишь бы не видеть.

И еще она помнит тех троих, что ненадолго показались в Груневальде – они, по слухам, приехали из России и по неизвестной причине сошли с ума.

Как актеры старинного театра, в расшитых романтических костюмах шли они по улицам – мужчина, женщина и маленькая девочка.

С беспечностью сумасшедшего, едва ли воспринимающего действительность, потому что у него в голове и, наверное, перед глазами простирается новый, прекрасный мир, мужчина шел впереди своих женщин и, грациозно жестикулируя, заговаривал с каждым встречным.

Подол длинных бархатных юбок женщины волочился по пыльной улице, а сама она была полна глубокой меланхолии. «Они сумасшедшие,» – говорили о них. Но никому не приходило в голову смеяться над ними, и дети не трогали их и даже восхищались этой сказочной троицей.

Когда они появлялись на улице, дети сбегались, словно на театральное представление, и шествовали за ними на уважительном расстоянии, пока те не исчезали в дверях дома – а потом они уехали. Никто не знал, куда. Дети не решались спрашивать родителей об этих чужеземцах, из страха перед рациональными объяснениями, которые взрослые всегда готовы дать. Так что это воспоминание постепенно утратило реальность и превратилось в сон.

Вечером ей снова дают горькое лекарство, и у нее возникает новая галлюцинация: ночью ей являются разные великие люди, о которых она читала и чьи лица помнит по фотографиям. Борцы за независимость, национальные герои, великие имена – Мао Цзэдун, Фидель Кастро – и еще тот русский летчик, первым побывавший в космосе – и Поль Робсон.

И – хотя как бы она их узнала? – те трое цветных, которых она видела в детстве: индеец Big Chief White Horse Eagle, пигмей и индус.

Тем временем она пишет одному поэту вежливое приглашение, сворачивает его в трубочку и обвязывает ниткой, которую где-то подбирает. Но все окна закрыты, так что «воздушной почтой» приглашение не пошлешь. Она озирается в поисках почтового ящика и замечает прорезь под латунной крышкой (это ящик, куда ночная медсестра складывает свои вещи) – должно дойти! Она тайком кидает послание в ящик в полной уверенности, что оно дойдет по адресу.

Но медсестра, которая следит за всем происходящим в палате, говорит с улыбкой: «Это же не почтовый ящик».

Она молчит в ответ, потому что знает: письмо уже дошло в другую страну, и его уже читают. Потом ее ведут к психиатру – первый допрос. Он поразительно похож на актера, которого она видела в разных фильмах. Он играет в комических ролях, так что она думает, что он мог теперь ради шутки переодеться в психиатра. Почему бы нет?

Из-за этого разговор получается совершенно несерьезный, а ведь врач должен говорить с больным всерьез. И как если бы она тоже хотела пошутить, она объясняет врачу, что все ее действия контролирует великий гипнотизер, обладающий незаурядной силой внушения.

Он подчиняет ее своей воле, и она не в состоянии сопротивляться. Это он, гипнотизер, приказывает ей совершать бессмысленные поступки.

Она спрашивает психиатра, хоть он и актер, работает ли гипноз на большом расстоянии.

На этот вопрос он отвечает спокойно и серьезно: «Да!» Она берет у него карандаш и несколько раз ударяет по металлическому абажуру. Она с удовольствием прислушивается к звуку, по которому очень скучает: «Тринь-тринь-тринь». Она говорит: «В Париже этот звук служил увертюрой к гипнозу. Красиво придумано, правда?»

Он кивает, он готов сказать «да» на все, что она ему расскажет. Но ей больше нечего рассказать. Она уже все объяснила: это не она виновата в тех действиях, которые привели ее сначала в тюрьму, а потом и в сумасшедший дом, а он, но она не называет его имени, для большей загадочности. Но психиатр, который на самом деле никакой не актер, наизусть знает этот род болезненных фантазий; позже, побывав в разных психиатрических клиниках, она узнает, к своему разочарованию, что у всех сумасшедших схожие фантазии.

Много позже, уже в Париже, во время короткой беседы с белым человеком, она спросит его, гипнотизировал ли он ее. Его ответ прост: «У меня нет такой силы». Она очень удивляется. Его ответ словно сбрасывает ее с огромной высоты. Но в то время, когда происходит эта беседа, она – сама того не зная – снова находится в болезненном кризисе.

Психиатр отпускает ее. Снова лежа в постели, она думает о прошлом, в том числе, о войне.

Она вспоминает, как светлым весенним днем город бомбили сотни самолетов, пока воздух весь не наполнился дымом настолько, что посреди дня настала ночь. Вечером, среди хаоса, по улицам, на которых пахло газом из

разорванных труб, она шла мимо еще дымящейся руины, и вдруг из черных обломков послышался громкий зловецкий плеск. Из разбитой трубы в бесконечно печальный, полный отчаяния вечер полилась вода, и ей показалось, будто она слышит, как с этим одиноким звуком из города медленно, но неумолимо вытекает жизнь. Потом пришло письмо из Копенгагена от родственницы, которая каждую ночь войны видела, как по стене спальни стекает кровь, и всякий раз безуспешно пыталась смыть эти струи. (Ее отправили в сумасшедший дом, она лишилась ума от войны.)

На ее кровать садится девушка, молчит и задумчиво смотрит на свои забинтованные запястья.

У нее длинные рыжие волосы, она мертвенно бледна. Она тихо и монотонно рассказывает о своем несчастье: самоубийство.

Но когда, оставшись дома одна и собрав всю смелость, она перерезала вены, кровь потекла так быстро и сильно, что она не утерпела и позвала на помощь, только тогда поняв, что действительно умирает. Но разве она не хотела умереть? Да – но как стерпеть вид крови, заливающей ковры, шелковые подушки, ее собственное платье? Что скажет отец, когда увидит в доме целый потоп крови? Так что она вызвала пожарных, и они отвезли ее в Виттенау. «Теперь придется платить за транспортировку – вызвать пожарных наверняка дорого – целых четыре человека, и все в униформе. А еще придется платить за все окровавленные вещи».

Неужели это все, о чем она теперь беспокоится? Уже забыла, что хотела убить себя?

– Почему вы хотели покончить с собой? – спрашивает она девушку.

– Мой друг вот уже несколько месяцев навязывает мне свою злую волю. Он передает мне на расстоянии мысли о самоубийстве. А ведь он хирург!

Последнее слово в ее устах звучит как приговор. Только хирург, который знает, как держать скальпель, может дать такой кровавый приказ!

Девушка меняет тему, рассказывает о своих красивых платьях, приносит сумочку и раскладывает косметику: «Ах – как только выйду отсюда, сразу же найду парня и пойду с ним на танцы – на танцы –»

Значит, она в состоянии строить планы? Куда делось все отчаяние? Прошло! Как будто вместе с венами она открыла клапан, через который вместе с кровью утекла вся печаль, все отчаяние. Она излечилась.

Тут дверь распахивается, в дверь вбегает разъяренный мужчина, и девушку охватывает ужас: это ее отец, которому сообщили, что она в Виттенау: «Вот, значит, как выглядит самоубийца! – кричит он. – Всегда хотел посмотреть, как выглядит самоубийца!»

Он швыряет ей на постель передачу и уходит.

Девушка распаковывает сверток, в нем – сладкий пирог, шоколад, сигареты.

Они едят сласти и закуривают. Гневный отец устроил им праздник! К ним присоединяется еще одна больная, толстуха, которая набрасывается на пирог, как будто умирает от голода, от сладкого у нее поднимается настроение, и она доверительно рассказывает им о собственной попытке самоубийства. «Я выпрыгнула из окна вместе с младенцем, – объясняет она с набитым ртом. – Ах, как приятно убить себя, а потом снова очнуться!»

– Но почему же? Почему?

– Потому что меня бросил отец ребенка. Я очень его любила, – и она все ест и ест!

– И что дальше?

– Прыгнула с четвертого этажа во двор. Когда упала, ребенок оказался сверху, на мне, невинный – ни волоска

не упало с головы. И я сама оказалась цела – даже рук не поломала. Удивительно. Только поцарапала лицо, мне зашивали щеки. Вот, смотрите, еще не зажили швы.

И они рассматривают швы и удивляются рассказу. В палату входит добродушный толстяк, и толстуха говорит: «Это мой друг».

Друг? То есть, враг? Тот, из-за кого она так страдала, что даже прыгнула из окна?

Друг приносит гору толстых бутербродов с ветчиной и картофельный салат. Толстуха обнимает его, не прекращая поглощать еду. Как все просто!

Они слышат, как толстяк говорит толстухе: «Если не вылечишься, не принесу тебе больше еды! Тогда можешь сколько хочешь прыгать из окна – пока не разобьешься насмерть».

И они смеются, обнимаются и едят вместе.

Когда он уходит, толстуха снова садится к ним на кровать.

– А где твой ребенок? – спрашивает рыжая девушка.

– В приюте, – отвечает толстуха. – Но когда я вылечусь, я заберу ребенка, выйду замуж за друга и все будет хорошо.

– Но разве ты не здорова?

– Нет, – печально отвечает она, – я не могу шить.

– Почему?

– Ужас! В моей швейной машинке живут два или даже три маленьких человечка, меньше, чем в палец ростом. Когда я шью, они кричат и плачут, потому что иголка прокалывает их насквозь, и даже ночью меня будит их плач, когда они стонут от ран. Даже не знаю, что делать, потому что я зарабатываю на жизнь шитьем.

Как странно!

– Ты слышишь голоса, – спокойно говорит рыжая девушка. – Ты слышишь звуки, которых на самом деле нет. Вот и все.

– Я отлично знаю, что это такое, когда слышишь голоса. Мне уже объясняли, да это и всем известно. Голоса слышишь в собственной голове, а я слышу голоса людишек в машинке. Это совсем другое.

– Ну, купи другую машинку, – говорит тонкая самоубийца толстой.

– Денег нету, – отвечает та.

– Тогда надо снять крышку и вытащить человечков. Они, наверное, забавные!

– Нет! – кричит толстуха. – Представь себе, как ужасно они выглядят, все проколотые иголкой и в крови! Я не вынесу.

– Тогда, действительно, придется снова прыгать из окна, – беспощадно говорит рыжая, и все три закатываются смехом, как сумасшедшие.

– Когда я была маленькая, – рассказывает она толстой и тонкой, – у меня была книжка с картинками, которую я очень любила, «Странный Ганс». На одной картинке был ад – с чертями, чертятами и чертовыми бабушками. Все в красных тонах. В самом сердце огня лежал младенец-чертенок. Мне казалось, что однажды он сгорит – эта мысль была так невыносима, что я взяла ножницы и вырезала красного младенца из ада. Я сделала ему новую колыбельку из ореховой скорлупы и накрыла его белым лоскутком. Я была так счастлива! Это был единственный раз в жизни, когда я кого-то спасла. А еще через несколько дней у меня в комнате каждый вечер стало скрипеть соломенное кресло. Я решила, что в нем поселились две мыши, которым нечего есть и которые скрипом хотели подать мне знак, чтобы я их покормила. Я стала класть мышкам хлеб и сыр и переставила кресло в угол, чтобы никто на него не садился, а то ведь могли их раздавить.

– Может быть, ты уже и в детстве была сумасшедшая, – говорит рыжая девушка. – Как ты здесь оказалась?

– О, – загадочно отвечает она. – Я слышала, как у меня в животе великий поэт читал стихотворение.

Обе смотрят на нее с сожалением, сомневаясь в ее рас- судке.

– Если это сумасшествие, то я и сама хочу быть такой сумасшедшей, – повторяет она слова участкового судьи. Толстая и тонкая расходятся по своим кроватям, и, оставшись одна, она думает про наступающую ночь и выматривает свободные кровати для своих героев, которые наверняка этой ночью приедут в Виттенау после своих сражений и авантур, чтобы отдохнуть в компании сумасшедших.

Но ночь проходит, а никто не появляется. Когда же пройдет ее жажда чудесных явлений? А когда видения действительно являются, когда все начинает меняться и ка- жется невероятным – к чему это ведет? К конфликтам с окружающим миром, и ее лишают свободы. С помощью лекарств, которые ей здесь дают, она без труда понимает, почему оказалась в Виттенау. Очарование прошло. Все в мире снова обычно, заурядно, в порядке вещей. Из палаты ее переводят на верхний этаж, в другое отделение. Ей гово- рят, что она на пути к выздоровлению и что скоро ее со- всем отпустят из клиники. В этом отделении все совсем по- другому, и ей жаль, что ее перевели из большой тихой палаты. Внизу, где под действием сильных препаратов па- циенты ходили по комнате в полусне, она чувствовала себя спокойно. А здесь, наверху, всегда шумно. Пациенты, кото- рые навсегда останутся в клинике, соседствуют с другими, молодыми, которые ждут, когда их выпишут.

Здесь царит горячее напряжение – все судорожно пытаются казаться здоровыми. Чтобы считаться здоровым,

надо изображать активность: смеяться, танцевать, играть в карты, помогать убираться в палатах, полировать линолеум и мыть посуду. Тогда можно выбраться из этого дома. Многие здесь думают только о том, как бы выйти на свободу, и пребывание в Виттенау расценивают как страшный период в жизни, как тюремное заключение.

Она не хочет иметь ничего общего с этими людьми, сидит в углу и ни с кем не разговаривает. В этом отделении около пятидесяти пациентов. Они прогуливаются по длинному коридору. На дверях, она замечает, нет ручек.

Медсестры открывают двери специальными ключами и сразу же закрывают за собой. Окна зарешечены. Повсюду стоят растения в кадках. Ванная, кухня, где моют посуду, несколько двух- и трехместных палат и два общих спальных зала, стол для настольного тенниса – вот и все, что здесь есть.

Она не видела пока только большого помещения, которое называется «рабочая комната» и где пациентам резервируют¹ еду. Она пишет письмо в Париж. Она объясняет ему в письме, где она находится, и просит прислать книги и сигареты. На это письмо она сразу получает ответ. Он спрашивает, *почему* она в клинике. Слишком переволновалась. О чем? Она избегает ответа в письме. Она не в состоянии рассказать ему о причине болезни, не решается написать правду. Он ничего не знает и ничем не виноват в том, что она больна. На следующий день она получает от него художественный журнал под названием «L'infini».

Она переводит это слово как «бесконечное» или «незавершенное». Оба варианта словно угрожают: «это еще не конец». Она находит в журнале репродукции незавершенных шедевров и погружается в созерцание святых.

¹ Так в оригинале.

«Впасть в экстаз со святым угодником...» Действительно, попрощалась ли она с ним, прежде чем уехала из Парижа?

Удивительно, как мало он ее интересуется, ее друг, «нормальный человек». Его прикосновения, слова лишены всякой привлекательности. Чего она ждала от жизни? На что надеялась? Все мужчины похожи друг на друга, только одни немного умнее других. Много позже, в Париже ей скажет про *него* один психиатр: «Он – святой». Она впервые услышит, как человек говорит о другом, еще живущем, человеке – святой. Для нее он все же, скорее «необычный», очень, очень необычный, иначе она бы не заболела оттого, что годами непрерывно о нем думала.

Это даже не «любовь». Это глубокий неизлечимый испуг от встречи с ним – встречи, предвосхищенной видением «жасминового человека».

На самом деле, у нее «куриные мозги» – ее мозг, маленький и слабый, не в состоянии достойно перенести сильное потрясение, чтобы, как Герман Мелвилл, например, сделать из потрясения книгу. Она похожа на цыпленка, который истерически заворуженно следит, как орел описывает круги над его головой, прежде чем свернуть ему шею. И она болезненно ощущает те границы, тесноту, скуку, в которых порой оказывается человек, если родился женщиной.

Мечтательство – и отсутствие способности превратить мечты в прозу. Все.

Она находит черную тушь и перо и разрисовывает страницы «L'infini» поверх текста. Потом просит прислать ей бумаги для рисования и делает из бумаги тетрадь, которой дает такое название: «La libération de l'espérance est la libération totale»¹.

1 «Освобождение надежды [или: от надежды] – полное освобождение».

Когда тетрадь заполняется рисунками, она отправляет ее в Париж, ему. Годы спустя она прочтет его статью про рисунки сумасшедших, и ей запоминается одна фраза: «Эти лица, выражающие безграничную нежность...»

И она вспоминает об этой тетради, в которой она рисовала для него в Виттенау.

Постепенно она начинает обращать внимание на женщин и девушек вокруг: одна не может успокоиться, пока не вымоет рук, сотню раз на день стирает носовой платок и горько плачет, если ей запрещают подходить к воде. Такой запрет – самое ужасное наказание для нее. «У нее мания чистоты», – говорят о ней. Она знает это выражение, но, глядя на эту женщину с вечно мокрыми руками, думает, что, может быть, дело не в грязи, которую та хочет смыть, а в успокоительном контакте кожи с водой. Эта больная навсегда останется в Виттенау, ее мания неизлечима.

Еще одна, старуха, долго стоит, не сходя с места, у оконной решетки и, крича, обращается к кому-то невидимому. Лекарство, которое ей дают, чтобы заглушить «голоса», действует только на ее тело. У нее такая слабость, что она может ходить, только держась за стену. Но ее несчастная душа вынуждена отвечать на беспрестанные нападки «собеседника». Какое это мучение для некоторых больных – жить с «голосами».

Как странно – старая, седая женщина, почти на пороге смерти, а все никак не может жить в мире с собой. У нее красивые глаза, тонкое лицо – как ее угораздило ввязаться в разговор с таким скверным «собеседником»? Она выкрикивает ему в ответ непристойности. Можно оглохнуть от этой омерзительной перебранки. Больные начинают нервничать. Медсестра берет старуху под руку и уводит в спальный зал. Ей разрешают поспать до обеда. Но разве это поможет? Ее слышно и через закрытую дверь. У нее

низкий сильный голос. Она никак не может успокоиться. Это ужасно.

Если прислушиваться, ее голос разделяется на два и можно расслышать «противника». Все время повторяется фраза про «выжатый плод». Как будто это воспоминание об аборте или стерилизации. Вдруг «собеседник» меняет тему. Теперь она отвечает на его вопросы в совершенно ином тоне. Она рассказывает рецепт пирога – прилежно, подробно и со знанием дела. Все вздыхают с облегчением. Но вечером, когда все уже лежат в кроватях и пытаются заснуть после очередного дня, проведенного в болезненном отупении, она снова начинает кричать, громко возмущаясь: кажется, она вспоминает былые времена, давнее прошлое вне стен Виттенау.

Она говорит о подвалах домов, где десятилетиями держат больных.

В этих подвалах, котельных, ванных, причитает она, больных подвергают жестоким пыткам, врачи и санитары – это преступники, под видом лечения они истязают сумасшедших. Это «сообщение» наводит на пациенток ужас, они слушают старуху, не в силах совладать со страхом и, в конце концов, зовут на помощь медсестру. После укола старуха постепенно успокаивается и засыпает. Такие рассказы не удивляют, во всей здешней атмосфере чувствуется что-то подобное – сумасшествие действительно может принимать буйные формы. Чтобы побороть сопротивление помешанных, санитары и медсестры иногда вступают с ними в борьбу, во время которой и сами нередко впадают в истерику.

Больных будят в семь утра, в восемь – завтрак в «рабочей комнате», потом – работа до полудня.

Они вяжут свитера для больных, штопают носки и вышивают, вот и вся работа.

Чтобы штопать носки, много ума не нужно. Штопальщицы составляют особую группу, презираемую вязальщицами и вышивальщицами. Два раза в неделю два идиота из мужского отделения приносят большую корзину рваных носков и забирают заштопанные. Каждый раз идиоты сворачивают себе шею, пытаясь получше разглядеть женщин, и женщины делают то же самое. Кроме врачей, это единственные мужчины, которых сюда пускают.

На следующий день она получает две французские книжки из Парижа. Одну известную книжку – легкую, «легче сигаретного дыма» – и еще одну, приключения юноши, которому удалось тайно, но неотторжимо вселиться в тело – и дух – своей возлюбленной, а та ничего не заметила.

Ей очень нравится эта тема, и она верит – знает не понаслышке, что в кого-то действительно можно вселиться «через воздух». Эта тема стара как мир.

И еще из Парижа приходят сигареты – единственная радость. Здесь курят только в туалете, и, затягиваясь сигаретой, сидя на крышке унитаза, она чувствует себя «как дома» – как свободный человек.

Набравшись смелости, она просит врача выписать ее из клиники. Что ей здесь делать? Ее больше не посещают странные видения. Она снова в состоянии есть, пить и спать.

Но врач говорит, что пока не может ее выписать. Ее направили сюда из полиции, потому что она пыталась совершить мошенничество, то есть, преступить закон. Она вспоминает неловкую сцену в парикмахерской на вокзале в Берлине. Мошенничество!

Да она сделала честь этой парикмахерской тем, что дала вымыть себе волосы! Но тогда она купалась в лучах мании величия. Теперь уже все не так.

Ее забирает из Виттенау полицейский фургон с решетками и отвозит в тюрьму. Ее запирают в камеру, и она несколько долгих часов ждет, когда придет судья – правда, не очень хорошо понимая, чего она тут ждет. С девяти утра до четырех вечера она сидит в камере и, чтобы как-то занять время, насвистывает, не решаясь петь или танцевать. Надо казаться нормальной, а то все будет еще хуже. Охранник открывает дверь, ставит на пол миску с гороховой похлебкой и уходит.

Наконец, ее приводят в кабинет. Она слушает, но ничего не понимает из того, что ей рассказывают. На нее завели дело по обвинению в мошенничестве? Похоже, что так. Она спрашивает судью, когда ее выпишут из Виттенау, и он отвечает, что ее присудили к четырем месяцам пребывания в клинике.

Точная дата выписки зависит и от решения врачей.

Вернувшись в Виттенау, она сразу же требует приема у врача. Она снова просит его выписать ее домой. Он дает уклончивый ответ. Она говорит, что чувствует себя в силах начать новую жизнь, что снова в силах читать и рисовать и что боится, что если ее будут держать в клинике целых четыре месяца, то ее силы снова иссякнут. Она хорошо знает, как редко у нее бывает сила к жизни. Но все без толку.

На следующий день она подсаживается к группе штопальщиц и сидит, сложа руки. На нее наваливается черная депрессия. Когда она раньше слышала слово «депрессия» от друзей, она не знала, как человек чувствует себя в таком состоянии. Меланхолия знакома ей с детства, но не депрессия. День ото дня ей становится все труднее заставить себя заняться чем-либо или даже поговорить с другими пациентками. Она не в состоянии даже думать. Она забывает даже своих героев, чей пример раньше мог бы ее поддержать.

Она не помнит ни любимых книг, ни любимой музыки. Ее ум отключается. Полный ступор.

Врачи назначают ей и еще нескольким больным лечебную терапию под названием «автогенный тренинг». В темной комнате пациент ложится на кровать. Врач произносит суггестивные фразы, похожие на заклинания, а пациент должен впитывать их в себя, как библейские заповеди, и действовать, как в этих заповедях предписано. Ей внушают «расслабить правую руку, почувствовать, как рука тяжелеет» – потом то же самое с левой рукой – с правой ногой – при этом пациент должен ощущать, как приятное тепло и слабость разливаются по всему телу. Наконец, врач говорит о солнечном сплетении – и оно тоже должно участвовать в этих упражнениях – должно постепенно «накалиться».

Единственное приятное ощущение во всей этой процедуре: красивое слово «солнечное сплетение». Она сама живет в согласии со своим солнечным сплетением. Всю жизнь это было единственное место на теле, которое реагировало на важные для нее события. Оно теплело и разгоралось, когда она слушала определенную музыку – знакомилась с определенными людьми – книжками – искусством – всем, что относится к богатству внутреннего мира. Можно сказать, что она всю жизнь руководствовалась не головой, а солнечным сплетением. А здесь – неужели они сделали открытие, что солнечное сплетение можно «тренировать»?

Она из вежливости подыгрывает врачу, но ее тело не теплеет, не раскаляется, не вибрирует – это невозможно внушить.

И еще она, вместе с другими, делает тест на интеллект. Каждому выдают рукопись с началом рассказа, последняя фраза которого обрывается. Надо продолжить рассказ и придумать конец. На протяжении десяти минут она развлекается тем, что пишет детективный рассказ.

Ей дают несколько листов бумаги, на которых напечатаны неоконченные фигуры, которые она должна дорисовать – похоже на детскую игру. Во время этих занятий к ней ненадолго возвращаются силы.

Потом ей показывают репродукции картин и просят их прокомментировать.

– Что думает женщина на лестнице, стоя перед закрытой дверью?

– Зачем мужчине молоток в руке?

Она отвечает без большого интереса, ее ответы принимаются. Когда ей показывают картину, на которой женщина на мосту, перегнувшись через перила, вглядывается в темную воду, она не говорит, что женщина хочет прыгнуть в реку и утопиться. Такие «ловушки», которые подсказывают ответ, легко распознать. Врач тут же бы записал в ее дело, что она думает о самоубийстве. Так что она говорит, краснея: «Женщина ждет, когда приплывет лодка. В лодке ее муж, рыбак, она ждет его к ужину». Врачи очень довольны таким хорошим, жизнеутверждающим ответом. Ее отпускают. Она думает: «Если бы мне кто-нибудь сказал, чем заняться, кто-то, на чей ум и терпение я могла бы рассчитывать – может быть, тогда я смогла бы выбраться из этой депрессии?»

Но рядом нет никого, чей авторитет она бы признавала, кто мог бы оценить ее способности, придать ей сил – потому она продолжает сидеть в углу – даже не поднимает глаз на других несчастных – и все глубже погружается в оцепенение.

В этот день ее вызывает главврач и говорит:

– Я видел ваши рисунки и газетные публикации. Честно говоря, мы не знаем, что с вами делать. Ваш случай особенный, неожиданный для нас.

– Тогда я прошу вас от всего сердца, выпишите меня как можно скорее из Виттенау, – умоляет она его. Она еще не

потеряла последней надежды попытаться найти работу и начать зарабатывать себе на жизнь.

– Вам ведь уже сказали, что пока мы не можем вас выписать.

Как понимать такой противоречивый ответ? Она сдаётся. Она знает наверняка, что, если останется здесь на месяц, ею овладеет такая апатия и такая безнадежность, что – кто знает? Все потеряно. Незадолго до рождества наступит худший период. Она сидит, автоматически штопая огромные дыры на мужских носках. Она складывает края и прошивает их шерстяной ниткой, пока дыры не превращаются в толстые складки – но ее отвлекают от этого занятия, потому что теперь все должны клеить золотые и серебряные звезды на рождественскую елку. В ненавистной «рабочей комнате» изготавливают елочные игрушки на все отделения клиники. По радио передают старинные рождественские песни, она помнит их с детства. Она убегает в туалет, садится на крышку унитаза и закуривает. Она находит стеклянную бутылку, разбивает ее и прячет в карман острые осколки.

Но ее уже ищут, зовут назад в рабочую комнату – пора идти в парк, собирать сухие желуди на черешках – или как уж это называется – а потом красить их в красный, синий и зеленый цвет – это тоже будут елочные игрушки. Теперь за ее присутствием в рабочей комнате, кажется, начинают следить. После обеда ей дают задание – рисовать открытки с рождественскими мотивами. На рождество каждому из больных поставят по открытке на тарелку. Это не рождество, это ад!

Ночью она берет с собой в постель осколки бутылки. Она уже несколько недель спит в одной из двухместных палат, которых в клинике очень немного. Ее соседка, молодая женщина, лечится от опиоидной зависимости. Она

ждет, когда соседка уснет. Она собирается вскрыть себе вены, но боится, что ничего не выйдет: она не знает, в каком месте резать, да и края у осколков слишком тупые. Но она старается – режет, режет и, наконец, чувствует, что по запястьям течет кровь. В комнате темно, она не видит ран, но ей кажется, что они достаточно глубоки: она почти уверена, что во сне вся кровь вытечет из ее тела и утром ее найдут мертвой – догадавшись о самоубийстве по струйке крови, вытекающей в коридор из-под двери. С этими приятными мыслями она засыпает, а наутро просыпается в окровавленной постели. «Ну вот. А вот если бы у меня была бритва...»

Она встает и идет к медсестре. Это пожилая, очень славная женщина, которая уже не удивляется таким вещам. «Так сразу не умирают», – говорит медсестра. Ей делают укол успокоительного. Она должна покинуть и комнату, и отделение – ее переводят «под надзор», в отделение Б, которого все так боятся.

Этим отделением угрожают больным, которые нарушают правила и не обращают внимания на запреты. Отделением Б здесь пугают пациенток так, как непослушных детей пугают полицейским или страшным черным человеком. Она видела, как бледнели несчастные, которым врач говорил: «Сейчас отправим вас в отделение Б».

Ее проводят через двойные двери, которые тут же запираются на ключ, и выделяют ей место в зале, в котором следят за порядком сразу несколько медсестер. Здесь больных ни на секунду не выпускают из-под надзора. Приходит врач и осматривает ее запястья. Раны не опасны. Он спрашивает с иронией, правда ли, что она надеялась убить себя бутылочным осколком? Ей очень стыдно, что она не умерла. Но как, как покончить с собой в Виттенау, даже если решиться наверняка? Ни крючка в стене, ни веревки. Все

окна зарешечены. Бритвы не найти. Зачем было пытаться, она ведь и сама, наверное, не верила, что получится? На нее наваливается какая-то «болезнь» – которая заставляет ее лежать в постели. Позже она замечает, что многие женщины здесь симулируют болезнь. Они прячутся под одеяло от жизни, которая потеряла для них значение – делают вид, что неделями страдают от ревматизма, кто-то симулирует грипп, а кто способен на истерику – даже настоящий жар. Но врачи знают об этих искусственных болезнях, и медсестры выгоняют симулянтов из постели. Даже в этом отделении, где лежат безнадежные, их хотят принудить к активной деятельности – заставить их из года в год бродить по коридору или хотя бы сидеть на стуле.

Но она лежит и решает никогда не вставать.

И в коридоры, по которым ее вели сюда, и сам поднадзорный зал бесконечно унылы. Она накрывается одеялом с головой и лежит неподвижно. С нее стягивают одеяло, и она видит прямо перед собой гневное лицо очень молодой медсестры из другого отделения: «Я дежурила в ту ночь, когда вы пытались убить себя. Если бы вы умерли, меня бы посадили в тюрьму. Вы имеете дело с порядочными людьми! Порядочные люди не убивают себя, поняли?!» Порядочные люди не убивают себя?

Тут нет покоя. Кричат, кричат, кричат. Для некоторых это единственное развлечение. Одна отражает бесконечные атаки врагов. «Вон из моих домов! Ну-ка уйдите из моих домов! Вон! Во-о-о-н!»

У нее мужской голос – и выглядит она тоже как старик – суровое и жесткое лицо. И нет покоя: сколько лет она уже выкрикивает одни и те же слова? И сколько их впереди? Вечность!

Чтобы отвлечь старуху от мыслей, медсестры спрашивают, как поживает «ее господин и повелитель». Она

указывает на потолок и говорит: «Прогуливается». И действительно, слышны тяжелые шаги. Или показалось? «А что бы вы приготовили ему на обед?» – спрашивают медсестры, чтобы развеселить ее. «Жаркое с красной капустой, – отвечает она. – Вон из моих домов!»

И так двадцать минут подряд. Можно ли выкинуть из головы эту фразу после десяти лет в «поднадзорном» зале? Потому что другие – другие кричат свое и полностью заняты своим криком. Друг с другом они не разговаривают. Может, даже не замечают друг друга?

И почти все – старухи. За четыре недели, которые она здесь проводит, четыре женщины умирают. Каждая – медленной, очень медленной смертью. Например, старуха напротив, которая, не открывая глаз, тихо, мечтательно и успокоенно говорит с «кем-то» по-французски. Какое нежное лицо, какие удивительные руки, красивые от умирания – она чертит ими легкие изящные знаки в воздухе. Кажется, она счастлива. Из того, что она рассказывает, ничего невозможно разобрать, но ее голос выражает умиротворенность, она – в плену счастливых воспоминаний. Ее голос еще долго продолжает звучать после того, как ее выносят. Она мертва. Ее постель перестылают, скоро здесь будет лежать новая больная. Но ее бывшая постель все еще притягивает к себе взгляды: ее долгий и невнятный, но нежный рассказ висит в воздухе и никак не хочет кончаться. В этом зале спят мало, и здесь никогда не гаснет свет. Две медсестры дежурят, но и им не удастся сидеть спокойно. Даже ночью здесь не утихают крики. Только в редкие часы не слышно ничего, кроме дыхания. Трясаясь от страха смерти, та или иная пациентка вдруг встает с постели и пытается бежать. Но у нее нет сил, она падает на пол – и медсестрам приходится по несколько раз за дежурство поднимать ее и класть в постель. И она видит, как в

истерзанные тела этих женщин впиваются иглы шприцов. «Я хочу умереть, дайте мне умереть!»

Нет, им не дают умереть спокойно, наоборот – делают все возможное, чтобы они жили подольше. И эти медсестры отчаянно поднимают глаза к небу при виде ран, в которые они втыкают иглы. Но где, *где* бог? Ей кажется безумием – тратить силы на мысли о боге в этом богом забытом месте.

Это – *это* – так давно прошло!

В палату приводят очень молодую девушку, почти девочку. Она вылетает из постели, словно птица из клетки, и бьется в поиске выхода из этой чужой комнаты, в которой ей страшно – она крестьянка – она забирается на подоконник в туалете и вцепляется руками и ногами в решетку, пытаясь выбраться на свободу. Но ее затаскивают обратно в постель и привязывают. Ей делают укол, она успокаивается, впадает в апатию – но вдруг начинает петь. Эту песню мало, кто знает.

Длинная песня, жалоба сиротки, которая руками разгребает могилу матери, чтобы лечь с ней рядом...

Она сама слышала эту песню когда-то давно и с тех пор помнит. Она и ее единственный друг в Париже сделали эту песню «своей» и часто пели ее вместе. Это невыносимо. Вся горечь разлуки с другом, с Парижем обрушивается на нее, и она со слезами просит девушку: «Не пой эту песню, пой, что хочешь, только не эту песню, прошу тебя». Девушка умолкает, но потом до утра поет другие песни. Ее голос словно серебряный, но разбитый – с надрывом и хриплыми рыданиями. Днем она подходит к девушке и обнимает ее за плечи: какой ужас, в шестнадцать лет оказаться в этом месте. Но почему – почему? Девушка рассказывает, что она в первый раз в жизни приехала в Берлин. Ее родители – крестьяне. Ее брат сошел с ума и, после того, как его заперли в

сумасшедшем доме, покончил с собой. А она приехала в гости к родственникам на рождественские праздники, и в ночь на Новый год увидела чудо: предметы стали летать по комнате, кружка с водой слетела со стола и разбилась, платье поднялось со стула и перелетело через всю комнату, а стул из угла комнаты подъехал прямо к ней –

Тут она в испуге выбежала из дома, сама не зная куда – а потом ее привезли сюда.

Она с интересом выслушивает эту историю. У друзей, перед тем, как попала в Виттенау, она наблюдала однажды ночью такое же явление. Но удивительно – ей совсем не было страшно, и она хотела бы снова увидеть, как летают вещи.

Когда она позже рассказывает об этих явлениях белому человеку, его реакция удивляет ее: указывая на солонку, он на полном серьезе говорит: «Этот предмет *может* двигаться!» (Может быть, и ему не чужды периоды сумасшествия, когда невозможное становится возможно?)

Она гуляет по коридору с несчастной девушкой, и хочет сказать ей что-нибудь утешительное, но ей ничего не приходит в голову. Она идет мимо неподвижно стоящих ряд больных женщин, и их лица навсегда отпечатываются у нее в памяти. Врач не заговаривает с больными. Он давно потерял надежду им помочь. Нет смысла спрашивать, как у них дела. Они, скорее всего, ничего не ответят. Все одеты в одинаковые уродливые халаты; одна женщина украсила свой халат изумрудным шелковым платком. Невероятно, как сияет это пятно цвета. И женщина весь день пристально вглядывается в платок, теребя его края.

Это украшение – единственное, что отличает ее от всех остальных в палате. Она медитирует в абсолютной неподвижности. Ее окружает аура скудной роскоши.

У другой в руках – разорванная, но плотно перевязанная картонка, с которой она не расстанется, как третья – со

своей желтой резиновой подушечкой. Сердце разрывается от вида этих вещей – богатства! Зеленый платок, картонка, подушечка. Эти три женщины «обладают» собственностью – у остальных пятидесяти ничего нет – только серые шерстяные носки, уродливые халаты, сношенные тапки. И они не выходят на прогулку в парк. Им предлагают пойти погулять – то есть, последний раз им предложили прогуляться десять лет назад, а с тех пор уже не предлагают, потому что они отказываются сойти с места – боятся, что кто-нибудь займет их стул, пока они будут в парке. Каждый стул перешел в «личную собственность» сидящей на нем больной. Тем не менее, случается, что больные почти дерутся за стул, когда приходит новенькая, которая не знает уставившегося порядка.

Только одна больная, кажется, работает. Она безудержно покрывает бумагу числами – считает. Все здания Виттена принадлежат ей. Она директор. Она отвечает за каждый пфенниг, потраченный на мыло, одежду и еду для больных. Это высокомерная и властная женщина – такое впечатление, что она считает каждый кусок, съеденный больными – потому что кто платит за мясо и овощи? Она! Перед сном она вписывает последнюю цифру, а в пять утра уже снова сидит за «бухгалтерией». Отвратительная личность, ее здесь от всего сердца ненавидят.

И набрасываются на еду, съедают больше, чем надо, чтобы отомстить «министру финансов».

Еда! Жизнь проходит в ожидании между тремя приемами пищи. Они толстеют и толстеют – от недостатка движения. Приводят новую толстуху – она бредит. Четыре медсестры в трудом втаскивают ее в зал. Голова теленка, очки, лошадиный зад – вид у нее и жалобный, и зверский.

Ее привязывают к кровати за руки и за ноги. В этом положении ей удастся сдвинуться вместе с кроватью на

середины палаты – непонятно как, она сильная. И непонятно как, но, наконец, удается сделать ей успокоительный укол. Но от этого медикамента у нее случается приступ сексуального возбуждения. Такое впечатление, что ее насилует целое войско. Медсестры, запыхавшиеся от борьбы с ней, бросаются на пустые кровати и раздражаются истерическим смехом. Потом встают и прислушиваются к словам, которые бормочет больная в экстазе. Смех не умолкает. «Слушай-слушай, что она говорит, еще и научись чему-нибудь», – говорит одна другой, и они обмениваются непростойностями, не лучше, чем сама сумасшедшая.

Вечером ее отвязывают, и она ходит от кровати к кровати: хочет, чтобы с ней вознесли вечернюю молитву. Все с презрением отворачиваются. Никто не хочет слушать, что надо принять помазание, надуться для «Господа» – этот «Господь», про которого она говорит, больше похож на сутенера. Может быть, она мечтает о борделе вместо сумасшедшего дома?

Но от нее не отвязешься – она не оставляет больных в покое, пишет записки с сумасшедшими «молитвами» в стиле любовных посланий из грошовых бульварных романов. Она раздает больным эти записки, адресованные этому ее двусмысленному «Господу».

Ах – вот бы пришел мясник и забрал ее! Старшая и самая усталая медсестра воздевает руки к небу и причитает: «Ее надо срочно перевести в ‘громкое’ отделение, тут-то у нас тихое!»

Но в «громком» отделении нет мест, и женщина остается.

Сама она, между тем, раздумывает о том, что это может быть за «громкое» отделение и что за адские муки заключают в себе здания из красного и желтого кирпича по разным углам парка.

Приводят еще одну новую больную: странное существо, девушка, которой правильнее было бы родиться мальчиком. Она – или «он» – одета в брюки, мужскую сорочку и галстук. Оба запястья забинтованы. Его привязывают к кровати, он всхлипывает. Он разбил окно в туалете. Единственная возможная акция протеста, потому что больше бить нечего: тарелки, миски и кувшины здесь только металлические. Наконец, экстатическая толстуха находит своего «господа» и вступает с ним в связь, которую в сумасшедшем доме, видимо, нельзя запретить. Так продолжается два дня, пока она ему не надоедает. Он находит новую – ее только что привели – разгораются сцены ревности со сломанными стульями, преследованиями, побоями и вырванными волосами – и каждый раз обеих привязывают и делают укол. Спокойное отделение.

Бывают такие места, где неистребим запах несчастья и нищеты – можно сколько угодно мыть, чистить, красить стены, запах все равно не выветривается. Ни луча солнца не просачивается сквозь решетки окон, на которых не стоят горшки с цветами; столы и стулья – старые и корявые: это столовая. Здесь больные сидят до полудня, пока в палатах и коридорах идет уборка. Едят ложками, им не дают вилок и ножей, чтобы не покалечились в приступе буйства. Медсестры держат их под наблюдением. Как и все, она сидит, положив на стол руки, на руки – голову, закрыв глаза: больше здесь делать нечего. Смотреть тоже не на что – на комнату каждая насмотрелась до тошноты. Сил нет, ее оставляет последняя надежда. Да и не может быть речи о надежде. Почему бы нет? Остаться здесь на всю жизнь. Голова словно стянута тяжелым чугуном обручем, чувства притупились. Людей в определенном состоянии иногда сравнивают с животными – но это неправильно говорить о «звериной тупости». Звери – звери бывают

прекрасны, полны жизни, умны, порывисты или, наоборот, мечтательны, зверь – бог, по сравнению с существами, которые собираются в этой комнате на обед. Смотреть на зверей отрадно и весело, а на этих?

Человек, переставший думать! Как ужасно, она ведь и правда разучилась думать. Тупик. Дальше идти некуда.

И тем не менее – друзья, которые приходят ее навесить, ободряют ее, просят не терять надежды. Она начинает ненавидеть посетителей. Она не отвечает на их вопросы – ей нечего сказать. Она чувствует облегчение, когда они уходят. И она уверена, что это уже не изменится. Что ей делать на свободе? Она решает, что надо предпринять что-то такое, чтобы врачи и медсестры убедились, что она – безнадежная больная. Но что, что? Взять себе в привычку какой-нибудь «тик», какое-нибудь движение, и повторять его каждые пять минут, будто под внутренним принуждением?

Она не в силах симулировать буйство, не сможет наброситься на товарищессу по несчастью. Значит, что-то другое! Но что?

А посетители приходят и говорят: «Тебе надо выбраться отсюда. Займись чем-нибудь. По крайней мере, попробуй!» Она отвечает, что хочет навсегда остаться в Виттенау. «У меня нет будущего. Я ничего не могу делать, совсем ничего».

Ей приносят «Моби Дик» Мелвилла. Зачем, зачем – неужели не понимают, что все уже в прошлом, что она и с десятого раза не поймет ни фразы в этой книжке, которую когда-то любила?

«Тебе надо работать – работать!»

И они уходят в растерянности, а она мечтает только об одном – чтобы ее оставили в покое.

Медсестра просит ее помыть металлический поднос из-под шприцов и других инструментов. Внезапно она набрасывается на эту работу, хоть она и занимает всего пять

минут – так, как будто от этого зависит спасение. Поднос вымыт. Вечером ее просят сполоснуть кружку. И она делает это. Она гордится собой, как ребенок. Она спрашивает, не надо ли еще что-то сделать. Но уже все сделано. Она ложится в постель и слушает непрекращающиеся крики старухи, которая защищается от своих голосов. Другая старуха умирает, ее выносят. Пустую кровать дезинфицируют, и в нее ложится следующая пациентка – ждать смерти.

А может, обмазаться в собственных экскрементах, как вон та больная? Может быть, тогда поверят, что для нее нет пути назад и оставят ее здесь навсегда? Каждый день по три-четыре раза медсестры с бесконечным терпением моют грязную женщину, каждый день одна и та же сцена.

Нет, ее будут ругать и презирать – они поймут, что она симулирует – они теперь говорят, что скоро отправят ее обратно в отделение А – ее состояние уже не вызывает беспокойства. Нет необходимости дальше держать ее под надзором. Однажды утром ее отводят обратно, и она снова садится за штопку носков.

Врач разрешает ей каждый день принимать посетителей. Ее отпускают с друзьями на улицу, на прогулку, потом в кино, потом в кондитерскую. Ее оглушает городской шум, но здесь она – среди свободных и здоровых людей. Это довольно сильное впечатление, после больницы. Друзья разговаривают с врачами. Ее хотят выволить из Виттенау. Она вдруг ощущает прилив тепла, сострадания, верности и терпения со стороны берлинских друзей. Они готовы приютить ее у себя, как только ее выпишут. И вдруг в ней вспыхивает тоска по Парижу – она скучает по своему единственному другу, который почти каждый день пишет ей в клинику и шлет открытки с пестрыми картинками. Она говорит ему в письме, что хочет снова жить с ним – она хочет вернуться к нему. Он отвечает, что ждет ее возвращения.

Знакомый берлинский адвокат помогает ей быстрее выйти из Виттенау. Она свободна. Друзья забирают ее из клиники, через несколько дней она должна ехать в Париж, но вдруг ложится в постель и не хочет вставать.

Однажды утром, оставшись в квартире одна, она находит крюк над дверью в кухню и веревку в ванной.

Короткая вспышка радости, желания жить – прошло, как и не было. Встав на стул и уже готовясь просунуть голову в петлю, она ловит взгляд больших, прекрасных глаз: на нее неотрывно смотрят две кошки. Кошки зевают, грациозно потягиваясь, они гордые и независимые, а главное – им совершенно безразличен человек с головой в петле. Ей стыдно перед ними. Она ложится обратно в постель. Она утешается со своим телом – и ее это губит. Как будто от этого и правда теряют зрение, становятся калеками – так ей говорили в детстве!

Проходит несколько дней, и у нее нарушается зрение: глядя на любой предмет или картину, она видит только верхнюю часть. Когда она пытается встать, пол как будто вздымается, и она падает. Она не различает право и лево. Пытаясь взять что-нибудь в руку, она промахивается. Друзья перепуганы, они не находят объяснения происходящему – значит, новое расстройство психики? Ее снова отвозят в Виттенау, но врач говорит, что для такого случая в клинике нет подходящего персонала. Поэтому ее отправляют в Париж. Ее везут на инвалидном кресле по летному полю и сажают в самолет.

В Париже ее заносят на кресле в квартиру друга. Приходит врач и внимательно проверяет рефлексy в руках и ногах. Рефлексy в норме. Проходит время, ее лечат таблетками и уколами, она снова может ходить, но только с трудом, на негнущихся ногах – как будто учат ходить робота. Она пытается читать, но строчки сходятся под углом и

перемешиваются. Врач просит ее нарисовать простой квадрат. Она не может, линии не соединятся в четыре угла. Она пугается движения собственной руки – как будто это не ее рука, не ее тело. Она пытается нарисовать голову животного, и не может – пасть оказывается за пределами головы. У нее нарушена ориентация.

Она, в конце концов, доверяет врачу, из-за чего у нее появились эти симптомы в Берлине. Врач говорит, что, вероятно, к этим физическим нарушениям привело неосознанное чувство вины. Координация постепенно приходит в норму, остается только страх спускаться по лестнице. В один из первых дней после выздоровления ей попадает лицо белого человека на титульном листе газеты. Это новый шок. Она отшатывается, а потом – со странным удовлетворением – разрывает его роковое лицо и бросает обрывки в мусорный ящик. Они уезжают из Парижа, настала весна, они едут на море, на островок Иль-де-Ре. К несчастью, она твердо решает записать все свои приключения. Друг безуспешно пытается отговорить ее, предупреждая об опасности этого занятия. Она не слушает его уговоров. Было бы лучше, если бы она вместо этого занялась рисованием. Нет! Она часами просиживает на солнце за столом и пишет. А солнце ей вредно. Все ее кризисы случались летом.

Работа над рукописью все больше отдаляет ее от друга, и однажды она покидает его и уезжает одна в Париж. Она чувствует себя сильной, полной сил и энергии. В одном немецком журнале выходит большая подборка ее анаграмм. Может быть, она думает, что скоро наступит слава?

Только он, ее вновь покинутый друг, догадывается, что она опять потеряла контакт с реальностью, что она в опасности. Сама она чувствует лишь огромный прилив сил.

В Париже она снимает комнату в отеле «Минерва», и вечером ее приветствуют красные инициалы на белых

полотенцах: Н М. Это монограмма отеля. Она лежит в постели и читает объявления в «France Soir». Это занятие превращается в манию: в каждом объявлении, в каждом названии фильма или пьесы ей мерещится закодированное послание. В сокращении «P.M.U.» букмекерской конторы она вычитывает соединение имени белого человека с ее собственным. Даже список кличек лошадей, заявленных на участие в скачках, она читает, как новую поэзию, адресованную ей одной. «H.L.M.» парижского бюро по найму квартир превращается в приветствие, она читает его с широкой улыбкой. Ей снова кажется, будто она находится в центре событий, появляется приятное чувство избранности – мания величия.

Подарки сумасшествия – радость и легкость. Она ест лучшие плоды осени: синий виноград, который про себя называет «черные слезы». Прекрасные дни. И ночь тоже обещает быть прекрасной. Темнеет; она выглядывает из окна, распахнутого на залитую зеленым светом фонарей платановую аллею, и там – в конце аллеи – возникает ночной мираж: родительский дом в Груневальде. Кто и от какой сверхчеловеческой любви делает ей этот подарок?

Он!

Она убеждена, она бесконечно верит в то, что он обладает неземным искусством превращать, преобразовать...

Он придумал целую программу, специально для нее – великий режиссер! Мастер постановки чудес! Дом, пронизанный изумрудным светом, становится прозрачным, она видит сквозь стены – индийский будда из горного храма, большой китайский дракон, вышитый золотом и серебром по черному бархату, арабская лампа с золотым, красным и зеленым стеклом – но ненадолго: стены закрываются. Перед домом собираются люди, как на праздник, и медленно и торжественно поднимаются по лестнице.

Двери распахиваются, люди исчезают внутри дома. Двери захлопываются, и весь дом, вместе с зеленым волшебным светом, пропадает из вида.

Она встает с постели и подбегает к окну. Она видит, как все машины и люди двигаются в сторону исчезнувшего дома. А она? На короткий миг ей кажется, что в дом можно попасть, если вместе со всеми побежать в ту сторону, но потом она понимает, что это бесполезно, и решает подождать, не вернет ли он ей эту галлюцинацию. Как и всегда в те ночи, когда она ждет видений, ей не спится, и ожидание полно сказочных надежд. Единственный раз, и она *знает*, что это будет последний раз этой ночью, зеленый свет загорается снова. Теперь она замечает, что дом парит, а люди идут к нему по улицам, которые висят и пересекаются в воздухе, и вся эта архитектура лучей плавно взмывает и опускается. Райское видение!

Бессмертные поля охоты ее детской души...

Она снова встает с постели и смотрит в окно. Внизу по мановению хореографа кружится балет автомобилей. Такой карусели она еще никогда не видела – и это тоже специально для нее! Мерси!

Ночь подношений, ночь, посвященная ей одной! И вот опять что-то новое.

Большая, пустая, почти темная сцена возникает не как галлюцинация, а как отчетливый образ у нее в голове. Зачем? Столб света, как из прожектора, высвечивает круг на середине сцены, и она вдруг прыгает в этот круг, и с этого момента наблюдает за собой со стороны. Звучит незнакомая музыка иноземных инструментов, и она чувствует, что теперь исполнится безнадежное желание ее детства – она станет танцовщицей. Она ждет, прислушивается, она еще не знает, как сделать первое па, но не сомневается: где-то в темноте скрывается *он*, и он будет

дирижировать ее движениями, как учитель в танцевальной школе. Ее пальцы вздрагивают, сгибается запястье, рука описывает в воздухе изящную дугу – танец начинается. А она, тем временем, лежит в постели и следит за своими движениями. В темном зале вокруг сцены угадываются неясные лица зрителей. На нее смотрят! Музыка, звучащая у нее в голове, становится знакомой: теперь она знает мелодию на три ноты вперед. Она понимает, что это она сама сочиняет музыку. Двойное чудо: танцевать – и быть композитором.

Она не видит ни музыкантов, ни инструментов, но слышит у себя внутри торжественные звуки арфы, барабана, том-тома, флейты, большого и малого китайского гонга. Церемониальная музыка, смешанные восточные звуки. Пять пальцев превращаются в пять людей с пятью разными характерами, у каждого своя особенная жизнь и манера движения, и следить за ними увлекательнее, чем за отдельным человеком. Она всегда была скована в движениях – кроме тех немногих часов в детстве, когда она весело, как щенок или котенок, прыгала и кувыркалась в саду летом – а теперь она чувствует, как ее позвоночник превращается в гибкую змею. Ах – как глупо – он не устраивает оркестра – видно, он, как и она, предпочитает несмешанные звуки каждого инструмента в отдельности. Она – та, что на сцене – отводит правую ногу и встает на пуант. Пальцы, руки, плечи, шея тянутся, как струна, и она видит, что она поднимается в воздух – словно выпущенная из лука стрела, только медленно. И, разумеется, за ней следует луч прожектора и взгляды зрителей, следящих за ее полетом. В полете ее черный узкий костюм преображается, вспыхивает красками. Она распускается, взрывается сияющей звездой из бесчисленных рук, ног и голов, превращается в прекрасное, как цветок, чудовище, легкое, как бумага или догорающий

фейерверк – и опускается на сцену. Зрители не верят своим глазам. Они потрясены. Никто никогда не видел такой танцовщицы. Даже она сама. Длинь – бум – бом – бам – тринь – невидимые инструменты снова начинают играть. Он стоит за сценой (она уверена) и внушает ей второй танец, очень странный. Голова исчезает в запутанном клубке ног и рук. У нее нет головы – какой пугающий гротеск.

С облегчением она видит, как из змеиноного клубка вытягиваются пальцы, ладонь, целая рука, и рука с ладонью превращаются в птичью голову и шею, а пальцы – в птичий клюв. Пальцы растут и растут, сгибаются, вытягиваются в длинный и угрожающий клюв. Никого не смущает, что ни крыльев, ни ног у птицы нет. Все понимают, что изображается большая тропическая птица, которая идет, грациозно покачиваясь, напиться воды. Раздаются аплодисменты – тысячи зрителей рукоплещут, ужаснувшись и восхитившись ее неожиданными способностями. Она слышит тихий, полный гордости за нее голос за сценой: «Кто способен изобразить животное, тот почти достиг мастерства». И рука снова возвращается к ее телу, это уже не птица, номер окончен.

Она снова слышит голос за сценой.

– А теперь – тигр!

Она видит, как она пересекает сцену и на минуту садится перед зрителями, погружившись в медитацию. В памяти всплывает то небольшое, что она знает про тигров, и тигр становится догмой, символом веры – и она превращается в тигра. Но это очень сложная роль: она понимает, что недостаточно изобразить устрашающий шаг приближающегося тигра, нужно передать и ужас зверей, которые смотрят на него и не знают, куда бежать, как спастись. «Тигр!» – резко и с нетерпением повторяет голос за сценой, и она понимает. Надо стать мимом – разделить на преследователя и

преследуемого. «Тот, кто может изобразить хищника и добычу одновременно, побеждает. Это высшее мастерство».

Ха – легко сказать – но как – как это сделать? И вдруг у нее получается, она снова в луче прожектора, и ничего не слышно, кроме приглушенного том-тома, стучащего во все ускоряющемся темпе. Изобразить тигра просто, всего несколько характерных движений – ведь это детская забава, бесшумно подобраться к группе ничего не подозревающих зверей и напасть на них. Но увидеть, как собственное тело «разделяется» на разных животных, как они мчатся в разные стороны? И она видит, что ей это удастся: значит, она самый великий мим всех времен!

Она спрашивает его, не прыгнуть ли в публику, в завершение номера. Он отвечает – «нет». И дает ей новое задание: скорпион.

Сцена сжимается, становится тесно и душно. Свет невыносимо ярок. У нее пылает лицо, все тело, кажется, вот-вот воспламенится. «Скорпион!» Резкий, почти яростный приказ. Она видит, что стоит на маленькой круглой площадке, которая начинает вращаться, и почему-то вспоминает сцену из азиатского фильма: священники вводят в транс молодых храмовых танцовщиц. Священники кладут им руки на бедра и заставляют кружиться над плоской миской, в которой медленным огнем горит какое-то вещество, испуская дурманящий запах. Девушки, еще почти девочки, вдыхают дым, у них кружится голова, и они теряют контроль над своим телом – закрыв глаза, начинают танцевать, их движения слажены и прекрасны, как во сне.

Но то, что ей «приказано» изобразить – не танец, а самоубийство: она – скорпион, жалящий сам себя. Она видит, как она все быстрее вращается, лежа на диске, как у нее вытягиваются руки и ноги и срстаются в острое, острее кинжала, жало, как жало медленно выгибается изящной дугой и как

острие нависает над ребрами. Она всматривается в свое солнечное сплетение – самое дорогое, что у нее есть – и видит сквозь кожу тонкие, тончайшие ветвления, которые дыхание наполняет серебром. Хочется сбиться с пути, потеряться в переплетениях этого райского ландшафта, залитого светом, открыть тайну...

Какая дьявольская жестокость, ей приказывают вонзить жало в это сияние!

Ей не больно, но глядя на собственное самоубийство, она отчаивается: солнечное сплетение уже никогда не будет нежно греть, вибрировать у нее внутри, не сможет давать советы, подсказывать, что делать, когда столкнешься с необычными – самыми важными для нее в жизни! – вещами.

Ей грустно, она растеряна и убита – но тут за сценой раздается тихий иронический смех, и ей говорят: «Это ничего не значит, просто такая церемония...» – его слова успокаивают ее, он уходит и больше не возвращается.

Светает. Сначала негромко, а потом все громче весь город начинает обмениваться знаками – сегодня все решают разговаривать условным стуком, а не словами. На улицах стучат, стучат на крышах, в подвалах. Посылают друг другу сообщения. Говорить запрещено? Похоже, что так. Хорошая идея! Молоток стучит по дереву, по железу, по камню. В каждом доме, на каждой улице известно тайное значение цифр от 1 до 9. 1 – гордая цифра одиночества, 2 – для тех, кто познал счастье жить вдвоем, 3 – детская цифра и, возможно, цифра заклинаний и надежд.

4 – цифра семьи

5 – ха! – 5 – это наверняка цифра тайных обществ

6 – цифра смерти

7 – цифра несчастья

8 – бездыханная цифра бесконечности

и, наконец, 9 – жизнь!

Самолет кружит в летнем синем небе и оставляет след: огромный светящийся белый круг – это знак для нее.

И она думает: «Ну и ночь! Ну и день!» Ей вторит собака на улице – да, ну и день, – лает собака, она подбегает к окну, и ее встречает целый хор автомобильных гудков, ее, страшного хищника, тигра! Этой ночью она показала людям, что если человек найдет своего мастера, то сможет отрастить двадцать рук, сорок ног, стать скорпионом, воспарить! Все сирены города – кто знает, может быть, и все сирены мира – поднимают вой, и люди втягивают голову в плечи в страхе и трепете перед невыносимой тяжестью благой вести, разлитой в воздухе: вот человек сошел с ума от радости, открыв в себе сверхчеловеческие способности! И воистину, на всех часовнях начинают звонить колокола, и звон сливается в гром, сотрясающий небо, и эхо катится вдаль по городским крышам. Ребенок на улице кричит от радости, обезумевший автомобиль заливается трелями, все, все ликуют и празднуют...

В этот день она разговаривает с посетителем, который желает ей только добра. Он терпеливо объясняет ей, что пришло время начать самой зарабатывать себе на жизнь. Она соглашается со всем, что он ей предлагает. Она нанимается горничной в санаторий неподалеку от Парижа. Санаторий стоит на горе. Ей выделяют маленькую, но уютную комнату под крышей: из окна виден Париж – лежит, как на ладони.

Ни водитель, везущий ее в санаторий, ни директор этого средних размеров заведения, в котором женщины восстанавливают силы после перенесенной болезни, не замечают ничего болезненного или необычного в ее поведении. Но рассмотрев женщин в саду, она начинает сомневаться, не сумасшедших ли содержат в этом санатории? Одна из женщин выглядит странно, зловеще. Обритый наголо череп с

красным рубцом вокруг головы, как будто сняли крышку, чтобы заглянуть внутрь – и, наверное, прооперировать? Но других странностей она не замечает. В ее обязанности, кроме уборки в комнатах, входит мытье посуды.

Почему три девушки, которые вместе с ней моют посуду на кухне, так похожи на ее бывших одноклассниц? Или это дочери ее берлинских подруг?

Почему широкая, красиво выгнутая лестница, ведущая на верхние этажи из большого зала внизу, так похожа на лестницу в доме ее родителей? И в саду – те же цветы, кустики, жуки, ели и березы, как в саду из ее детства?

Она думает, что сильна, как лев, но от непривычной физической работы она очень устает, к тому же, она уже несколько дней ничего не ела. Стоит изматывающая жара. Освободившись вечером, она без сил валится в постель.

Из деревни доносится печальная музыка, кто-то играет на скрипке. «Не волнуйтесь – я позабочусь о вас...» О, она не волнуется. В лунном свете комната превращается в сад: стены исчезают, сменяются светотенью листвы и ветвей. По саду скользит пятно серебряного света – это знак.словно палец, он пытается указать ей на что-то: она следит за ним с обостренным вниманием. Пятно света среди листвы то сжимается, то расширяется, как зрачок. Из тени проступают фигурки людей. Они разделяются на две группы, которые сходятся с церемонным видом – спектакль! Они здороваются, раскланиваются – человечки в палец ростом, она совершенно отчетливо видит их, рассматривает их лица. Из каждой группы выделяется по одному человечку: мужчина и женщина. Остальные отступают и исчезают в темноте – уходят в ночь «их страны», которая расположена явно не на этом свете. Мужчина и женщина смотрят друг на друга, это их первая встреча. Их лица не больше, а то и меньше розовых лепестков. Глаза – бусинки, как у

птиц, но блестящие, как жемчужины. За окном ветер шелестит в листве. На мгновение все погружается во тьму. Ветер стихает, мужчина и женщина снова появляются – подходят ближе друг к другу. Их длинные одежды развеваются, складки, украшения, кружева подрагивают и кажутся еще реалистичнее и тоньше. Человечки словно вот-вот упадут друг другу в объятия, и она надеется, что они никогда больше не расстанутся; она закрывает глаза и погружается в сон.

Через два или три дня она говорит директору, что не справляется с работой. Она чувствует себя усталой, истощенной. За ней приезжает знакомый и забирает ее в город. Что с ней будет? Приходит и *он*, видит, что она больна, и говорит: «Не волнуйтесь. Я о вас позабочусь!» Ах, эти слова!

Она раскладывает свои рисунки на постели. Он протягивает ей деньги и берет взамен рисунок, который она нарисовала, думая о нем. Рисунок называется «Rencontre avec Monsieur M (ma Mort)»¹.

Он забирает этот рисунок со словами: «Это для меня».

Новый повод для восхищения. Однажды в Виттенау главный врач пригласил ее в кабинет, в котором собрались студенты и психологи из других клиник. Врач попросил, чтобы она прокомментировала свои рисунки, которые он решил показать коллегам. О «Rencontre avec Monsieur M (ma Mort)» завязалась дискуссия, и ее спросили, почему рисунок занимает весь лист, до самых краев? На других рисунках изображения парят в пространстве.

Она ответила: «Потому что именно этот рисунок я никак не могла, не хотела закончить, потому что рисовать его было бесконечно приятно. Я бы хотела продолжать и за краями листа – до бесконечности...»

1 Встреча с месье М (моя Смерть).

Прежде чем выехать из квартиры и отправиться на поиски комнаты в отеле, она раздает вещи, чтобы не брать с собой много тяжестей. Она раздаривает одежду и книжки. Чемодан пустеет. Несколько часов спустя она уже сидит в отеле и работает над рукописью. Но она не может сосредоточиться, теряется в деталях, откладывает рукопись и обещает себе завтра начать заново, с чистого листа. А пока она выходит на улицу, встречает знакомых детей и играет с ними. С одной маленькой девочкой она идет в старую церковь на площади Сен-Медар – церковь полна солнечного света – и никого, они одни. Они в шутку ищут в исповедальнях телефон для переговоров с небом – кто знает, может быть, он где-нибудь спрятан. Им смешно – они превращают церковь в детскую площадку. Играть с детьми для нее – милость божья, потому что дети, как и она в своем сумасшествии, верят в чудеса. Дети понимают ее, и с ними она, пусть ненадолго, чувствует себя свободно.

Новая радость: на углу рю Муфтар – в этом районе она жила много лет – поставили шатер. В шатре идет представление: театр кукол, но куклы большие, ростом с человека. Она разглядывает детей в публике. Их лица серьезные. Они не смеются, хотя гротескные движения марионеток, по замыслу, должны быть смешны – значит, они плохо играют! Вечером в красном шатре показывают пьесу. Собирается избранная публика. Она тоже приходит, с маленькой девочкой – но глядя на актеров, ее подружка зевает и уводит ее из шатра.

В этих представлениях нет интенсивности и неожиданности пантомимы. И все слова, слова... Как если бы задача актера заключалась в том, чтобы выучить текст и доказать зрителям, что он умеет без усталости открывать и закрывать рот.

Ночью она спокойно разрывает большинство рисунков и текстов, которые опубликовала в Берлине. Посреди комнаты растет бумажная гора. Потом она будет жалеть о том, что уничтожила документы серьезной и бесполезной работы за пятнадцать лет – но в ту ночь уничтожение бумаг освобождает ее. Ничего не иметь, ничего не носить с собой, опустошить чемоданы! Она оставляет дверь в комнату открытой – кто знает...

Незнакомец спрашивает через порог, все ли у нее в порядке, не больна ли она.

Она благодарит и отвечает, что у нее все хорошо. Он обещает, по-прежнему обеспокоенно, заглянуть к ней утром. Новый ангел-хранитель? И она засыпает с ощущением свободы и легкости.

Утром она открывает окно, в которое светит солнце, и выбрасывает свои красные тапочки. Они ей не нужны. Ей вообще больше ничего не нужно! Эти красные тапочки подают знак владельцу отеля – он вызывает полицию.

Ее отводят в ближайшее отделение полиции. Она садится и ждет, сама не зная, чего. Ей вспоминается строчка из стихотворения, поразившая ее когда-то много лет назад: «Я сажаю хлебное дерево».

Эти слова превращаются в страстный призыв и без конца звучат у нее в голове, так что она решает «внять мольбе» и попытаться исполнить невозможное – посадить хлебное дерево. Но это проблема.

И удалось ли вообще *кому-нибудь* посадить хлебное дерево? Если вырастить хлебное дерево, никто на земле больше не будет голодать. Навязчивая «мольба» извивается в ней как змея, и у нее нет сил сопротивляться. Она озирается в поисках шепотки плодородной земли. На столе у полицейского стоит горшок с цветами, и когда полицейский на минуту выходит из комнаты, она крадет горсточку земли

из горшка и прячет ее в кулаке. Но где взять семечко, из которого вырастет хлебное дерево? Семечко и горсть земли – этого будет довольно. В полной уверенности, что у нее получится совершить чудо, она подбирает с пола какой-то крохотный предмет и сует его в кулак с землей. Она торжественно выкладывает землю с семечком на середину комнаты и снова садится – гордясь собой и полная наивной веры в чудеса. Никто не говорит ни слова. Но кто, кто полет семечко, чтобы из него выросло хлебное дерево?

Ее молча выводят, сажают в полицейскую машину с решетками и долго куда-то везут. Потом машина останавливается, они поднимаются по ступеням в дом, где ее встречает группа людей в белых халатах. Они грустно молчат. Их лица полны глухой черной скорби. Случилось несчастье. Кто пострадавший? Почему в углу стоят носилки? Зачем эти кожаные ремни, эти тесные путы? Целая гора ремней. Она уже где-то все это видела. Где?

Какой странный, мягкий пол под ногами!

Пол, как резиновый матрац на пружинах. Она делает несколько осторожных шажков и пробует подпрыгнуть. Забавно. Странный пол подбрасывает ее в воздух. Как в цирке!

Несколько минут она подпрыгивает на пружинах, чувствуя себя легче перышка. Но вдруг оказывается совсем в другом месте, сама не понимая, как – и за ней захлопывается дверь. Окошко в двери зарешечено. Одета в белое женщина заглядывает в окошко и исчезает. Она одна в комнате – обшарпанная мебель, окна наружу нет, горит электричество. Стены обиты дерюгой, как из-под мешков с картошкой. В стенах – пробоины, кое-как законопаченные соломой. В углу лежит кожаный матрац, накрытый попоной. Вместо туалета в полу вырублена дыра. Где-то за стеной раздается пение. Колоратуры – сильный и чистый женский голос – экстаз.

Чем заняться? Она выщипывает солому из дыры в стене и раскладывает ее по кровати, пока солома не превращается в пожухлую траву из детства – она плетет из травы венки, чтобы украсить комнату, как будто обустроивается тут на долгую жизнь. Она дует на травинки, они поднимаются в воздух и медленно опускаются, словно тонконогие насекомые. Может, она изображает Офелию или Гретхен, обезумевшую от любви к Фаусту?

Она исполняет сама для себя долгую пантомиму, подробности, да и идею которой потом забывает. Но она помнит, как у нее промелькнула мысль, что ее изящную и полную фантазии игру надо было бы заснять на пленку – но некому.

Она не помнит, как попадает из этого помещения в другое.

Это черная комната. Она ничего не видит. Очень темно. Жарко. Ей страшно. Она сидит. Но не знает, на чем. Она нашаривает в темноте стены. Кажется, обиты кожей. Ее охватывает паника. Чтобы не умереть в этом черном, тесном одиночестве, она начинает петь. Песня – всего две фразы, и она без конца повторяет их: «Люди находят – люди теряют». «Поднимаешься вверх, опускаешься вниз».

Она надеется, что поет так же громко, как тот женский голос, который она слышала за стеной комнаты с соломой. Может быть, ее услышат? Может быть, кто-нибудь придет и освободит ее? Но как долго ей приходится петь в темноте, прежде чем ее, наконец, выпускают на свет!

Новое место: большой спальный зал, она лежит в кровати. Она спрашивает медсестру, где они. Ей отвечают: «В госпитале Святой Анны». Она знает, что это значит. Она снова попала в сумасшедший дом. Она не сопротивляется, скорее – чувствует облегчение, ее спасли. Все очень добры к ней. Ей разрешают курить в постели. Она вытягивается

на кровати, поворачивает голову и видит существо, которое называет словами из анаграммы, найденной в другой фразе: «Вселенская агония».

Или иначе: «Ты видишь, как умирает мир».

Она еще никогда не видела настолько старого и бесполого человека. Это существо невозможно назвать мужчиной или женщиной, это «оно».

И тем не менее, существо подключено к жизни тонкой красной трубкой. Трубка ведет к бутылке, из которой капля по капле прозрачный раствор стекает в вены мира. Ах, люди – неужели они надеются, что вот так, капелька по капельке, спасут жизнь вселенной! Голова мира – белая и круглая – с кулак, не больше.

Но как мир попал в руки людям? Как будто миру нужны люди! Это ошибка, ошибка!

Слышен тошнотворный запах теплого молока. Все, что ей предлагают съесть, плохо пахнет. Еда становится ей омерзительна. Ей разрешают гулять в саду. Оказывается, уже осень. Она садится на ступеньку и перебирает увядшие листья. Она наклоняется и дует на них. Они поднимаются в воздух и кружат сначала медленно, потом все быстрее – и улетают ввысь, подхваченные ветром по ее воле. Замечательная игра. Может быть, она стала колдуньей? Как из слабого человеческого дыхания может получиться такой сильный вихрь?

Ее приходит навестить девочка, с которой она ходила смотреть представление в красном шатре. Девочка понимает ее без слов. Они разговаривают на языке пантомимы и играют в камешки, которые находят в саду. Они садятся за стол и выкладывают разные фигуры из камешков: получают люди, звери и символы. Но ее подружке пора уходить. Она возвращается в палату и ждет ночи, потому что только ночью происходят необычные вещи. Кто знает – может

быть, сегодня за ней придут. Может быть, ее навестит кто-то, кто захочет отдохнуть после долгого странствия. Она оставляет туфли в углу. Соседняя кровать не занята, так что, если он придет, они могут лежать рядом и разговаривать, и так пройдет первая ночь в Святой Анне... и она засыпает.

Она почти не замечает, как ее переводят в другое отделение – не помнит, как поднимается по лестнице. Новая палата, новая кровать. Новая соседка, но такая же тишина, как в палате внизу.

Приносят шприц. Ей в вену хотят ввести иглу. Но игла превращается в кошмар наяву! Слишком длинная, толстая, опасная – орудие убийства! Сопротивляясь изо всех сил, она скидывает на пол деревянную подставку, на которой стоят пробирки в ожидании ее крови. Она с облегчением слышит, как разбивается стекло. Как будто это спасет ее от страшной иглы! И она проигрывает свое первое сражение с медсестрами: она слышит трель свистка – каждая медсестра носит свисток в кармане халата – и они одолевают ее вчетвером. На нее надевают смирительную рубашку из светлого, толстого, нервущегося материала. Рукава такие длинные, что руки в них исчезают целиком. К рукавам и штанинам пришиты тесемки, которыми ее привязывают за руки и за ноги к четырем углам кровати. Костюм Арлекина – такой костюм подошел бы для душераздирающей пантомимы о сумасшедшем доме.

В этом костюме, с руками, накрест привязанными к кровати, она начинает горько плакать. Еще никогда ей не было так себя жалко.

Лежать в смирительной рубашке унизительно. Ей делают подарок: укол снотворного, и она засыпает. Пока она спит, ее навещает он.

«Я видел, как вы спали, – говорит он, когда приходит во второй раз. – Я первый пришел вас навестить». Ах, лучше

бы она никогда его не встретила, лучше бы жасминовый человек – видение, спасшее ее в детстве от непонятного и опасного взрослого мира – остался прекрасной и милосердной мечтой. Но он появился в действительности – «белый человек» (а как еще его называть, когда он излучает такое невыносимо яркое сияние?), и появившись, свел ее с ума. Да, ее цыплячьи мозги не выдержали...

Первое, что она видит, когда просыпается – существо на соседней кровати: ни мужчина, ни женщина. Время от времени оно пьет из белой кружки, которая стоит на его ночном столике. Как так получилось, что и в Виттенау, и здесь, в Святой Анне, она видит бесполого человека? И кружка с напитком? Особенный курс лечения, в конце которого должно решиться, станет он мужчиной или женщиной? Она уверена, что это так. Густые курчавые волосы, сейчас остриженные под мальчика, могут отрасти и завиться в красивые длинные локоны. Но шея и руки? Как добавить им женственности? Такие толстые и мускулистые. словно моля о помощи, он смотрит в потолок печальными серыми глазами. Лицо пылает в жару. Куда он пойдет, когда покинет этот дом? Он хочет вырваться на свободу, это видно.

С нее, наконец, снимают смирительную рубашку. Она встает с постели, чтобы осмотреться на новом месте, но тут нет ничего достойного внимания. Длинный серый коридор. В одном конце – окно, стол, два стула. В другом – дверь на лестницу. Ни одного горшка с цветами. Несколько дверей в коридор: очень большая, тихая палата; безобразное помещение с рукомойниками; туалет. По коридору ходят женщины в одинаковой темной одежде, кто группами, кто поодиночке.

Почти все толстые выглядят отвратительно, а худые – наоборот, полны достоинства. Пока она замечает только

это отличие. Она чувствует спонтанную симпатию к одинокой пациентке с длинными, тщательно заплетенными косами. У нее седые блестящие волосы. Каков секрет меланхолии, способной так прекрасно преобразить лицо? Эта женщина словно окружена аурой, отгораживающей ее от остальных магическим кругом, который никто не смеет переступить. Ее лицо, несмотря на возраст, лишено морщин, большие синие глаза чисты, как у ребенка. Походка легка, как у девушки. Несколько дней спустя эта женщина, самая красивая из всех в Святой Анне, просит ее заплести ей косы: у самой нет сил.

Но она испуганно отказывается, как если бы ее попросили прикоснуться к «неприкасаемому», и поспешно уходит с невнятной, но вежливой отговоркой. Она давно надеялась, что однажды в жизни встретит кого-то «святого»: глядя на эту женщину, она думает, что ее желание исполнилось.

Каждое утро в семь утра она вынуждена переодеваться в присутствии других тридцати-сорока больных – вид обнаженных тел, изуродованных возрастом, ей отвратителен. Завтрак съедают второпях, сидя на кровати и держа тарелку прямо на коленях. Им дают жирную еду, чтобы они сами жирнели: кто толстеет, у того крепкие нервы. На врачей и медсестер толстые больные действуют как успокоительное.

Тот же принцип, что в Виттенау.

У нее нет аппетита, она тайком выбрасывает еду с тарелки в мусорный ящик в соседней комнате. Несколько раз ей это сходит с рук, но потом медсестра замечает, что она не ест, и неотрывно следит за ней, пока она все не съедает. Когда она не может есть, ей запикивают в рот ложку за ложкой – настоящая пытка. Она с ужасом вспоминает, как в Виттенау одной больной, которая не могла есть,

вставляли в нос трубочку и лили суп прямо в желудок. И так три раза в день. От той пациентки исходил такой отвратительный запах разложения, что в ее присутствии нелегко было удержать в себе обед. Она ест из страха, что и ей могут причинить такие страдания.

Однажды вечером – каждое утро она начинает ждать вечера и темноты, чтобы не видеть, что происходит вокруг – она смотрит на круглый абажур под потолком в палате. Ночью эта лампа горит приятным слабым светом. Она слышит слова: «Je descend» – так здесь часто говорят медсестры, когда их зовут с нижнего этажа, «я сейчас спущусь».

«Je descend!» – с этими словами и с лучами света от лампы на нее спускается чей-то образ на больших, нежных крыльях, и ее солнечное сплетение разгорается в ответ.

О ней думают. Неоспоримое предзнаменование встречи. И в этот раз *не она* просила о «встрече на расстоянии».

Новое чувство – новое прикосновение?

Все «реальные» ласки – ничто, банальность, по сравнению с этим прикосновением, в возможность которого она уже давно верила, о котором мечтала, потому что такое касание неповторимо и не сводится к тривиальным действиям и к обычным, или даже оскорбительным словам. На другом конце города, «у себя в стране», он, наверное, погрузился в созерцание пустого кресла напротив, или смотрит на такую же слабую лампу – о, она уверена, что он знает о подобных «встречах» лучше, чем она сама. И так повторяется в следующую ночь, и еще раз – и все.

И обязательно надо услышать «je descend» и посмотреть на лампу.

Когда он *действительно* приходит, он приносит ей чистый блокнот, и блокнот – как спасение для нее. Она читает посвящение: что-то про потерявших надежду и как они плывут по страницам блокнота, и, может быть, смогут начать

новую жизнь, получив этот первый знак. Работа! Как всегда, когда она его видит, очарование разрушено. Она в отчаянии повторяет те слова, которые сказала в берлинской тюрьме: «Quelle vie!»

И он отвечает: «Quelle vie...»

Она сама не помнит, что еще ему говорит; как ребенок, она заглядывает под стол, чтобы посмотреть, какого цвета у него брюки. Это выглядит действительно по-идиотски. Он смущен не меньше ее, и она вздыхает с облегчением, когда он уходит.

С этого дня в определенных кругах – никто не знает, как и почему – расходится слух, что он – настоящая причина ее болезни, поэтому он отказывается впредь навещать ее, и так действительно лучше.

Ей приносят деревянную палочку и бутылку черной китайской туши. Она делает первые наброски, без желаний, без изящества, без фантазии.

Друзья продолжают приносить ей блокноты, краски, тушь, кисточки, перья, а потом ее записывают на курс рисования, который ведет профессор в маленьком ателье неподалеку. По пути в ателье она встречает друга – она бросается к нему в объятия: теперь она уже не безутешна и не одинока. Он навещает ее в те дни, когда разрешены визиты посетителей, приносит подарки, подбадривает ее, он бесконечно терпелив. С ним приходят друзья, целая компания людей, готовых помочь, поддержать, подбодрить. Он приносит ей книжки и букеты цветов. Он и его друзья подбирают рисунки, которые она порвала на куски и выбросила в мусорную корзину, и относят их к специалисту, который аккуратно склеивает их снова: ей готовят выставку.

Сама она снова погружается в депрессию, как будто подчиняясь неумолимому закону болезни. Несколько необычных дней, ночей, полных необычных видений,

подъема чувств, иллюзии собственной исключительности – и потом падение в действительность и сознание того, что это была лишь галлюцинация.

Она марширует в пятой колонне смертельно подавленных. Галлюцинации – это единственное, ради чего стоит быть сумасшедшей, но в борьбе медикаментов с галлюцинациями медикаменты сразу побеждают, а чтобы побороть депрессию, требуется гораздо больше времени. Она лежит, как в Виттенау, долгие недели и месяцы в постели, не открывая глаз. Она не моется, не причесывается, ни с кем не говорит.

Ей назначают разные лекарства – в конце концов, ей прописывают медикамент, от которого у нее начинаются судороги и все мышцы сводит паралич. Как утопающий, она отчаянно хватается за точку в пространстве – искусственный красный цветок на радиоле. Ухватившись за этот красный бакен, она держится на плаву в море мучений. Иначе она «утонет». Она не хочет, чтобы ее навещали. Ей не о чем с ними говорить. Но ее не оставляют одну, к ней приходят, ее поддерживают.

Врачи, проведя обследование и узнав, что медикамент вызывал у нее паралич, вполне довольны. Она начинает их ненавидеть. Депрессия не проходит. Ей разрешают участвовать в открытии ее выставки – но ей нет до выставки дела, ей ни до чего нет дела. Чтобы вытащить ее из постели, ее переводят в другое отделение, ведут вниз по лестнице. Здесь с утра до вечера пациенты сидят в помещении со столами и стульями вокруг телевизора. В восемь вечера больные идут спать на мансарду, где каждому выделена своя застекленная каморка. Приятно быть одной. И время идет. Проходит больше года. «Как можно побороть депрессию?» – спрашивает она психиатра. Он отвечает: «Депрессия может тянуться месяцами».

Если так, зачем она здесь? Она наблюдает за женщиной, которая в пятидесятый раз на ее глазах распускает чулок, который вяжет вот уже двадцать лет подряд. Чулок никогда не будет связан.

Еще она наблюдает за женщиной, которая постоянно расставляет вокруг себя пять стульев и злится, если ее стулья кто-то трогает. И еще вон та женщина – ах, все повторяется в точности, как в Виттенау.

«Что ты вообще здесь делаешь?» – спрашивает друг и забирает ее из клиники домой, а она не знает что и сказать от стыда: у нее нет сил ответить на его тепло, дружбу, внимание, в которые он кутает ее, как в теплое одеяло.

Оказавшись дома, в окружении давно знакомых и привычных вещей, она вспоминает женщину в Святой Анне, которая, как грустный ребенок, скучала по своим сокровенным бедным вещицам: «Что же будет с моими шкатулочками дома, кто будет на них смотреть, кто будет их открывать, протирать от пыли?»

«Вы верите, что сумеете выздороветь?» – спрашивает ее однажды психиатр в Святой Анне. И она отвечает с удовлетворением: «Нет».

Приходит весна, и она уезжает с другом на остров Ильде-Ре. Она снова начинает работать: кажется, что это невозможно, но у нее получаются неплохие рисунки. А главное – к ней возвращается способность сосредоточиться, необходимая для занятия анаграммами. Она плавает в море и упивается ощущением глубины под ногами, свободой, счастьем. Она рисует лица – она всегда любила их рисовать. Сперва перо задумчиво «плывет» по бумаге, потом находит место под глаз. Только когда на нее «смотрят» с бумаги, она начинает ориентироваться в своем рисунке и добавляет штрих за штрихом. Она рисует «семью», которой у нее никогда не было – и эта семья удочеряет ее. Тихая, терпеливая семья – кошачьи глаза и легкая улыбка, таящаяся в уголках рта.

Для первой анаграммы в это лето она выбирает фразу «der eingebildete Wahnsinn»¹.

Результат:

Deine Wege ins Hinterland B.
da regnet es blind herein. – We –
Weh' – Deliria sind Gebete. N – N – N –
Der Wind bläst. Eingehen in
Wahnsinnige Bilder endet in
Leid. Eng ist der Wahn. Eben
steigen, dann leiden. Hib! Wer?
Er! Wann? Nie! Eingebildet!
Was? Rien! H – D – S –
Elend beginnt. Dehi –
Dehi – bewegtes Deliria. N – N – N –
Endet das nie?
Nein! G – B – L – I – H – Wer? –²

Это жалкий, несовершенный результат. Закон анаграммы диктует, что все буквы исходного предложения должны повторяться в анаграмме. Но здесь остаются лишние буквы, а это запрещено.

1 Воображаемое безумие.

2 Твои пути по внутренней стране Б.
слепой дождь падает внутрь. – Бо-
Боль – делирий это молитва. N – N – N –
дует ветер. Вход в
Сумасшедшие Видения кончается
страданиями. В сумасшествии тесно. Сперва
поднимаешься, потом страдаешь. Удар! Кто?
Он! Когда? Никогда! Вообразила!
Что? Ничего! H – D – S –
Начинается страдание. Dehi –
Dehi – буйный бред. N – N – N –
Это никогда не кончится?
Нет! G – B – L – I – H – Кто? –

На следующий день она читает в газете, что тело Неру сожгли на сандаловом дереве и розовых лепестках.

Это – начало второй анаграммы:

*Auf Sandelholz und Rosenblaettern*¹.

Вот анаграмма, которую она получает из этой фразы:

Nehrus Tod aendert alles –

– Du sanftes Land –

– Sonne und ruhende Fernen –

– uralte Hoelzer

– zarte, lautlose Frauen –

O altes Zauberland Tod².

Но и эта анаграмма небезупречна.

Эти две попытки – после долгого времени – она решает считать пробой, упражнением.

Зато третья анаграмма безупречна.

Исходная фраза:

*Die seltsamen Abenteuer des Herrn K.*³

Результат:

Es ist kalt. Raben reden um den See. Reh
und Amsel trinken Tee. Rabe, Seher des
Unheils am Abend. Erste Sterne. Rede, K!
Die erster Unke starb sehr elend am
Hik. Nebenan redete der Esel's-Traum. Es
blutete die Nase des armen Herrn K. See,

1 *На сандаловом дереве и розовых лепестках.*

2 *Смерть Неру меняет все –*

– ты нежная страна –

– солнце и тихие дали –

– вечные леса

– безмолвные кроткие женщины –

О старая чудесная страна Смерть.

3 *Странные приключения господина К.*

dunkler See der Raben. Atmen heißt
Leben, heißt rankendes Traeumen der
seltsamen Abenteurn. Die, des Herrn K.?¹

Она думает о Китае и о том, что ей никогда не удастся
съездить туда. Ей приходит в голову фраза:

*Das Geheimnis findest Du in einer jungen Stadt*². Она ищет
анаграммы, и вот что получается:

Die Jugend singt: nun ist das Meer Dein Hafen – ist
Traum und Jagd, des Geistes Innen-Feste, die ihn in
finst're, steinige Tage senden, ja, Du. Und ihm sind
Hand und Sinn mit Ernst gefeit. Ja, Du! – Siege sind
gefundenes Ahnen. Du reist in die Stadt Jim-Sing,
Geh in die juengste StraÙe und find AMIN den TI.
Er sagt: ja-nein-einst-nie-Feind-Mut es sind... Du-DHG.
Geheimsignatur? Jadestein? Du findest den Sinn³.

1 Холодно. Вороны говорят об озере. Олень
и дрозд пьют чай. Ворон, провидец
несчастья. Вечер. Первые звезды. Говори, К!
Первая птица накаркала, умерла в мучениях
от икоты. Неподалеку говорил ослиный сон. У
бедного господина К. шла носом кровь. Озеро,
темное озеро воронов. Дышать значит
жить, значит мечтать о странных
ветвлениях приключений. Господина К?

2 *Ты найдешь тайну в юном городе.*

3 Юность поет: теперь море – твоя пристань, твоя
мечта и погоня, кремль души, они посылают ее
в темные, каменистые дни, да, ты. И для него
неуязвимы рука, чувство и строгость. Да, ты! – Победы
– это найденные догадки. Ты едешь в город Йим-Зинг,
Пойди на самую младшую улицу и отыщи АМИНА ТИ.
Он скажет: да-нет-однажды-никогда-враг-смелость... Ты-DHG.
Тайнопись? Яшма? Ты найдешь смысл.

Ее, разумеется, приводит в восторг и загадочный совет пойти на «самую младшую улицу» и поговорить с неким АМИНом ТИ, и его удивительные слова.

Новый и опасный приступ лихорадочного поиска: она записывает анаграммы одну за другой, отгораживаясь от окружающего мира. Она сама не замечает, как начинается новый кризис. В этот раз – без галлюцинаций, ничего необычного, но она не может ни спать, ни есть. Она объявляет, что ей нужна свобода и независимость и что она будет жить одна. Она знает, что желание уехать всегда ведет к катастрофе, но в критический момент всегда забывает о последствиях. За ней снова закрывается дверь – так тихо, что она почти не замечает – и она оказывается в психиатрической клинике в Ла Рошели.

Едва оказавшись в клинике, она уже просит о выписке. Она не чувствует себя больной. Зачем ей тут быть?

– Вам необходимо успокоиться. А там посмотрим, – отвечает врач.

В ярости она выбрасывает очки в мусорное ведро. Она не собирается здесь работать – не пошевелит и пальцем!

Как называется эта клиника? «La Fond».

Она переделывает название в «Le Fond», то есть дно, глубина.

Значит, в этой клинике надо во что-то погружаться – медитировать, углубляться в решение какой-либо проблемы?

Утешившись этим объяснением, она устраивается на новом месте. Первую ночь она проводит без сна, куря сигарету за сигаретой в большой палате. Ей не мешают. Она встает и осматривает соседние помещения: еще одну большую палату и маленькую комнату, полную удобных кресел. Она поднимается по лестнице на верхний этаж – и попадает в дом мертвецов: в каждой постели лежит гора белого агонизирующего мяса.

Дурно пахнет. Это отвратительно. Но ведь как царственно может выглядеть спящий человек!

Но только не здесь.

Она вспоминает высказывание, которое слышала когда-то давно, и ей кажется, что это правда: «Дух формирует тело».

Она забывает, что сама была такой горой мертвого, безобразного и дурно пахнущего мяса в периоды душевно-го отупения – во время тотальной депрессии.

Ее преследует и мучит то, что она увидела в палате на верхнем этаже. На следующий день она видит – или *думает*, что видит, как около клиники останавливается автобус и увозит «это мясо», и у нее в голове возникает образ огромной печи, из которой поднимаются черные зловонные облака дыма.

Нет! Она не здорова!

Ей выделяют комнатку, в которой она спит одна – к счастью. И еще ей дают красивое летнее платье. Насколько лучше, чем безобразные платья в Виттенау и Святой Анне!

Здесь больным сервируют вино к ужину. Группа девушек в шутку назначают ее своей «мамой». В саду можно лежать на травке в тени старых деревьев. Девушки разговаривают, смеются, поют. Вокруг – цветы и кошки. Почему бы не остаться здесь навсегда?

Возвращается старое искушение: разве не проще остаться на всю жизнь в психиатрической клинике?

Но ей не дают спокойно мечтать о безмятежном будущем, ее зовут в ателье работать. Как и в рабочей комнате в Виттенау, больных собирают здесь в восемь утра, и они работают до полудня, и еще после обеда до шести вечера. Женщины вышивают, вяжут и шьют под наблюдением медсестры. Здесь знают, что она рисует, поэтому ей приносят бумагу и черную тушь.

Проходят несколько дней, прежде чем она начинает работать. Солнце манит в сад. Ей разрешают делать, что она хочет. Но это против здешних порядков. Ее уговаривают начать работать. Она склоняется над белым листом бумаги, окунает перо в тушь, и на мгновение к ней возвращается знакомое чувство возбуждения и любопытства: что она нарисует? Каков будет первый штрих, и что из него выйдет? И как только перо касается бумаги, музыка, играющая по радио, вдруг обрывается и слышен голос белого человека: «Je suis fou de joie!»¹

Музыка снова начинает играть – мелодия продолжается ровно с того места, на котором оборвалась его возгласом. Женщины удивленно переглядываются, одна из них говорит: «C'était un fou».²

Замечательно! Он очень далеко, но он *знает* и *видит*, что она начала рисовать! Он может все. Она знает это по опыту.

Эта слабая магия не сравнится с теми преобразованиями, которые ей удавались в минуты истинного безумия, но и этого довольно, чтобы подстегнуть ее детскую веру в чудеса: она чувствует легкий жар, которого хватает ровно на то, чтобы закончить рисунок. Она *знает*, что в работе – спасение.

На белом листе появляется глаз – и его злой взгляд вызывает к жизни второй, в пару себе.

В следующие дни на листе проступает дьявольское лицо, становится чернее и чернее, и она ломает перья, с воодушевлением делая гримасу все страшнее и темнее.

«C'est le diable!» – восклицают девушки.

В один из этих дней она слышит по радио фразу: «Начинается игра между королем и королевой».

1 «Я схожу с ума от радости!»

2 «Это был какой-то сумасшедший».

Слушая приятную музыку, она пририсовывает сбоку китайскую беседку, сконструированную из нот. Это дворец короля. Ах, если бы только можно было рисовать и рисовать до бесконечности! Она так же увлечена, как когда рисовала «Rencontre avec Monsieur M – ma Mort».

Врач заглядывает ей через плечо и просит ее одолжить ему этот рисунок на один день.

Здесь, в Ля Фон, ей каждый день выдают сорок сигарет и – по ее просьбе – две банки йогурта. Она старается есть только красное и белое: вино, белый хлеб и йогурт. Каждое утро она обнимает красивую и хрупкую пожилую даму – ведь у нее такие красивые синие глаза. Едва завидев ее, дама сама протягивает руки ей навстречу. Она еще никогда не привязывалась так к пожилому человеку. У нее умное лицо – почему она здесь?

Однажды утром она спасает двух новорожденных котят, которых хотели утопить, и эти две кошки, подрастая, радуют ее пожилую подругу. Сама она чувствует себя по-королевски: не считая того младенца-чертенка в детской книжке, она еще никому не помогла. Потом кошек забирают домой две медсестры. Где же несчастье? Ведь и Виттенау, и Святая Анна были до краев полны несчастья.

Она начинает прислушиваться – присматриваться.

Она словно просыпается! Почти каждое утро около пяти утра она слышит тихий плач наверху, кто-то поскуливает, как щенок, потом плач приближается – превращается в вой и, наконец, переходит в нечеловеческий визг. Слышно, как бьют кулаками в дверь – и, наконец, избавительный звон разбитого стекла.

Крики прекращаются, медсестра убирает осколки.

«Кто это был?» – спрашивает она соседок. Они отвечают: «Мадлен». Все время – Мадлен.

Она каждое утро видит, как Мадлен – еще очень юная девушка – вцепляется в прутья больших ворот, отделяющих сад клиники от парка.

Мадлен ждет и плачет. Она садится рядом с Мадлен на траву и ждет вместе с ней. Но кого – кого она так отчаянно ждет? Время от времени Мадлен выкрикивает чье-то имя, но имени не разобрать.

И тут Мадлен судорожно пытается пролезть между прутьями, хоть это и невозможно: кто-то идет.

Мадлен бьется, как птичка в клетке, и без конца твердит одно и то же имя. Но тот человек за воротами проходит мимо!

Мадлен впадает в бешенство. Она крутится на месте, как взбесившаяся юла, топает ногами, обрушивается с кулаками на что-то невидимое, не захотевшее внять ее плачу, она разбивает чьи-то невидимые кости, выдирает волосы, впивается зубами, раздирает и выплевывает воображаемую плоть. Фантастическое зрелище, эта безумная ненависть. Картина убийства – такая выразительная, что, кажется, видишь перед собой жертву.

Это самая потрясающая «пантомима», которую она когда-либо видела. Она спрашивает других больных, кого эта девушка так безысходно ждет. «Она ждет свою сестру», – говорят они.

Вечером повторяется та же сцена. Девушка снова стоит у решетки и выкрикивает имя сестры. Кто-то подходит и останавливается за воротами. И она в первый раз в жизни видит, как люди обнимаются через решетку. Сестры шарят в карманах – они принесли друг другу подарки: яблоко, шоколад – но тут каждую зовут в свое отделение.

– Почему сестрам не разрешают жить в одном отделении?

– Попробовали. Но как только они встречаются, они сразу начинают драться.

Девушки – сироты, как она узнает позже. Их никто не навещает.

Мужчины, гуляющие в парке за воротами, смотрят на сестер с жалостью. Младшая уже несколько лет ковыряет крючком в грязном шерстяном лоскуте, хочет связать старшей красивый теплый платок на зиму.

Следующее утро опять начинается с жалобного собачьего воя, и снова разбивается стекло в двери и начинается ожидание у решетки в саду. Однажды утром девушка завывает так невыносимо, что она вскакивает и гасит сигарету прямо между лопаток несчастной.

Вой утихает, как замолкающая сирена на низких тонах, и унимается совсем. Неожиданность: девушка благодарит ее за причиненную боль и добавляет: «Вы мне действительно помогли».

Она задумчиво разглядывает дыру, которую она прожгла сигаретой в девушкином платье, и начинает догадываться, что дело, видимо, в мазохизме.

Как она прежде не замечала? Теперь она видит, что каждая здесь по-своему несчастна. Прекрасный сад, безоблачное небо, красивые платья – все это только кажущаяся безмятежность.

Сколько здесь «пар», которым не дают встречаться! Мужчина по имени Иисус приходит два раза в день, чтобы обнять свою девушку. Он немой. Но он слышит слова, которые девушка шепчет во время их кратких свиданий. Он прижимается щекой к решетке, так что железо врезается в кожу, и она покрывает его лицо мелкими, детскими поцелуями.

«Ah – c'est penible, penible»¹, – говорит один больной, глядя на эту сцену. Он стоит недалеко под деревом. Да,

¹ «Ах, это невыносимо, невыносимо».

больно и грустно смотреть на их свидания. Подруга Иисуса доверяет ей, что они встретились много лет назад на летнем балу, который иногда устраивают для больных. С печалью в голосе она говорит, что врачи не разрешают им жениться. У нее эпилепсия, а Иисус пьяница, лечится от алкоголизма.

И еще она видит брата и сестру, которые каждый вечер обнимаются через решетку и обмениваются маленькими подарками.

Каждый день и каждый вечер одна пациентка впадает в бешенство. Она крутит рукой в воздухе, будто замешивает тесто для воображаемого пирога, но, на самом деле, она приводит в движение внутреннюю клоаку, из которой, в конце концов, выплескивается целый поток ругательств через ее рот. «Опорожнившись» таким образом, она с довольным видом садится за стол и поглощает целую гору еды, снова наполняя клоаку.

Или вот еще одна – она медленно сползает со стула на пол и пытается выцарапать себе глаз. Этот глаз у нее вечно воспален. Никто не обращает на нее внимания. Может, через пару лет у нее, действительно, вывалится глаз и укачнется куда-нибудь под пол.

Такие вещи невозможно забыть.

Одна пациентка – только одна – вызывает неизменный смех у всех других. Вокруг нее всегда собирается круг женщин, они греются рядом с ней, как в лучах солнца.

Она всегда говорит только о любви. Она рассказывает так, что нет ничего зазорного в том, чтобы умирать от смеха, слушая ее рассказы.

У нее столько любовников и столько детей от них – невозможно себе представить! С корзиной, в которой лежит вино, хлеб, сыр и ветчина, любовники идут в поле, смеются друг у друга в объятиях, потом расстаются, но тут же

находят другого или другую и смеются еще пуще – все так просто! «Quelle bordel, la vie!»¹ – кричит девушка из публички и валится на траву от смеха.

Другая уходит в слезах, потому что понимает, что ни один мужчина не позовет ее на пикник в поле.

Одна больная сидит в стороне и тихо разговаривает с невидимым партнером, не замечая ни жары, ни холода. Она не слышит, когда зовут обедать. Она всегда спокойна – эта «пара» живет в согласии.

Счастье – иметь достойного «собеседника», который никогда не оскорбит и не обидит. Она вспоминает женщину в Виттенау, которая долго разговаривала с воображаемой иголкой – это была веселая иголка, сыплющая островами.

Ее иголка всегда давала хорошие и умные советы.

Она разговаривает с одним пациентом через решетку, и он говорит слова, которые ее изумляют: «On est fou». При этом он счастливо улыбается.

(Как будто в сумасшествии можно найти счастье и покой! Хотя, может быть, он и прав.)

Он дарит ей яблоко. Он работает в парке. У него большая, красивая собака. Женщины держат кошек, мужчины – собак. Больным полезно иметь животных. Для мужчин, кроме того, построена ферма, где они могут работать, если хотят. Каждые две недели больные выпускают собственную газету с текстами, ребусами и картинками.

Один-два раза в месяц им показывают кино.

В кафетерии можно заказать напиток.

Но на триста больных женщин здесь всего один врач!

Иногда она встречает в парке маленькую пятую колонну больных детей. А в столовой ей попадается великий одиночка – старик с великолепным лицом, вылепленным

¹ «Не жизнь, а бордель!»

меланхолией. С меланхолией можно жить, это не депрессия. Однажды она идет через парк и натывается на «пропасть», в которой видит недоразвитые, как у зародышей, лица особенной пятой колонны – эти лягушачьи лица она помнит с детства. Они тянутся к свету, как если бы солнце могло помочь им превратиться в людей.

Она видела все. Ее выписывают. Она возвращается в Париж, надевает белое пальто и гуляет по улицам, медленно – и пока незаметно для себя – погружаясь в черную депрессию.

Нет! Во время этого последнего кризиса с ней не произошло ничего «стоящего» – ничего, чем окупилась бы надвигающаяся безнадежность. Она запирается в своей комнате в отеле и не может ни спать, ни есть, ни работать.

– Я чувствую себя, как в тюрьме, – говорит она психиатру.

А он отвечает:

– Вы сами себе тюрьма.

– Это замкнутый круг, – говорит она другому психиатру.

Он отвечает:

– Я не верю в замкнутый круг.

Но и «круг», и «тюрьма» исчезают, и она снова может работать – до следующего «тринь», до следующего сигнала «оттуда» – стука молотка, выбивающего 9 или 7 по крыше и разбивающего ее покой вдребезги. Нужно только заметить, услышать «тринь» в звоне посуды, которую моет незнакомая женщина, а девять ударов молота раскалывают камень у каменщиков. –

ТЕМНАЯ ВЕСНА

Отец – первый мужчина, которого она видит в жизни: низкий голос, густые брови, красиво изогнутые над смеющимися черными глазами. Он целует ее; у него колючая борода. Запах сигаретного дыма, дубленой кожи и одеколona. Его сапоги скрипучи, а голос темен и тепел. Он крепко обнимает ее, а ей смешно. Он играет с малышкой в кровати. Она влюбляется в него с первого взгляда. Он приезжает домой с войны, когда у него рождается дочь. Ее первое впечатление о нем глубоко и незабываемо. Она предпочитает его женщинам, которые ее обычно окружают. Его запах, сильные, узкие ладони, глубокий голос!

Но взрослея она с удивлением и болью замечает, что он почти не бывает дома. Она скучает по нему. Кто редко появляется, по тому и скучают.

Когда они встречаются после долгого перерыва, он целует ей руку, как взрослой даме. Ее бесконечно влечет к нему. Всякий раз он покидает домашний уют и возвращается не раньше, чем через несколько месяцев, довольный и загорелый.

Она не знает, как он проводит время. Она чувствует, как ее тянет к нему, потому что он редкий и загадочный гость. Это – первый урок для нее. Он приводит домой друзей, которые называют ее «принцессой». Они подбрасывают ее к потолку, и она, доверяя всему, что делают мужчины,

чувствует, как ее ловят в последнюю минуту перед самым падением. Мужчина в ее глазах превращается в волшебника, в существо, способное совершить все, даже самое невероятное. На втором году жизни она слышит первую в жизни песню. Война приближается к концу. Ее везут в коляске мимо террасы, под крышей которой сидит группа солдат в серой форме и с оружием в руках.

Они поют старую солдатскую песню. Печальная мелодия разносится под серым небом дождливого дня: десять тысяч солдат, они идут поход, турумбурум, турумбурум, они идут в поход, турум-бурум...

Нянька выпускает из рук коляску, садится на ограду и начинает плакать. Тут девочка начинает так звать отца, как будто он в смертельной опасности. Предчувствие чего-то ужасного охватывает ее.

Но война кончается, и отец возвращается домой. Серьезный и похудевший, он садится за письменный стол. Огромный стол, заваленный стопками бумаг. Лампа под зеленым абажуром освещает красивое печальное лицо. Он выглядит больным. Она не знает, что он чуть не умер от тифа как раз в то время, когда она так страстно звала его.

Она забирается под стол, в темноту, и гладит его блестящие ботинки. Она наблюдает за ним – она наблюдает за всеми в доме. Значит, люди делятся на мужчин и женщин. Их занятия различны. Когда она лежит в своей комнате, пытаюсь заснуть, она смотрит на крест оконного переплета. Разглядывание креста наводит ее на мысль о разделении на мужчин и женщин: вертикальная линия – это мужчина, а горизонтальная – женщина. Точка их пересечения – загадка. (Она ничего не знает о любви.) Мужчины носят брюки, женщины – юбки. Что прячется под брюками, она узнает, наблюдая за братом. То, что она видит у него между ног, когда он раздевается, напоминает

ей ключ, а сама она в этом месте носит замок. Как и все дети, она хочет узнать, почему существуют два пола. Одна, прячась от посторонних глаз, она роется у отца в библиотеке, пытаясь найти ключ к разгадке. В энциклопедическом словаре она находит картинки голых людей.

Мужское тело становится для нее символом жизни. Она совершенно околдована. Она подсматривает за отцом, когда он одевается, но отец замечает ее взгляд и прикрывается, чтобы не нарушить табу. Ее терзает неутолимое любопытство. Однажды поздним летним утром она залезает к матери в постель, и это большое и толстое, уже некрасивое тело ужасает ее. Неудовлетворенная женщина бросается на девочку с открытым ртом, из которого вылезает голый влажный язык, длинный, как тот прикрытый брюками предмет у ее брата. В страхе она выскакивает из постели, чувствуя себя глубоко оскорбленной. В ней зарождается глубокое и непобедимое отвращение к матери и женщине вообще. Она пока не знает, что брак родителей распадается, но начинает догадываться, когда отец приводит в дом чужую, красивую и элегантную, даму, которая дарит ей дорогую куклу. Она берет нож и выковыривает кукле глаза – мстит за то, что в доме нет счастья. Она вскрывает кукле живот и разрывает дорогое платье. Никто из взрослых не произносит ни слова. Она наблюдает за тем, как отец погружается в разглядывание красивой дамы и забывает о присутствии дочери. Смертельное одиночество переполняет ее, она начинает ненавидеть мир взрослых. Приходит и супруг дамы – толстый белесый скандинав, и мать, словно это само собой разумеется, обращает все внимание на него. Теперь в доме две пары, и они не скрывают друг от друга своих отношений. Чтобы отделаться от любопытной девочки, мать приказывает ей отправиться после обеда в постель. В комнате с зашторенным

окном невозможно уснуть. Она думает, как бы ей тоже заполнить себя. Она берет в постель все длинные и твердые предметы, какие только можно найти в комнате, и засовывает себе между ног: холодные блестящие ножницы, линейку, расческу, ручку щетки. Глядя на крестовину окна, она мечтает о том, чтобы соединиться с женщиной. Она сдвигает холодную металлическую спинку своей белой кровати. Она снимает золотую цепочку с шеи, продевает между ног и трется об нее до боли. Она встает и тайком съезжает, голая, вниз по перилам. С тех пор, как ей приснился похотливый сон, она умеет вызывать в себе желание.

Однажды утром она просыпается и вспоминает, что ночью произошло что-то чудовищное. Но забавы с собственным телом утомляют ее, и сердце бьется так, что она едва дышит. Она бледнеет, под глазами появляются синяки. Отец влюбляется в ее хрупкость и зовет ее «филиграночка». До двенадцати лет она предпочитает его всем прочим мужчинам. Его красивая подруга уехала. Аромат ее крепких духов еще надолго остается в квартире. Мать находит нового любовника, он заваливает девочку подарками. Отец уезжает в путешествие на Ближний Восток. Он присылает ей открытки с изображениями женщин в чадрах. В доме тихо. Никто о ней не заботится. Тут в ее жизни появляется новое, загадочное существо – служанка, девушка по имени Фрида Шплиттер. Она не расстается с Фридой ни на шаг, когда та занимается домашними делами. После обеда Фрида ложится на кровать в своей комнате и читает толстую книжку под названием «Замок Штольценберг». На обложке – яркая картинка: красавица графиня верхом на белом коне едет на охоту. В ее шляпку воткнуто зеленое перо. На плече сидит сокол. В кустах прячется любовник. Фрида сняла платье. Она лежит в фиолетовой шелковой комбинации, отделанной белыми кружевами. У нее накрашены губы, а

волосы спадают черными прядями на голые белые плечи. Ее духи пахнут сиренью. У нее длинные красные ногти и туфли на высоких и тонких каблуках. Читая книжку, Фрида курит и ест шоколадные конфеты. Девочке кажется, что Фрида выглядит как изящная светская дама. Она ложится Фриде на живот и прижимается губами к ее рту, чтобы поймать струйки сигаретного дыма. Фрида позволяет делать с собой что угодно: гладить, целовать, тянуть за волосы, щекотать. Фриде 18 лет, и она хочет сниматься в кино. После обеда в воскресенье она ходит танцевать. Девочка смотрит, как Фрида раздевается, чтобы сменить фиолетовое белье на черное. Она пудрит и сбрызгивает духами подмышки, потом уши и изнанку трусиков. Она не стесняется девочки, а та сосредоточенно следит с кровати за каждым фридиным движением. Фрида становится символом всего прекрасного. Фридин комод полон разноцветного шелкового белья с широкой кружевной каймой. Она коллекционирует яркие упаковки от мыла. Ящики комода пахнут, как парфюмерный магазин – и она носит подвязки с шелковыми розанами. И при всей своей красоте она работает, как одержимая, в большом доме с множеством больших комнат. Работа тяжелая. Фрида очень нежная и по вечерам валится в постель, как мертвая. К сожалению, у нее некрасивый друг: мужчина в годах, с лысиной, животом, и машиной. Он заезжает за ней каждое воскресенье.

Девочка хотела бы, чтобы Фрида была замужем за молодым красивым принцем и жила с ним в замке Штольценберг. Но постепенно матери становится невыносимо присутствие молодой и стройной девушки в доме.

Мать ревнует, что девочка только и говорит, что о Фриде Шплиттер. Она увольняет Фриду под предлогом, что та слишком мало работает. Девочка безутешна в своей печали. Преемница Фриды дурна собой и горбунья. Прекрасным

часам в комнате Фриды настал конец. В комнате уже не пахнет духами. Она находит сережку, забытую Фридой, и прячет среди своих сокровищ.

Она знакомится в школе с двумя мальчиками своего возраста. Одного, того, что похож на китайца, она предпочитает другому. Он молчалив, как она. Его желтое лицо – маленькая непроницаемая маска. Разрез черных глаз узок и кос и придает лицу страстное выражение. Он стеснителен и горячо влюблен в нее. Их встреча происходит на десятом году ее жизни. Он носит зеленую бархатную шапочку своей гимназии. Его друг неразлучно ездит за ним на велосипеде, он шутник, вечно валяет дурака. Он посвящен в высокое искусство гримасничанья. Глядя на него, она смеется до колик. Ее каждый день навещает эта пара непохожих друзей. Девочка постепенно утешается после разлуки с Фридой Шплиттер. Они проводят долгие часы на увитой плющом веранде: она, клоун Франц и молчаливый Экберт. Иногда их вдруг охватывает ощущение невесомости. Они прыгают с самого высокого забора и приземляются на руки и ноги легко и мягко, как кошки. Они танцуют, кружатся быстрее и быстрее, пока не падают с ног от головокружения. Они играют в разбойников и принцессу: принцесса перебегает от куста к кусту, прячась от разбойников. Если же им удается ее поймать, они превращаются в индейцев, привязывают свою жертву к позорному столбу и стреляют в нее из лука. Игра становится опасной: этого-то ей и хочется. Ей завязывают глаза. Рядом разводят костер, так близко, что ее платье загорается. Ее тянут за волосы, щиплют и пинают. Ни звука не слетает с ее губ. Она страдает молча, погрузившись в мазохистские мечты, даже не думая о том, чтобы дать сдачи. Страдания и боль доставляют ей удовольствие. Она ерзает в своих путах и с наслаждением чувствует, как веревка глубже впивается в плоть.

Над ней издеваются, выставляют ее на смех, оскорбляют. Но она делает спокойное, сдержанное лицо, как у Экберта, и, в конце концов, ее отвязывают: она – непокоренная героиня. Они курят трубку мира: выдолбив три каштана, они наполняют их сухой травой и вставляют в них соломинку. Она начинает кашлять и кашляет до слез.

Время до ужина пролетает слишком быстро.

Она сидит с матерью и братом за круглым столом и грустно смотрит на пустующее место отца. Все несчастья десяти лет ее жизни вдруг предстают перед ней. Фрида уехала. Отец уехал. Она ненавидит мать и не общается с братом. После ужина она скрывается в библиотеке и в сотый раз разглядывает картинки в «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верна. Она влюблена в темное меланхоличное лицо капитана Немо, и она любит ужасаться четырехруким гигантским спрутам, которые забираются в подводную лодку «Наутилус», где команда отрубает им страшные изогнутые щупальца. Капитан Немо – один из героев, без которых она не может жить. Он ей ближе и постижимее, чем люди, с которыми она живет в одном доме. В девять вечера ей приказывают ложиться спать, и, как заведено, она идет в темноте, дрожа от страха, через огромный холл, по лестнице, потом по длинному коридору к себе в комнату.

Каждый раз ее мучает страх: она воображает, что по ночам по дому ходит гремящий скелет огромной гориллы. Скелет приходит, чтобы задушить ее. По пути в свою комнату она по привычке бросает взгляд на большую картину Рубенса – «Похищение сабинянок». Две толстые голые женщины напоминают ей мать и вызывают отвращение. А два темных красивых похитителя, которые перекидывают женщин через спины вставших на дыбы коней, вызывают в ней восхищение, и она умоляет их спасти ее от гориллы. Она поклоняется целой череде нарисованных героев, глядящих

на нее со старинных темных картин, развешанных в доме. Один из них напоминает ей Дугласа Фэрбенкса, которым она восхищалась в роли «Черного пирата» и «Багдадского вора» в школьном кинотеатре. Она жалеет, что она девочка. Она хотела бы быть зрелым мужчиной с черной бородой и черными горящими глазами. Но она всего лишь маленькая девочка, которая потеет от страха при мысли, что у нее в комнате под кроватью прячется горилла. Ее мучают невидимые страхи.

А вдруг скелет вскарабкается по веткам плюща и через окно проберется к ней в комнату? Тяжесть его жестких, острых костей расплющит ее на постели. Страх оборачивается катастрофой, когда она, пробираясь в темноте, задевает за сабли и с грохотом обрушивает их со стены на пол. Она бежит в комнату и захлопывает за собой дверь и запирается на щеколду. В этот раз она осталась в живых. Кто знает, что будет завтра?

Раздевшись и забравшись в постель, она из всех сил воображает разных героев и мысленно зовет их на помощь. Они молча обступают постель, ее защитники: оба похитителя сабинянок, грозный сильный араб, которого нарисовал дядя Фалада, Дуглас Фэрбенкс с блестящей саблей и пистолетами за поясом, капитан Немо, который играет на органе громкую и бодрую мелодию. В темной комнате она отчетливо видит тесный круг своих стражей и благодарит их за то, что доживет до следующего утра.

Днем к ней в гости приходит гордая испанская подружка Элиса Уркиса, и они разыгрывают вдвоем зловещую и полную страдания историю о «блудном сыне», драму ее собственного сочинения. Они одеваются в шелковые арабские одежды с широкой золотой канвой, которые отец привез с Ближнего Востока. Они зашторивают окна. Ночь, пустыня. Они изображают королевскую пару: отца и мать,

которые возносят душераздирающие жалобы о блудном сыне. Они с Элисой изобретают полный протяжных рыданий драматический язык, в котором умещается вся боль мира и который никто, кроме них, не понимает. Этот воображаемый язык состоит из одних гласных. Когда их силы уже на исходе, они открывают жалюзи и, оглушенные, смотрят в слепящий солнечный свет. На улице день. Всю ночь они рыдали о блудном сыне. Потом они ссорятся: каждая хочет играть блудного сына, который лежит на чужбине, в темном лесу, истекая кровью, его смертельно ранили разбойники.

Элиса успевает первая: обливает арабский шелк красной тушью, обвязывает голову платком в алых пятнах, падает на пол, раскидывает руки и ноги и, стоная, закрывает глаза. Блудный сын лежит, умирая. Она наблюдает за Элисой с завистью и думает, что сама сыграла бы гораздо лучше. Элиса устает стонать и кататься по полу, и теперь приходит ее очередь. Она играет отца, который находит сына, смывает с него кровь и перевязывает раны.

Сын оживает, проглотив горькую микстуру, и его коронуют, после того как старый король восходит на ложе смерти. Самым удачным и захватывающим моментом во всей драме был придуманный язык плача. Из-за того, что в комнате было темно, они совсем не стеснялись. Потом они выходят в сад и играют в Ункаса, последнего из могикан, которого Магуа ранит ножом в сердце. Самое главное – долгий плач отца, Чингачгука, об умершем сыне. Они декламируют наизусть целые страницы из «Кожаного Чулка» Купера. Во всех их играх таятся ужас и опасность. Они опять без стеснения целиком отдаются драме. Ровная и спокойная домашняя жизнь давно наскучила, и все дозволено, лишь бы возбуждало. Жизнь без несчастий непереносима.

В этот тихий и жаркий июль, после полудня, когда возбуждение вот-вот разразится грозой, к ней в комнату врывается брат и швыряет ее на постель. С перекошенным лицом и в жутком молчании он расстегивает брюки и показывает ей вытянувшийся предмет между ногами. Ее мучит любопытство и страх. Она знает, чего он хочет. Но она его презирает. В ее глазах он всего лишь глупый шестнадцатилетний мальчишка. Она изо всех сил защищается, но он сильнее, ей не вырваться. Она презирает его за юность. Он бросается на нее и вонзает «нож» (как она это называет) в ее «рану». Тяжело дыша, он наваливается на ее маленькое тело. Он поднимается и опускается в быстром темпе. Она чувствует колющую боль, ничего больше. Ей стыдно, она разочарована. По ночам она отдается мужчинам, обступающим ее кровать, с таким возбуждением и с такой страстью, что эта жалкая реальность, которую навязывает ей брат, не имеет значения. Через несколько минут – ей кажется, долгих часов! – он скатывается с постели и молча выходит вон. Но вскоре возвращается. У него злое красное лицо: «Пожалуйста матери – убью».

Она смотрит на него, не произнося ни слова, с презрением. Она оскорблена, разъярена.

Этот случай превращает брата с сестрой в смертельных врагов.

Она хочет его убить. Он добился своего только из-за того, что он сильнее. Она желает ему несчастья. Ей будут сниться сны о том, как она его истязает.

Иногда, когда приходит Франц, он так ее смешит, что она писает в штаны. На запах прибегает собака и сует голову ей между ног. Это наводит ее на мысль. Она спускается в подвал, идет на собачье место и ложится на холодный бетонный пол, раскинув ноги. Холод еще больше распяляет ее, а собака, тем временем, начинает лизать ее

между ног. Она впадает в экстаз и выгибается навстречу терпеливому языку.

У нее болит спина от лежания на жестком полу. Она любит, когда похоть смешивается с болью. Возбуждение еще усиливается тем, что в любой момент кто-нибудь может прийти и увидеть ее. Она слышит, как секретарша отца печатает на машинке в соседней комнате. Пока она часами отдается собачьему языку, ее брат наверху делает открытие: он сидит перед туалетным столиком матери и забавляется массажным аппаратом, который мать использует в косметических целях. Этот аппарат производит вибрации, его можно приложить к любой точке тела. Мать использует его, чтобы массировать лицо, а сын засовывает его в расстегнутую ширинку. Превозмогая слабость и головокружение, она поднимается из подвала и видит, как брат, запрокинув голову и закрыв глаза, извергает семя. Небо темнеет. Будет гроза. Атмосфера заряжена. Взрослые не обращают внимания на детей, которые только и думают, как бы повторить это ощущение.

Двое друзей брата прячутся в обрезке темной, длинной канализационной трубы, которая лежит на дороге, где идет ремонт, и онанируют во время грозы. Она идет в библиотеку отца и разглядывает непристойные иллюстрации «Истории нравов» Фукса. В то же время, она недовольна, что у отца есть такие книги. Она хочет, чтобы ее отец был чист, как ангел – как бог. Она садится с книгой в кожаное кресло в углу и онанирует над картинками. Она не способна думать ни о чем другом. Но частое удовлетворение желания оставляет после себя лишь гнетущую пустоту. Она ищет настоящей наполненности, и не находит. Везде фальшь. Все дети ее возраста проходят через подобное. Знакомые девочки засовывают себе между ног карандаши, морковки и свечки, трутся об острый край стола, нетерпеливо ерзают на стуле.

Хоть они и дети, но уже чувствуют, что спасение и излечение их ранних страданий может прийти только от мужчины. Но ни одна не знает такого мужчины, который принял бы ее в свои объятия. Они еще слишком маленькие. Они не стесняются друг друга. С неумной болтливостью они делятся своими переживаниями. Они разочарованы, когда узнают, что подружки не умней их самих. Это замкнутый круг, вырваться из которого они не в силах, остается только надеяться на будущее. Она мечтает о насилии, которое причинит ей темный человек. Из всех сил она воображает себе свирепого злодея. Когда она лежит ночью у себя в комнате, она представляет себе черный, сияющий бриллиантами зал в неровном свете факелов. Черный – самый жуткий из всех цветов – господствует в воображаемой картине. Она лежит на черном, холодном куске мрамора с острыми краями. Насильники связали ее. Края этого ложа мучений впиваются ей в спину. Кольцо одетых в черное людей вокруг нее сдвигается. Горящие глаза сверкают сквозь прорези отвратительных масок. На некоторых из насильников – блестящие шлемы. Они срывают маски, и она видит дикие лица арабов, китайцев, негров и индейцев. Она предпочитает цветных мужчин белым. Они молчат и стоят, не двигаясь. Она боится. Ей очень важен страх. Она любит ужас и трепет. Она бесконечно польщена, что оказалась в центре внимания этих мужчин. Каждый из них вооружен. Они пришли, чтобы убить ее. Для нее это большая честь. Ведь это все короли, графы, князья. Раздается оглушительная органная музыка – угрожающая, траурная. Это капитан Немо, это он играет на органе! Она бьется в своих путах, и они глубже врезаются в кожу. Ее фантазия так сильна, что она действительно чувствует боль. Не всегда она переживает всю сцену до конца, до смерти, которая наступат от тысячи медленных, затягивающих мучения ножевых

ран. Ей запрещено кричать или даже перекашивать лицо. Один нож медленно вклинивается в ее «рану» и превращается в жаркий и подвижный собачий язык. Ее переполняет желание, а индеец, тем временем, медленно перерезает ей глотку. Только в темноте, пока она одна, она может воображать себе подобные сцены. Спасителя нет. Каждую ночь она заново умирает.

Днем она должна выполнять школьные обязанности. Есть один учитель, которого она любит и который предпочитает ее другим девочкам из класса, потому что она пишет лучшие сочинения. Остальные девочки ревнуют ее к нему.

Хорошо поставленным голосом он читает девочкам лирические или драматические стихотворения. По слухам, перед тем как стать учителем, он был актером. У него копна светлых, уже седеющих волос, нос с горбинкой и сияющие, кошачьи зеленые глаза. Он элегантно одевается и на особенный лад картавит и растягивает слова. Из-за этого он похож на иностранца, а все иностранное кажется девочкам привлекательным. Многие из ее одноклассниц влюблены в него. Иногда он ловит их откровенно нежные взгляды. Он женат. Жена – его бывшая ученица. После уроков она встречает его у школы. И вот у нее вырастает и страшно выпячивается живот. Девочки знают, что она ждет ребенка, и не в состоянии отвести взгляда от ширины живота учителя. Их поражает тот факт, что их уважаемый учитель, который до этого считался избранным и неземным существом, опустился до того, чтобы сделать ребенка точно так же, как их собственные отцы. Они на него в обиде. С высот богоподобности он низвергается в мерзость банальности. Они обижаются, что он такой же, как все. В своих враждебных пересудах они свергают учителя с трона, на который сами же его подняли, и вываливают его в грязи секретных разговоров. Они ругают его между собой

и придумывают ему неприличные прозвища. Когда он задает им вопросы на уроке, они насмеются над ним и дают нахальные, нелепые ответы. Словно проклятье упало на весь класс. Атмосфера удушающая. Очарование разрушено. Он впадает в ярость и одновременно стесняется, потому что догадывается, из-за чего произошла эта перемена. В наказание он заставляет их делать слишком много заданий и оставляет после уроков. Он уже не читает им стихов, только учит ненавистной грамматике. Он уязвлен и смущен: он говорит, что дети «утратили чистоту» мыслей.

Какое облегчение для девочек, когда жена учителя в один прекрасный день появляется перед школой снова стройная и красивая. Она толкает перед собой коляску. Все девочки хотят приласкать младенца. Ребенок избавляет их от мыслей о взрослых проблемах, от которых они пока далеки. Постепенно он снова поднимается на прежнюю высоту над ученицами. Все в порядке.

Но мир длится недолго. Однажды летним днем, когда она возвращается домой из школы с подружкой, – улицы пустынно в этот полуденный час – они встречают человека на велосипеде. Отвратительная, ужасная нагота сияет, ослепляя и вгоняя в дрожь, из его расстегнутых штанов прямо им в глаза. Он подзывает их поближе и приказывает коснуться чудовищного предмета, который им кажется не меньше полуметра длиной. В смертельном страхе они хватают друг друга за руки и со всех сил бегут домой. Но ноги словно увязают в глине, им кажется, что они не могут двинуться с места, как в страшном сне. Убежденные, что голый предмет все растет и вытягивается и преследует их, они из последних сил вбегают в дом и захлопывают за собой дверь. Они врываются в кабинет отца, который спойно диктует секретарше письмо. В неловких выражениях они рассказывают ему, что случилось. Отец спрашивает,

не собирался ли человек просто пописать на улице. Но когда они говорят, что человек на велосипеде хотел, чтобы они потрогали его чудовищную штуку, он звонит в полицию. Полиция спрашивает, как выглядел человек, но они не помнят ничего, кроме той штуки у него между ног.

Наверху, в своей комнате, она подбегает к окну и смотрит вниз. Человек испарился, улица пуста. Осмелев в безопасности, подружка говорит: «Если бы он сейчас был еще там, я бы пошла и потрогала его штуку». И на них нападает долгий истерический смех. Их возбужденная фантазия рисует им картины одна невероятнее другой – что бы было, если бы человек с велосипедом еще стоял на улице. Теперь, когда прошел первый шок, он бы с легкостью уговорил детей и добился желаемого, но он про это не знает. Он ищет новых жертв. Ему нравится шокировать девочек. «Он бы, наверное, убил нас и закопал в Груневальде, если бы мы отказались делать, как он хочет», – задумчиво говорит она.

«Я бы хотела, чтобы он стоял на улице. Я бы пошла и потрогала его штуку», – повторяет подружка. «Виноват не убийца, а жертва». (Эту фразу произнес известный берлинский адвокат во время нашумевшего в двадцатые годы процесса.)

Опасности окружают. Обе знают об этом. Но в опасностях есть своя прелесть – они спасают от рутины, от ежедневной скуки.

Они со служанкой идут за покупками, и им встречается мужчина, который бросает им в лицо непристойность – слово, которое дети произносят только шепотом и которое означает совокупление. Она делает вид, что не поняла, что это значит, и мучает служанку, чтобы та повторила. Служанка краснеет и молчит. Мир вдруг переполняется такими словами. Как будто других слов больше нет. Мысли всех окружающих теперь как будто вращаются только

вокруг секса. Казалось бы, для нее уже нет никаких секретов. После случая с братом она знает все. Ей десять лет. Она чувствует пустоту и печаль. Она недовольна, что у отца есть непристойные книги. Ее отец! Ее бог! Он разочаровал ее, как и любимый учитель. От матери ничего хорошего ждать не приходится. Она давно уже это знает. Это не такая женщина, которую можно уважать. Она эгоистична и думает только о собственном покое и комфорте. Когда она хочет зайти к матери в комнату, приходится долго стучать в дверь, но и тогда не наверняка впустят. Что она делает целыми днями у себя в комнате? Что касается домашних дел, она не пошевелит и пальцем, чтобы не запачкать своих маникюренных ручек. Она не выходит в сад и никогда не играет со своими детьми. Но к ней приходят посетители, множество посетителей. Она элегантно одевается, несмотря на полноту. Ведет себя, как светская дама. У нее высокий деланный смех. Она так часто красит волосы, что все давно забыли, каков их натуральный цвет. Она отчаянно борется с жиром и дряблостью бесформенного тела. «У моей матери трое мужчин», – рассказывает девочка всем, кто готов слушать. И действительно, два посетителя ходят к матери чаще, чем отец.

Иногда, когда она ей особенно одиноко, она стучит в дверь спальни матери, и иногда ее пускают. Она видит, как мать сидит за столом, делая заметки в дневнике. Каждый день она делает заметки. В письменном столе лежит уже больше двадцати таких дневников. Что в них написано? Иногда, в приступе одиночества, она обнимает мать, но та отодвигает ее, как будто это мебель, а не ребенок. Она дает дочери пинцет и приказывает выщипывать седые волосы с ее головы. Это скучное занятие, и девочка соглашается, только если за каждый седой волос ей дадут пять пфеннигов.

С братом она по-прежнему во вражде. Она шантажирует его: «Если не дашь мне покататься на велосипеде, расскажу матери, что ты со мной сделал». Велосипед новый и красивый, и брату он очень дорог. Но что делать. Он дает ей велосипед на час. Она на всей скорости врывается в грузовик. За починку велосипеда ей приходится платить из своих карманных денег. Все идет наперекосяк. Дни непереносимы, полны мелких неприятностей. И солнце светит с глупого, вечно голубого неба. Ей приходится спасаться в самых отчаянных фантазиях, чтобы переносить эту жизнь. Надеясь найти утешение в войне с братом, она провоцирует его: «Если ты не вернешь мне деньги за починку велосипеда, я расскажу матери, что ты делал ее массажным аппаратом». Брат бьет ее. Она царапается и кусается. Она слабее, чем он. Плача от злости, она закрывает дверь на щеколду. Нет, она больше не выйдет из комнаты. Она не будет есть и умрет от голода и страданий.

В школе одна девочка рассказывает ей, что влюблена в человека с моноклем. Ее это раздражает, она ревнует. Она рассказывает подруге, что влюблена в графа, который живет на ее улице, и что у него золотые зубы.

Они хвастаются друг перед другом воображаемыми встречами с мужчинами. Лидия Гилле, с которой она сидит за одной партой, рассказывает о том, что играет в доктора со своим дядей. Например, дядя придумывает, что у Лидии болит низ живота и поэтому он будет делать ей операцию. Он раздевает ее и кладет в ванну. Он включает теплую воду и прикладывает душ к ее «ране». Когда Лидия заново рассказывает эту историю, она сует руку в трусики и быстро-быстро водит там рукой. Ей нет дела, что другие смотрят. Онанизм на людях только усугубляет удовольствие.

Вдруг, сама не зная как, она влюбляется в Экберта. Китайское неподвижное лицо и молчаливость делают его

загадочным. Он самый интересный мальчик из всех ее знакомых.

Они забираются на чердак, закрывают за собой тяжелую железную дверь и смущенно молчат. Оба думают об одном и том же: поцелуй. Экберт на два года старше.

Ни он, ни она еще ни разу в жизни не целовались по-настоящему. Экберт слышал, что надо открыть рот и что-то делать языком. Как сложно! Ему кажется, он не сможет. Он очень стесняется. Он берет бумагу и карандаш и пишет первое любовное письмо: «Я тебя люблю! Вечно твой Экберт».

Это письмо кажется ему бесконечно длинным и смелым. Ведь он думает о всех невысказанных вещах, которые хочет сказать ей и о которых она догадывается, если тоже его любит, а значит, чтобы прочитать это письмо, потребуются долгие часы. Он не решается дать письмо ей прямо в руки. Она залезает на деревянную лошадку в углу и делает вид, что забыла о его присутствии. Она тайком следит за ним краем глаза, когда он карабкается по приставной лестнице и оставляет письмо в щели люка в крыше. Он слезает с лестницы и идет копать в ящике с игрушками, который стоит в одном из чердачных отсеков. Она благодарна, что он не настойчив. Она поднимается по лестнице и берет письмо. Они изобретают шифр, чтобы никто другой не мог прочесть их письма. Осторожно, осторожно, никогда не знаешь, что может случиться! Наверняка есть смертельные враги, способные помешать их любви.

Она пишет на оборотной стороне листка: «Я люблю тебя еще дольше, чем бесконечно, и горячее, чем пламя».

Она поднимается по лестнице и прячет письмо в том же месте. Они проводят целые часы за сочинением таких писем. Постепенно они смелеют, и письма становятся длиннее. «Если ты окажешься в смертельной опасности, я спасу тебя, даже если придется заплатить жизнью».

«Ты красивее всех на свете, и я убью каждого, кто осмелится сказать, что это не так». Потом она ложится в углу и закрывает глаза. Он дрожит в предвкушении. Тишина – смущение. Он не знает, что делать. Тонкий сверток бумаги оказывается в ее руке. Она слышит удаляющиеся шаги. Она разворачивает сверток и читает письмо: «Я знаю, чем тебя разбудить».

Она переворачивает листок и пишет на обратной стороне вопрос: «И чем же?» Она знает, что он напишет. Все девочки ждут этого момента. Но она – нет. С поцелуем игра пришла бы к концу. Она хочет жить в ожидании. С поцелуем ожиданиям настанет конец. Что потом? Второй поцелуй – уже привычка. Она встает и убегает в слезах. Неужто любовь так коротка? Неужто нет ничего, кроме поцелуев? Объятий? И того, что сделал с ней брат? Неужели это все?

Он смотрит ей вслед в отчаянии. Нет, таких девочек он совсем не понимает!

Этим летом она учится плавать. В старом, деревянном бассейне на деревянных сваях, который называется «Спортивный комплекс Халензее». Когда идешь по доскам, кажется, что шатается все сооружение, и от этого возникает чувство неуверенности, подвешенности в воздухе. В мутной зеленой воде отражаются сваи, заросшие мхом и водорослями. Когда снимаешь кабинку для переодевания, получаешь латунный жетон на цепочке и надеваешь его на запястье. Для детей, которые еще не умеют плавать, выгорожена большая и мелкая часть бассейна. В воду ведут ступеньки. Два загорелых инструктора ведут урок. Ей привязывают на спину большой надувной барабан, но все равно прицепляют к страховочной леске. Инструктор начинает считать, она выполняет в ритм счета классические движения пловца. После каждого урока она восхищается учителем плавания, когда он идет купаться и прыгает с

десятиметровой вышки. Он пикирует с раскинутыми руками, словно птица, и рассекает воду плавным, изящным движением. После купания она ложится на нагретые солнцем деревянные мостки. От купания тело расслабляется, становится мягким и податливым. Новое для нее чувство – обычно она скована, напряжена.

Она лежит на спине, раскинув руки, и впитывает солнце, как милость. Она чувствует связь с солнцем, и ей уже не так одиноко. Беспокойство отступило, и она счастлива, что на несколько часов убежала из дома. Над бассейном струится чудесный запах: запах воды, высыхающего на солнце дерева, запах сигаретного дыма и пахучего масла для загара. В медленном ритме вода бьется о сваи. Учитель плавания считает однообразно и нараспев, звук летит над озером. Купальщики разговаривают тихо, сонливо. Она садится и рассматривает взрослых. Рассматривать! Неисчерпаемое удовольствие. Она видит детей, сидящих тесным кружком вокруг группы мужчин, выглядящих иностранцами. Дети внимательно слушают. От взгляда на самого высокого из них ее сердце начинает биться сильнее. Он похож на одного из тех темных людей, что по ночам в черном зале, освещенном пламенем факелов, дожидаются ее, чтобы убить. Поддавшись внезапному и безудержному чувству, она выбирает его объектом глубокой и тайной любви.

Он не замечает, не знает. Он не предполагает того впечатления, которое произвел на нее. Наконец-то, теперь у нее есть действительно большой секрет! Эти люди говорят на языке, непонятном обступившим их детям. Это еще усиливает ощущение таинственности. Осторожно, чтобы не привлечь внимания, она встает и присоединяется к кружку детей. Она хочет быть с ним рядом. Ее лицо внезапно вспыхивает от возбуждения и необузданной радости.

Вместе с тем, она бесконечно печальна. Он мужчина. Он недоступен для нее.

Она рассматривает красивое, узкое, загорелое тело с хрупкими суставами, темное, меланхоличное лицо. Он дышит спокойно и глубоко. На груди у него висит золотой амулет на черном шнурке. Он лежит на халате в синюю и красную полоску: сказочно роскошный фон. Его блестящие черные волосы слегка вьются. У него удивительно большие глаза, смелые и серьезные. Трое его друзей шутят с детьми. Он молчит, но его взгляд останавливается на детях почти ласково. Такое впечатление, что в нем смешались все благородные и прекрасные расы на земле. Она пьянеет, вглядываясь в его лицо. Она уверена, что в жизни не увидит ничего более прекрасного. Две глубокие меланхолические складки сбегают от ноздрей к углам рта. Теперь она точно знает, зачем родилась на свет: чтобы повстречать *его*. В черные часы безнадежности она спрашивала себя, зачем жить на свете. Она злилась на родителей за то, что произвели ее на свет – этот свет, такой враждебный и недостойный любви, как ей казалось. Но этот человек все меняет: увидев его, она готова умереть. Нет ничего прекраснее, чем смотреть на него, хоть он ей и чужой. В первый раз в жизни она любит кого-то, кто ей не отец. Это самое серьезное чувство в ее жизни. Она дрожит, глаза наполняются слезами. Вечером она будет долго рыдать в своей комнате. Ей кажется, что она задыхается, она едва дышит. Да, она обязательно умрет от этого всепоглощающего чувства. Кто способен перенести любовь и не умереть? Это судьба: она еще ребенок, но любит уже всерьез. У нее нет ни капли опыта, она не знает, как защититься. Она чувствует себя пылинкой в урагане, ее подхватил неистовый вихрь. И никого, кто бы помог, никого, кто мог бы догадаться, что она страдает. Да, теперь она знает наверняка:

она появилась на свет, чтобы повстречаться с ним. И с этой встречи начинается бездонная боль. Она до краев наполнена любовью – переполнена. Это чувство так серьезно – так глубоко и серьезно. Обратит ли он когда-нибудь на нее внимание? С другой стороны, она знает, что не выдержит его взгляда. Ей кажется, что он испепелит ее своими черными глазами. Пока она цела, он еще ни разу не посмотрел на нее. Она забывает о времени. Забывает о семье и родительском доме. Забывает, что пора идти домой и делать уроки...

Этой ночью он витает призраком над ее домом и заглядывает к ней в окно. Долго, спокойно и очень серьезно он смотрит на нее. Она закрывает лицо руками и рыдает. Даже если он никогда в действительности не взглянет на нее, теперь она знает, как выглядит свет глубокой, пробирающей до костей любви в его глазах. Он склоняется над ней все время, пока она спит. Она – тот ребенок, о котором он мечтает, но которого ему не подарила судьба. Он стоит за окном, когда она просыпается. Вся комната наполнена его улыбкой. Она встает перед зеркалом и пытается быть похожей на него. Она двигается по-новому: легко и грациозно. Ради его любви она хочет быть прекрасной танцовщицей, похожей на эльфа. Она чувствует, что обрела сокровище, которое едва способна перенести. После долгих дней пустоты и одиночества она внезапно начинает жить полной жизнью. Только во сне к ней она ненадолго забывается. Утром, по дороге в школу, она смотрит по сторонам, не появится ли он. Даже не видя его, она знает, что он следует за ней по пятам. Она забывает, что они даже не знакомы, она убеждена, что ему известно все об ее жизни. Она верит в чудо. Он преодолет все закрытые двери. Он знает расположение всех предметов в доме. Он знает, что она уже попыталась нарисовать его портрет. Ему смешно, что она спрятала рисунок в потайном месте. Он знает, где тайник, и

видел рисунок, нарисованный с такой страстью, что получилось похоже. Другие герои постепенно испаряются. Уже нет черного зала, в котором ее приносят в жертву. Она уже не хочет умереть. Она хочет думать только о нем. Это мешает ей в школе: она не может сконцентрироваться. Она стала хуже учиться. Все глубже она погружается в мечты. Когда к ней обращаются, она испуганно вздрагивает. Но Экберт и Франц разгадывают ее секрет. Они подглядывали за ней в бассейне. Они заметили, что она не спускает глаз с незнакомца. Но мальчики не дразнят ее насмешками и намеками. Экберт печален. Она ведет себя так, словно его вовсе не существует. Она не отвечает на его письма. Он отдаляется от нее. Каждый день она ходит в бассейн и сидит после урока плавания на деревянных мостках, чтобы наблюдать за незнакомцем, пока он не видит. Он курит с закрытыми глазами. Рядом с ним села девочка из ее школы. Девочка с большой, замечательной грудью. Девочка старше, чем она. Она чувствует уколы ревности. Та девочка уже умеет флиртовать. Она ложится так близко, что как бы случайно касается его плечом. Не взглянув на нее, он встает и прыгает в воду. Она празднует победу! Вечером она снова и снова рисует его лицо. Она запирает рисунки в ящик стола и прячет ключ. За ужином она не говорит ни слова. Она рано идет в постель, чтобы думать о нем. Она пытается представить себе, как это будет, когда она в первый раз заговорит с ним. Неужели никогда?

В дождливый день, когда в бассейн пойти нельзя, она пытается представить себе, что никогда его больше не увидит. Любить всегда с одинаковой силой может только тот, кто любит без надежды. Это как плитка шоколада, о которой мечтаешь и которую никто никогда не подарит. Невозможно перестать мечтать, и шоколад затмевает все остальное в жизни. Он недоступен.

Снова выходит солнце, и она как будто просыпается от летаргического сна. Солнце отныне – главный элемент. Если будет солнце, она его увидит. Пыль пляшет в столбах солнечного света из высоких окон в холле. Она пробует встать на такую балку из света, чтобы вскарабкаться в небо. Иногда она ведет себя совсем по-детски, хоть ей уже двенадцать. Она верит в чудеса. И она падает на пол носом вниз. Может быть, в следующий раз получится.

Приближаются длинные каникулы: время абсолютной свободы. Скоро уже не надо будет выполнять никаких обязанностей. Матери только на руку, что дочь почти не бывает дома. Отец уехал путешествовать. Она так мало про него знает. Она скучает по нему, но и ему она не рассказала бы о своей тайной любви.

К несчастью, в этот день в бассейн приходит ее брат с друзьями. Он видит, как она сидит среди детей, сидящих вокруг иностранцев. Он замечает, что она смотрит на мужчин с восхищением, и его это злит. Он следит за ней с пристрастием, как полицейский. А она забывает о присутствии брата, как забывает обо всем, когда этот человек рядом. Она осторожно садится за его спиной. Она пока не хочет, чтобы он ее заметил. Какой контраст по сравнению с другими детьми, которые нетерпеливо ждут, когда он начнет раздавать конфеты. Он встает и прыгает в воду. Старшая девочка с большой красивой грудью тоже идет купаться, прыгает вслед за ним. У этой девочки уже есть опыт, она ведет себя как влюбленная женщина. Она подплывает к нему так близко, что их тела соприкасаются. Он вытягивает руку и топит ее голову. Младшие девочки смеются над ней. Они злятся на нее за опытность. Она же ждет того часа, когда он поднимется на вышку и прыгнет в воду. Он словно помешан на прыжках с самой высокой вышки. Он блесит на солнце, когда летит, как птица или

рыба, в ослепительном свете. Он сегодня один, без друзей. Все дети знают, как его зовут. У него длинное аристократическое имя. Он, кажется, никогда не ходит на работу. Дети думают, что он известный актер. Но никто из них не видел его в кино. (Это правда, что он актер. Он снимается в маленьких, незначительных ролях, и у него совсем мало денег. Но одет как принц. Наверное, он очень мало ест и ютится в жалкой комнатухе.)

Это детское переживание первой любви дает ей урок памятный, чем все школьные уроки: поклонение требует полной неподвижности. Задача в том, чтобы ничего не предпринимать, никуда не бежать. Что произошло с той девочкой с большой грудью? Она навлекла на себя его презрение.

Она хочет быть единственной, кто не будет искать его близости. А может быть, он вовсе не актер? Он ничего не рассказывает о себе детям. Он спокойно лежит на красивом купальном халате и курит. Он выглядит так, как будто не нуждается в компании. Она старается ему подражать и уже не дружит с Экбертом и Францем. Одиночество кажется ей особой формой благородства. Она совершенствуется в искусстве наблюдать за ним так, чтобы он этого не замечал. Она думает, что никто не знает о ее чувстве.

Но она ошибается. Брат все разгадал с одного взгляда.

В один прекрасный день он не появляется в бассейне. Говорят, что он заболел. Она думает, что умрет от страха и беспокойства. Она воображает, что он на пороге смерти и думает только о том, чтобы еще раз его увидеть. Она знает, что он знаком с ее учителем плавания. Она собирается с духом и спрашивает у него его адрес: Уландштрассе, дом 20. Это далеко от бассейна. Она не привыкла ходить одна по городу. Сама она живет в Груневальде, тихом пригороде с виллами. Городская толпа сбивает ее с толку. Машины

пугают. Она идет быстрым шагом, опустив глаза, никого не замечая. С пути не собьешься: надо просто долго идти вперед по одной улице. И все равно она боится сбиться с пути и никогда не дойти до его дома.

Она ускоряет шаг, но путь нескончаем. Она оказывается в богатом элегантном районе. Красиво одетые дамы сидят на террасах кафе и кушают пирог со взбитыми сливками.

У нее горит лицо, волосы растрепались. Она одета в старое летнее платье, из которого давно выросла. Она кажется себе уродливой и жалкой по сравнению с городскими дамами в роскошных пестрых шелках. Поблескивают кольца и браслеты, щелкают замочки лакированных ридикульей. Дамы вынимают помаду и подкрашивают губы. Они сидят, положив ногу на ногу, шелковые чулки, туфли с высокими гнутыми каблуками. На ее собственных голых ногах – старые стоптаные сандалии. Ей уже теперь стыдно за себя перед ним.

В маленьком грязном кулачке она сжимает монету в одну марку. У нее подмышкой – полотенце, в которое завернут мокрый купальник. Когда она, наконец, доходит до Уландштрассе, ее силы на исходе. Сердце судорожно бьется, потому что она знает, что его дом совсем рядом. Она не уверена, что ее к нему впустят. Она покупает фунт калифорнийских персиков на марку. Наконец, она оказывается перед домом номер 20 и заходит в подъезд. Учитель плавания сказал, что незнакомец снимает комнату у хозяйки. Она поднимается по лестнице, и тут смелость покидает ее. Она хочет развернуться и бежать домой. Только страх, что его болезнь может оказаться опасной, что он умирает, заставляет ее позвонить в дверь. Открывает пожилая седовласая женщина, которая смотрит на нее с удивлением.

Из последних сил она называет его имя и говорит, что пришла навестить его, потому что ей сказали, что он болен.

Пожилая дама приглашает ее войти и стучит в белую дверь: «К вам с визитом», – кричит она сквозь закрытую дверь. «Проходите», – кричат в ответ, и девочка входит в комнату. Она прижимает пакет с персиками к груди и едва решается сказать «здравствуйте». Она думает, что настал самый главный момент в ее жизни, но, с другой стороны, понимает всю нелепость ситуации: в двенадцать лет дети не ходят с визитом к незнакомцам.

Чем теперь она отличается от той девочки с большой грудью? Разве она не собиралась оставаться в тени, чтобы он никогда ее не заметил? Но уже поздно. Пожилая дама уже втолкнула ее в комнату и закрыла за ней дверь.

Со своей постели он удивленно смотрит на нее большими печальными глазами. Он лежит, завернувшись в халат и обмотав шарф вокруг шеи. Он медленно садится в кровати, по-прежнему удивленно глядя на нее. Она мечтает провалиться сквозь землю от стыда. Она не находит, что сказать, и проклинает себя за то, что пришла сюда. На секунду ей кажется, что это все неправда: долгий путь по незнакомым улицам, толпа людей, скопище машин, путь вверх по лестнице и звонок в чужую дверь. Бесконечно смущенно смотрит она на пакет персиков и молча кладет его на постель. «Зачем ты пришла? – спрашивает он, нахмутив лоб. – Я ведь видел тебя раньше, в бассейне?» У него хриплый голос, он скорее шепчет, чем говорит. У него наверняка сильно болит горло. Она смотрит на него, как смотрела всегда: молча и самозабвенно. Тут он вспоминает: она – одна из девочек в бассейне, самая тихая и молчаливая. Он никогда не мог понять, почему дети толпятся вокруг него. Может быть, их притягивает его пассивность? Это правда, он любит детей. Наверное, они это чувствуют и без слов. Но как же она, эта тихая девочка, пришла к нему домой? Ему страшно. Он вдруг понимает, что хотят выразить ее большие темные глаза.

Чтобы отрезвить ее, чтобы сразу разрушить безумные мечты, он говорит серьезно и строго:

– Нельзя вот так запросто являться в гости к незнакомым мужчинам. Что бы сказал твой отец, если бы узнал об этом?»

– О, я не буду ему рассказывать, – успокаивает она его.

– А это что такое? – спрашивает он, указывая на пакет с персиками.

– Я купила для вас, на свои деньги, – гордо говорит она. Чтобы скрыть свое смущение, он берет один персик и надкусывает его. Он дает ей другой, и, молча, счастливые, что нашли, чем заняться, лишь бы не говорить, они медленно едят персики. Он выплевывает косточку, она подбирает ее и с улыбкой прячет в карман платья. «На память о вас», – шепчет она. Эта персиковая косточка станет ее талисманом. Уже сейчас она думает о том, как она просверлит косточку и повесит на шнурок. Она воображает, как устроит в письменном столе секретный ящик в его честь для предметов, которые будут напоминать ей о нем. Ей уже не страшно. Теперь он знает, что она его любит. Но, может быть, сегодня она видит его в последний раз. Кто знает, что за страшные вещи могут произойти и помешать ей увидеть его снова? Земля может столкнуться с солнцем, и тогда все взорвется и сгинет в огромном огне. А вдруг она или он умрут? Никогда не знаешь, какое может случиться несчастье. Она обращается к нему с просьбой. От смущения она говорит так тихо, что ему приходится наклониться к ней, чтобы слышать, что она говорит: «Дайте мне, пожалуйста, один волос с вашей головы?» Все ее счастье зависит от его ответа. Он тронут ее серьезным тоном. Он чувствует, что сегодня – важный для нее день. Что она пережила, пока дошла до него! Он послушно наклоняет голову, и она осторожно вырывает один волос и заворачивает его в бумагу. Она прячет бумажный комочек в кулак и улыбается.

Наконец, собравшись с духом, она просит у него фотографию. Он со вздохом встает с кровати и находит самую маленькую фотографию: «Спрячь, чтобы никто не нашел». Теперь у них есть общий секрет. Она никак не может от него оторваться. Ему кажется, что у него в комнате не девочка, а маленький доверчивый зверь. Да, это правда: он всегда предпочитал взрослым детей и животных. Со взрослыми ему быстро становится скучно.

Она прячет фотографию в другом клочке бумаги, теперь оба ее кулака полны секретов. Потом она погружается в тихое созерцание. Ему нехорошо. У него жар и болит горло. «Теперь я могу спокойно умереть», – доверительно сообщает она ему, и он снова тронут ее серьезностью.

Наконец, он просит ее, чтобы она шла домой. Она обещает ему, что пойдет самой прямой дорогой и не будет нигде останавливаться. Он беспокоится, как она дойдет до дома одна через большой город. Она выходит и, как во сне, отправляется в долгий обратный путь. Теперь она чувствует, что у нее хватит сил никогда его больше не видеть. С самого начала ее любовь была безнадежна. Дома она садится за стол и срисовывает его лицо с фотографии. Она рисует портрет за портретом, не может остановиться. Получается лучше, чем раньше. Она прячет рисунки в ящик стола. Она прячет и ключ. Стол становится самым важным предметом в ее комнате. Потом она начинает искать тайник для фотографии.

Она не решается спрятать ее в стол. Никогда не знаешь наверняка...

Она делает надрез в обоях под картиной на стене и засовывает фотографию под обои. Она сомневается: ведь и тут могут найти! Ведь он просил ее спрятать фотографию так, чтобы никто не нашел? А вдруг когда-нибудь картины снимут со стены, чтобы покрасить стену или наклеить новые обои? Она не доверяет взрослым с их любовью к

порядку. Сколько раз ее игрушки оказывались в мусоре по вине взрослых. Перочинным ножиком она снова вытаскивает фотографию и долго, задумчиво держит ее в руке. Наконец, она решается. Болезненная гримаса искажает ее лицо: есть только один выход!

Она кладет фотографию в рот, тщательно разжевывает и глотает. Так она соединяется с ним. Это напоминает ей обряд кровного братства. Остается решить, куда спрятать его волос. Она берет красный сургуч, свечку и спички и запечатывает волос в шарике сургуча. Она прикрепляет черную ленточку к красной бусине и вешает этот амулет себе на шею. Персиковую косточку она закапывает в сад: из косточки вырастет дерево, а когда она сама вырастет, она будет сидеть под деревом и думать о нем.

Дома замечают, что ее долго не было. Когда ее спрашивают, где она была, она придумывает отговорку, но ей не верят. Брат, довольный, что может ей навредить, рассказывает матери про незнакомого мужчину в бассейне и что он видел, как она сидела рядом с ним. Мать запрещает ей впредь ходить в бассейн и отсылает в постель без ужина, а на улице еще светло, и в такую погоду можно было бы до вечера играть в саду.

Светит солнце, поют птицы. Ее захлестывает безнадежность. Запрет ходить в бассейн равнозначен невозможности видеть его. Она думала, что сможет это пережить, но теперь эта мысль невыносима. Не видеть его значит умереть. Она ложится в постель и ждет ночи. Она держит свой маленький красный амулет в руке и думает о своей любви и отчаянии. Она бы хотела поговорить с отцом и все ему рассказать, но он снова в отъезде. Он вернется только через две недели.

Она от всего сердца ненавидит брата. Если бы не он, все было бы хорошо. Вечно он играет в полицейского,

обязан следить за всем, что она делает. Она искренне желает ему зла. Она была бы рада, если бы он умер, корчась на земле у ее ног в ужасных мучениях. И еще она ненавидит мать: запретив ей ходить в бассейн, мать обрекла ее на самые страшные в жизни муки. Что за отвратительный мир! Ее окружают враги. Одни ограничения и препятствия. Она смотрит в окно и думает о своей близкой смерти. Она решила прыгнуть из окна. Если разогнаться перед прыжком, умрешь «на чужбине» – упадешь в соседском саду. То, что ее труп обнаружат у соседей, наверняка будет большим шоком для матери и брата. «Умереть на чужбине» – эти слова она однажды где-то прочла и навсегда запомнила. Ах, если б только уже настала ночь! Но птицы еще поют, и солнце никак не садится. Она знает, что в темноте не побоится смерти. Она забирается в вигвам, который устроила в комнате, и в последний раз перебирает свои сокровища. Отец подарил ей индийского Будду, браслет египетской принцессы и турецкую расшитую подушку. У нее есть две коллекции: разноцветные стеклянные бусины и шесть серебряных оберток, скатанных в шарики. И еще коллекция ленточек и коллекция почтовых марок. Два японских веера и «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верна. И еще плюшевый тигр, которым она играла, когда была маленькая. Ее вигвам – имитация отцовской «индийской комнаты», в которой он хранит восточную коллекцию. Ей жаль, что придется расстаться с вигвамом и что она уже никогда не вернется в индийскую комнату. Ах, ее дом все же прекрасен! Отравленные стрелы из Африки! Китайский ковер с вышитым золотым драконом! Линии, изгибы арабской резной мебели. Внизу, в индийской комнате, и тут, в вигваме, у нее настоящая жизнь – жизнь ее воображения, и эту жизнь любит больше всего. А как восхищались ее вигвамом подружки! Что скажут другие дети, когда она

умрет? И учителя. Будут ли по ней скучать? Конечно, о ней скоро забудут. Но зато она успокоится навсегда. От жалости к себе она начинает плакать. А что скажет *он*? Узнает ли он, что она умерла? Другие дети в бассейне наверняка расскажут ему, и он узнает, что она умерла от любви к нему. Она захлебывается рыданиями. Никогда раньше ей не было так одиноко. В доме тихо. Как будто все замерло.

У отца в ящике ночного столика лежит заряженный пистолет. Думал ли он когда-нибудь о самоубийстве? Наверное, нет ни одного человека, который никогда бы не думал о собственной смерти.

А *он*? С его двумя несхожими лицами? С лицом, сияющим улыбкой, когда смотрит, как дети греются на солнце рядом с ним. И с печальным лицом, когда он закрывает черные глаза и неподвижно лежит в лучах солнца. Счастлив ли он? Конечно, нет! Есть ли вообще счастливые люди? Сколько людей на всем свете стоят сейчас у окна и думают о том, чтобы прыгнуть? Ее опалает жалость к людям, зверям и себе самой. Она громко и безутешно рыдает. В испуге она запикивает в рот платок, чтобы ее не услышали. Она никого не хочет видеть. Даже если брат и мать придут извиниться за причиненную обиду, она не откроет дверь. Она им не простит. Наконец, наступают сумерки. Она постепенно успокаивается. Слезы высыхают. Она сжимает в кулаке сургушный шарик и думает о том, что никто не знает, что в нем спрятано. Когда ее найдут наутро, кто-нибудь обязательно спросит, что запечатано в этом сургуче.

Она открывает ящик стола и вынимает рисунки. Она не хочет оставлять ничего, что могло бы выдать ее любовь. Ей жалко сжигать его портреты, но так надо. Может быть, ее похоронят с амулетом на шее. Она вынимает из шкафа и надевает лучшую пижаму. В последний раз она разглядывает себя в зеркале. Она представляет себе, как

ударится об землю и как красивая пижама запачкается кровью и грязью.

Мертвая тишина будет стоять на кладбище, и люди будут переглядываться с чувством вины: разве вы не знаете, что девочка убила себя от любви? И родители с этого дня начнут обходиться с детьми куда мягче и добрее, чтобы их не постигла такая же судьба. И она воображает, как будет лежать уже не в мягкой постели, а в узком жестком гробу – как солдат, руки по швам. А вдруг она только покалечится, вдруг ее спасут?

Вдруг она на всю жизнь останется калекой?

Достаточно ли двух этажей, чтобы разбиться насмерть? Может быть, лучше выбраться из комнаты и вскарабкаться на чердак? Может быть, надежнее прыгнуть с чердака? Ужасно все сложно!

Но у нее не хватает смелости выйти из комнаты. Кто-нибудь может попасться на пути...

Она хочет выглядеть красиво, когда умрет. Она хочет, чтобы ею восторгались: никто никогда не видел мертвой девочки красивей ее.

Теперь в комнате уже почти совсем темно. Только свет далекого фонаря слабо светит в окно. Теперь ей уже все равно, «на чужбине» она умрет или в своем саду. Она встанет на подоконник, держится за ставень и еще раз всматривается в свое темное отражение в зеркале. Она кажется себе красивой, но не позволяет себе колебаться. «Все кончено», – тихо шепчет она, и ей кажется, что она умирает прежде, чем ее ноги отталкиваются от подоконника. Она падает вниз головой и ломает шею. Ее странно перекошенный труп лежит в траве. Ее находит собака и, засунув голову ей между ног, начинает лизать. Но она лежит без движения, и собака начинает тихо скулить и ложится рядом с ней на траву.

**ДВА ОТРЫВКА, ЗАПИСАННЫЕ
В САМОМ НАЧАЛЕ БОЛЕЗНИ В
ЭРМЕНОНВИЛЕ И ПАРИЖЕ.**

КРАСНАЯ ТОЧКА НА БЕЛОМ ФОНЕ

Во власти случая, или Подводя итог
увиденным лицам

Эрменонвиль, февраль 1959 года

Часть 1

*Посвящается моему сыну Кристиану
и умножению на 9*

У меня развилась особенная дальnozоркость: я отчётливо вижу на очень большом расстоянии. Раньше я такой способности за собой не замечала. Не результат ли это моего увлечения анаграммами? Когда я вижу, как ко мне приближается то, о чём я мечтала, когда желанное вдруг оказывается рядом, я смущаюсь и хочу отогнать его – почти послать подальше – туда, куда моя нежная тоска до сегодняшнего дня пыталась найти дорогу. Это – мой парадокс, моё неверие.

Сердце замирает от радости...

Но потом меня неотвратимо настигает смущение: зачем мне счастье, когда я так удобно устроилась в несчастье?

И я желаю смерти: хочу умереть от радости. Это мой эгоизм.

Кто когда-нибудь делал с ребёнком бумажного змея, кто при этом следовал детской прихоти, а не инструкциям по сборке, тот знает, сколько чистой радости в улыбках и взглядах, которыми вы с ребёнком обмениваетесь за этим занятием. Делать змея стоит только ради детской улыбки.

Неважно, что змей потом плохо летает, почти не летает, падает, ломается, лежит забытый на чердаке или на шкафу. Главное – незамутнённая радость мастерить змея.

Так и во всём остальном.

Когда наша беда приняла окончательную, неизбежную форму, у Тебя изменились глаза. Ты смотришь вдаль, отвечая: «Нож лучше друга». (Я спросила, нашёл ли Ты себе друга.)

Когда появились знаки того, что детство вот-вот кончится, мне приснился сон. Зима. Обледенелая улица ведёт влево, ещё влево, у чёрной печи с пылающими углями сидит чёрное пятно. Посреди белизны – чернота. Подойдя ближе, я вижу, что это грязный карлик. Вращая чёрными глазами, он следит, как я, спотыкаясь от страха, прохожу мимо.

Позже этот сон истолкуют как мой страх перед мужчинами. До того дня я не занималась научным толкованием снов из-за страха перед наукой под названием психология (анализ). Моё собственное толкование, по-моему, яснее: мне кажется, что уродливый карлик – моя жизнь, скрюченная, сморщенная, а я так хочу быть красивой. Моя жизнь распластана по земле, а я так мечтаю летать. Жизнь враждебна, полна злого умысла, а я так хочу довериться, открыться, пить из реки, течь рекой, захлебнуться в потоке. Но, с другой стороны, меня напугали глаза первой женщины, посмотревшей на меня в детстве так, что с тех пор я смертельно боюсь пауков. То, что было потом, впрочем, тоже не лучше. Уже в детстве я расщепляюсь на две половины.

(Этот процесс можно проиллюстрировать разными фигурами, но смысл один. Я использовала первую пришедшую на ум фигуру.) Одна половина преследовала и презирала другую, беззащитную и пассивную, за неопытность и

неловкость. Вторая же наблюдала, качала головой и повторяла жестокие замечания, как делают взрослые: «Ну вот видишь – опять! А ведь тебя предупреждали заранее! Продолжай в том же духе и увидишь, чем это кончится!»

Это раздвоение до сих пор меня мучает. Люди обманывают глазами! А казалось бы, нет ничего искреннее глаз. Но иногда я не знаю, куда деть глаза. Если опустить веки, как будто зашить, то перед глазами откроется далёкая тигриная перспектива. Что толку? Перспектива схлопывается, исчезает, неслыханный рёв превращается в жалкий скулёж. А лица! Эти лица напоминают дешёвые зимние пальто, ничем друг от друга не отличающиеся, чёрные, висящие тоскливыми рядами в магазинах.

И в этой безрадостной канители я – как в тюрьме.

Чего я ждала? (Потому что я знаю, что ждать надо.) На что так безумно надеялась? Это безумие – моя единственная сила.

И вот, свершилось, однажды тусклым летним днём. Здесь плохой климат. Моя жизнь изменилась – теперь она полна чистой печали. Это гордая печаль. И она, печаль, вступила в свои права и уже не двинется с места. У меня теперь есть собеседник по ту сторону. Это – доказательство того, что другая жизнь есть. И я с гордым упрямством противостою своей прежней жизни. Я жила в надежде найти такого собеседника. Повторю ещё раз то, что сказала с самого начала: я смущена. Смущена от внезапной полноты чувства.

Отсюда моя склонность к дистанции.

Детские воспоминания вдруг оживают. Вдобавок – переезд из Парижа в туманный Эрменонвиль. Я слышу пение птиц. Как мне здесь хорошо: небо, птицы, облака, деревья. Как мне это помогает! А ведь я действительно свихнулась, чтобы, как будто это возможно, пройти здесь по

его маленьким следам из прошлого. Хотя бы сделать вид... Деревья, кусты, небо над головой, даже туман – помогают. И ещё одно чудо: я больше не жалею, что прыгнула из окна в двенадцать лет.

Это надежда?

Конец первой части.

Часть 2

Потеряв надежду на тепло, я убиваю холод.

Как хорошо было бы стать ни мужчиной, ни женщиной, а чем-то средним. Может быть, тогда я пришла бы в себя или в Тебя? Насколько я понимаю, во мне недостаточно мужчины и недостаточно женщины, но хватает ровно настолько, чтобы мешало жить. Попытки не быть ни тем, ни другим безрезультатны. Почему? Потому что я одна пыталась решить эту задачу. Одна я вообще ничего не могу довести до конца. И не с кем поговорить. Это значит: у меня нет товарища по несчастью.

Только товарищ по несчастью мог бы поддержать меня в этом стремлении.

Это – моя беспомощность.

Как если бы мой сын был уже почти пожилым человеком, почти на пороге смерти, сквозь его глаза смотрит тот, кто посылает мне взгляд на расстоянии. Слишком расплывчатое, слишком непривычное пока ощущение, сложно объяснить. Но оно укрепляется, вселяется в меня, прикидывается правдой. Увидим – увидим эту новую беду, она уже идёт...

О Твой призрачный взгляд! Робкий, сияющий, злой от одиночества и иронии, словно без начала, а потому и без конца – так сияет Твоя мрачность в моих светлых покаях.

У ангелов должны быть такие глаза. Но робкая улыбка отцветает, вечная юность заходит за горизонт, как длинный июльский день без ночи, этот долгий, сияющий день, которого нам не дано.

Это – моё отчаяние.

Мужчина непонятен мне, как и женщина. Туда нет пути, нет шанса. Я не могу смириться. Какой ужас, какой стыд, – обнаруживать в себе мужские, женские черты!

Я верила, что повстречав человека – я говорю про встречу с мужчиной – мы способны сбросить пелену. Более того: что пелена сама упадёт, стоит произойти этой встрече.

Это – моя вера и моё заблуждение.

Но время идёт, я старею. Я кутаюсь в пропылившуюся портьеру из бархата, мёрзну.

Безнадёжность! Надежды нет.

Но тем ярче сияет мечта. Прозрачность! Святость! Свет!

Это – моё утешение.

Обманув инстинкт, что в жизни есть только дистанция и ничего, кроме дистанции (хоть дистанция и прекрасна), я мечтала в детстве о браке со светлым хромым человеком. Он учил меня, белый человек. Я сидела у его ног. Он учил, а я слушала, таков был наш брак, мы жили в парке, под вечным июльским небом. Конечно, он был красавец, он жил во дворце. Я не помню его лица, помню только святость, свет, лучившийся от волос, кожи, глаз.

И рук.

За нами цвёл, не отцветая, жасмин.

Ничто не менялось.

Он касался меня лишь глазами – огромными, драгоценными, но страшными – и голосом.

Не думаю, что я могла коснуться его руки.

Это было моё счастье.

Думаю, что я так и не перестала верить в него. И это – моя неудовлетворённость. Неудовлетворённость жизнью и тем, что в жизни может случиться.

И это – смысл моей легенды о жизни вдвоём. Когда нужно говорить с чужими людьми, меня перекашивает от формальной улыбки, меня это убивает. Людей дрессируют: они делают приятное лицо, здороваясь, добрый день, но это никому не мешает посылать этих улыбчивых доброжелателей из огня да в полымя. Я, правда, всегда была скорее «неблагодарная» – строптивая! Но и во мне сидит дрессировка.

Сколько нужно приложить усилий, чтобы быть «принцессой на горошине»...

Но лучше я процитирую эту сказку Ханса Кристиана Андерсена:

«Старая королева пошла в спальню, сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а еще сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром ее спросили, как она почивала.

– Ах, очень дурно! – сказала принцесса. – Я почти глаз не сомкнула! Бог знает что у меня была за постель! Я лежала на чём-то таком твердом, что у меня все тело теперь в синяках!

Просто ужасно!

Тут-то все и увидели, что она была настоящей принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков, – такую деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берет за себя настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто ее не украл.

Да, вот такая была история!»¹
Это – мой недостаток, мой порок.

После стольких дней глупого смеха – серьёзный день. Почти в слезах. Знаешь ли Ты, кто с Тобой говорит? Всё, что осталось за спиной, съёживается в одно пятно на ковре: две ноги, туфли сдвинуты вместе. Где-то вверху (наверное?) лицо, но я только потом, по частям и с расстояния, смогу его разглядеть. Никто не улыбается.

Возможно, такие встречи предотвращают улыбки? Улыбки, идущие вслед за добрыми днями:

Вверху, где обычно висят два лица, происходит обмен улыбками, смех, а главное – разговоры, но ниже, то есть глубже, кости гнутся от тяги устоять. Синее полуденное небо, весна – как часто ты, небо, вдруг темнеешь в одночасье, как часто поднимается вихрь и то, что люди зовут безопасностью, рвётся в клочья. По крайней мере, так было *однажды*, и меня трясёт, когда я вспоминаю, как воздух сгустился и потемнел: тот, кого уничтожают, не всегда смотрит в небо.

Как и следует ожидать, меня охватывает паника, это не так уж и плохо, потому что тут же находится решение: бежать!

Так избавляешься от лишнего багажа. Постепенно учишься иронизировать, плюёшь на ностальгию, хотя абсурдная надежда иногда зацветает в самый неподходящий момент.

О чудовищное человеческое существование! Вместо того, чтобы отказаться от мечты, я по-прежнему хочу получить своё. Скорее я откажусь верить в то, что существую. Я падаю в ад! Мне конец – в этом моя гордость, моя упавшая

¹ Перевод А.В. и П.Г. Ганзен.

пелена, моя половина, надежда и безнадёжность: почти всё, что у меня есть.

Как давно разбитые куски мозаики, годы выносят свои щепки на мой берег. Редко найдёшь фрагмент покрупней. Собираю: а что ещё делать? Тщательно складываю осколки вместе. Что раньше пылало, рвалось, – любопытство, смелость – всё проплесневело. Сумасшедшая скорость, с которой я жила, превратила меня в ослицу. Эликсир неподвижности вот-вот вольётся в моё тело и размягчит кости. Время безумной гонки уже позади. Бог знает, что я надеялась узреть...

Сегодня, если только это не обман зрения, я вижу перед собой образ. Он движется, а я, как будто ничего не жду, сижу в дедушкином кресле. Это – моё искусство хитрости, моя месть.

Неподвижно, совсем без движения, подставив ладони, эти ненужные руки, которые сами себя убедили в том, что когда-то держали что-то, но не способны ничего удержать. Ещё раз: подставив ладони, без движения – а образ приближается.

Отомстить за себя! Отомстить за одно, за другое – отомстить за всё!

Это – моя готовность обманывать и быть обманутой.

Из-за того, что меня тошнит от скорости, я никуда не поеду. Так что прощайте, Ирландия, Индия, Китай, прощайте, я вас не увижу.

Однажды у меня был гость – или дважды. Он видел и знает всё. Единственный или тройственный человек. Он даёт мне понять, что пришёл, чтобы сделать мне честь своим визитом, чтобы ввести меня в курс дела, указать дорогу...

Он даёт мне понять, что, если я очень захочу, он просветит меня, поднимет на свои высоты и ошеломит,

обучит, преобразит, умчит меня вдаль. Даже научит летать... а вдруг – правда???

К сожалению, он приходит в плохой, то есть слишком здоровый для меня день. (Короткие дни здоровья должны бы сделать меня недоверчивой.) Разумеется, когда он входит ко мне в комнату, с ним всплывает осколок, который я осторожно складываю с другими осколками. (Какая-то чертовщина с этими осколками!)

Это – моя неспособность.

Не надо было даже пытаться собрать все осколки в одно целое. Это – моя слабость, моя неспособность, моё разочарование.

Я одинокая, бедная, как уже говорила, и слишком здоровая, а ещё любопытная. Когда ничего нет, и вдруг приходит кто-то и сулит несбыточное, почти заговариваясь от возбуждения...

Этот осколок, если приглядеться, не из маленьких – наверное, чуть больше горошины. Ах, так, может быть, эти осколки – просто чужеродные тела? Ужасная мысль! И как я раньше не догадалась!

Только когда уже плыву в его кильватере, я вдруг пугаюсь, что так внезапно сорвалась с места. Только уже следуя за ним, я замечаю, что его походка нетверда. Уже в пути!

Как оглушённая, я сажусь на стул то ли у окна, то ли у двери. А ведь уже благословила стулья! А теперь сижу, пытаюсь отдышаться, и тайком стряхиваю с ног воду *его* кильватера – проклятая вежливость, от неё все мои несчастья.

Но так не может продолжаться! Приближается момент, когда я исчезну, не успеешь и глазом моргнуть.

Словно бы по-прежнему сижу на стуле, как будто ничего не изменилось, и вид из окна придаёт мне сил.

Так можно сидеть годами...

Но клянусь Вам: в *действительности*, в *моей* действительности я давно уехала, не сказав ни слова.

Расхлёбывать приходится телу, потому что в такой ситуации требуется невероятно сильно сопротивляться. Вот у меня и растёт грыжа, искривляется позвоночник, начинается горячка «неизвестного происхождения». Экспедиция заканчивается в больнице.

Это – моё спасение: в болезнях я возрождаюсь.

Прошло сорок три года, а моя жизнь так и не стала моей жизнью. Это могла быть чья-нибудь чужая жизнь. Только тогда, когда события прекратят невыносимо повторяться и повторяться, только тогда начнётся моя жизнь. Но до смерти этого не произойдёт. Всё, что я потеряла, только на то и годилось, чтобы потерять. Кроме одного – кроме тебя, Кристиан.

Я не понимаю! Как я могла тебя потерять?

И это – моя вина! Моя трусость!

Иногда мне мучительно слышать собственное дыхание. Благословляю течение времени.

Я погружаюсь в поклонение белому платью моей детской свадьбы и чувствую, как сама постепенно белею...

Уплыть в белое, слиться с белым фоном.

Так я заламываю руки. Но это мой нож, который лучше, чем друг.

Записано в большом страхе 24 февраля 1959 года

Содержание

<i>Анна Глазова. Дневник белого жасмина и черной меланхолии</i>	
Жасминовый человек.....	
Темная весна.....	
Красная точка на белом фоне.....	

